ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – ЭПОХА

Выпуск 3

Социокультурные аспекты освоения Сибири

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

УДК 93/99 (093)
ББК 63.2
Ч39

Редакторы:
В.П. Зиновьев, д-р ист. наук;
О.Н. Бахтина, д-р филол. наук;
Е.Е. Дутчак, канд. ист. наук

Рецензенты:
В.П. Бойко, д-р ист. наук;
С.Ф. Фоминых, д-р ист. наук

Издание осуществлено при финансовой поддержке проекта «Освоение Северной Азии как социокультурный процесс», выполняемого в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы. 2006–2008»

Человек – текст – эпоха: Сб. науч. ст. и материалов. –
Ч39 Вып. 3: Социокультурные аспекты освоения Сибири / Ред. В.П. Зиновьев, О.Н. Бахтина, Е.Е. Дутчак. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 268 с.

ISBN 978-5-7511-1893-8

Настоящий выпуск посвящён процессам освоения Сибири. В книгу включены исследования, освещающие различные аспекты евроазиатского культурного диалога, историю формирования и изучения населения края, особенности социокультурного развития Сибири в прошлом и настоящем.

Для исследователей-гуманитариев, интересующихся историей Сибири.

УДК 93/99 (093)
ББК 63.2

ISBN 978-5-7511-1893-8
© Томский государственный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов 5
I. Сибирь как пространство евро-азиатского культурного диалога 10
Щитова О.Г. Сибирские заимствования русских говоров среднеобского пограничья XVII в.: по материалам деловой письменности 10
Мамсик Т.С. Проблема азиатско-европейского культурного синтеза в драматической сказке В.К. Кюхельбекера «Иван, купецкий сын» 35
Нам И.В. Польские организации и Сибирская областная дума (1917–1918 гг.) 49
Кулемзин В.М. От рыболовного запора до супермаркета: охотничье-рыболовная культура на перекрестье традиций и современности 79
Бардина П.Е. Русские и ханты Васюганья (из истории некоторых родословных) 92
II. Исследователи Сибири 106
Сизова Е.В. К вопросу об истории изучения фольклора алтайцев (по материалам архива Г.Н. Потанина) 106
Видмер А. У истоков современного хантоведения 119
III. Сибиряки и сибирская ментальность 135
Большаков В.Н. Роль миграций населения в процессе освоения Сибири (конец XIX – начало XX в.) 135
Наумова Н.И. Поляки-железнодорожники в освоении Транссибирской магистрали (первая четверть XX в.) 142

Иванцова Е.В. Топонимия русского старожила Сибири: освоение пространства 160
Богомаз С.А. Различия в структуре ценностей, смыслов и личностных особенностей представителей трех городов Сибири 174
Тубалова И.В., Эммер Ю.А. Студенческий праздник в вузовском городе как лингвокультурная модель 209
IV. Сибирская литература и её читатели 222
Есипова В.А. Реконструкция бытования славяно-русских рукописей светского характера XVIII в. из собрания отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета по материалам владельческих записей 222
Рынков В.М. Репетиция классовой ненависти: сельская жизнь в описаниях корреспондентов кооперативных журналов в предреволюционную и революционную эпоху 231
Сизов С.Г. Борис Леонов: размышления на закате (рассказы, эссе, статьи 1966−1976 гг.) 242
Кулемзин В.М. Владимир Клавдиевич Арсеньев в моем творчестве 258
Наши авторы 266

ОТ РЕДАКТОРОВ

Третий выпуск сборника статей и материалов «Человек – текст – эпоха» посвящен отдельным аспектам большой, научно и практически значимой темы – освоению Северной Азии. Редакторы и авторы статей не ставили перед собой цели определить характер процесса присоединения Сибири: было ли это завоевание или добровольное вхождение народов и территорий в Российское государство. Для нас более важным являлось установить последствия этого события, отраженные на уровне языка, сознания сибиряков, особенностей их хозяйственного уклада и культурной жизни.

Присоединение Сибири в большинстве случаев не было осложнено взаимным ожесточением, которое бы отложило в народной памяти негативный осадок, такой, как, например, при завоевании Казанского ханства, Северного Кавказа, Крыма, Туркмении. Для подавляющей массы населения просто менялся «сюзерен» и направление выплаты дани.

В ходе хозяйственного освоения и межэтнического взаимодействия не сложилось устойчивых и неприязненных отношений между народами. Межэтническое разделение типов хозяйственной деятельности, практика включения местной элиты в политическую элиту страны и очаговое расселение позволили относительно мирно соседствовать русским земледельцам, тюркам-скотоводам, угро-финским, самодийским, тунгусским и палеоазиатским рыбакам и охотникам. В то же время добровольный или вынужденный диалог западной и восточной цивилизаций нельзя назвать беспроблемным.

Он привел к результатам, которые не поддаются однозначной оценке. Например, разрушение традиционных для Сибири систем природопользования привело к нарушению экологического равновесия территории, но вместе с тем облегчило межэтнические и межконфессиональные контакты и способствовало рождению особого культурно-хозяйственного типа и появлению особой, «сибирской» идентичности населения края.

Эти и многие другие сюжеты, касающиеся истории и последствий взаимопроникновения разных этнических, религиозных, хозяйственных традиций, рассматриваются в первом разделе сборника «Сибирь как пространство евро-азиатского культурного диалога». Несмотря на несхожесть взятого для анализа исследователями исторического материала (литературные тексты, системы жизнеобеспечения, политические проекты и предпочтения, семейные истории или языковые заимствования), все статьи раздела, в сущности, отвечают на один вопрос – какими могут и должны быть условия для гармоничного сосуществования западной/европейской и восточной/азиатской цивилизаций.

Подчеркивание их различий имеет давнюю историю и научное обоснование. Так, с точки зрения теории модернизации Европа является центром цивилизационного развития, Европейская Россия – полупериферией. Сибирь – периферийная территория, где жить, по представлениям европейцев, невозможно в принципе. Взгляд на Сибирь как страну воинствующих язычников – Тартарию, несмотря на успехи русской колонизации рубежа XVI–XVII вв. даже в сознании русского европейца сохранялся вплоть до конца XVII столетия и, например, для протопопа Аввакума ссылка в Забайкалье есть не что иное, как «хождение во ад». Лишь дальнейшее и постепенное освоение Сибири славянским этносом позволило православному сознанию проецировать христианскую символику Востока на ее территорию, и уже к середине XVIII столетия народные представления уверенно связывают Сибирь с местом, где расположено Беловодье – вольная, справедливая и, главное, исконно православная земля.

В настоящее время русские составляют от 80–90 % в краях и областях Сибири до 50–80 % в национальных округах и республиках. Вернее, речь идет об этническом сообществе, для которого «историческая родина» связана с территориями к западу от Урала. Сегодня этнологи предпочитают не оперировать чрезвычайно популярным в среде областников прошлого столетия термином «сибирский рус-

ский субэтнос», справедливо считая, что унифицирующие процессы XX в. если окончательно и не разрушили, то серьезно видоизменили тип «сибиряка», известный по произведениям В.Г. Короленко, Г.И. Успенского, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, Н.М. Ядринцева и др.

Особенностям складывания сибирского населения, его характеристике посвящен раздел «Сибиряки и сибирская ментальность». Важность этого раздела для реализации идеи сборника в целом заключена не только в том, что на разнообразном материале – истории локальной профессиональной группы поляков, представлениях коренной сибирячки об окружающем мире, «культуре праздника» современных студентов и внутренних различиях сибиряков отдельных регионов – решаются вопросы о действительных или мнимых особенностях «сибирского характера», о соотношении «сибирской идентичности» с другими типами позиционирования человеком самого себя (профессиональными, социальными, территориальными и пр.).

Не менее ценным, на наш взгляд, является обращение авторов статей, помещенных в этом разделе, к социально-экономической истории края. Это является еще одним свидетельством того, что постепенно преодолевается перекос, характерный для исследовательской ситуации постперестроечного периода, когда тема экономического и социального развития была «оттеснена» исследовательским интересом к истории ментальности, религии и культуры. Сибирская историческая наука в этом смысле обнаруживает очевидные позитивные сдвиги: появился целый ряд крупных исследований по экономической и социальной истории дореволюционной Сибири; продолжено изучение роли городов и городских сословий; вышли хорошие и нужные труды по истории предпринимательства и рабочего класса, по истории управления Сибирью, сделавшие более понятной административную и экономическую политику государства в крае[1]. В рамках этих тенденций важно и продолже-

---

[1] См., например: *Предприниматели* и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1995–2001. Вып. 1–3; *Шахеров В.П.* Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск, 2000; *Ивонин А.Р.* Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. Барнаул, 2000; *Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М.* Купечество Алтая. Барнаул, 2001; *Щеглова Т.К.* Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века: Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001; *Зиновьев В.П.* Современная отечест-

ние изучения роли миграций населения в процессах освоения Сибири, и исследование истории складывания транспортной сети в регионе – вопросы, поднятые на страницах нашего сборника.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает раздел «Исследователи Сибири». К сожалению, нам не удалось в развернутом виде представить историю изучения региона. Однако даже в статьях, посвященных трудам немецкого исследователя В. Штейница и сибиряков Г.Н. Потанина и Н.Я. Никифорова, отражены как минимум две тенденции современной историографической ситуации в Сибири. Первая из них – это поиск, публикация и переиздание сибирской классики – трудов П.А. Словцова, Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, записок путешественников и исследователей[1], что свидетельствует о растущем интересе к истории изучения края. Вторая – стремление рассматривать сибирскую науку как часть общеевропейской культуры и истории научной мысли.

Завершающий сборник раздел «Сибирская литература и ее читатели» имеет примечательную особенность. Все авторы представ-

---

венная историография индустриального развития Сибири в XIX–начале XX в. // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2002; *Сибирское* общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. Новосибирск, 2003; *Кириллов А.К.* Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX– начало XX века). Новосибирск. 2003; *Катионов О.Н.* Московско-сибирский тракт и его жители в XVII – XIX вв. Новосибирск, 2004; *Сибирский* плавильный котел: Социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск, 2004; *Чутчев В.С.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX– начала XX в. Барнаул, 2004; *Жеравина А.Н.* Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.). Томск, 2005; *Деловая* элита Сибири: исторические очерки Новосибирск, 2005; *Интеграция* приписной деревни и горнозаводского производства на кабинетских землях в Сибири. Томск, 2006; *Комлева Е.В.* Енисейское купечество (последняя половина XVIII – первая половина XIX века). Новосибирск, 2006; Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. Томск. 2007; *Сибирское* общество в период социальных трансформаций XX в. Томск, 2007; Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. Томск. 2007; *Зиновьев В.П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007 и др.

[1] См.: *История* Сибири: Первоисточники. Новосибирск, 1996–2003. Вып. 1–11; *Алтай* в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. Барнаул, 2005; *Скалон В.Н.* Русские землепроходцы XVII века о Сибири. Новосибирск, 2005 и др.

ленных в нем статей – историки, соответственно, задачи, которые ими решаются, выходят за рамки «классического литературоведения». В большей степени они обращены к социальным аспектам чтения и выяснению того влияния, которое оказывал литературный, конфессиональный, публицистический текст на формирование мировоззрения сибиряка XVIII – начала XXI столетия.

В заключение мы хотели бы выразить признательность исследователям – авторам нашего сборника и надежду, что идея представления в тексте, в широком смысле этого слова, человека и окружающей его действительности и в дальнейшем будет интересна научному сообществу гуманитариев самых разных направлений.

I. СИБИРЬ КАК ПРОСТРАНСТВО ЕВРО-АЗИАТСКОГО КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

О.Г. Щитова

СИБИРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ СРЕДНЕОБСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ XVII В.: ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В истории лексики говоров Среднего Приобья, по своему характеру являющихся переселенческими говорами вторичного образования, отчетливо выделяются два периода их существования – досибирский и сибирский. К досибирскому периоду относится лексика, привнесенная в среднеобские говоры первонасельниками сибирского края, бывшими жителями европейской территории Российского государства. Это в основном общерусская лексика, заимствованная русским языком и его говорами, ставшими материнскими по отношению к среднеобским (из языков Западной Европы, тюрко-монгольских, финноугро-самодийских и др.), в большинстве своем адаптированная и ассимилированная к XVII в.

Предмет настоящего исследования составляет иноязычная лексика сибирского периода вхождения в говоры среднеобского бассейна XVII в. в аспекте источников заимствования. Она является отражением этнических контактов русскоязычных первонасельников Западной Сибири с носителями местных восточных языков аборигенов этого края и представляет особенность языкового континуума, сложившегося в результате неповторимого синтеза столь различных языков и культур на границе между Западом и Востоком.

Как известно, конец XVI–XVII в. являются начальным периодом активного заселения русскими огромного сибирского пространства. В начале XVII в. были возведены Томский, Нарымский, Кетской, Кузнецкий и другие остроги будущего Томского уезда[1],

[1] *Русские* говоры Среднего Приобья / О.И. Блинова, О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Л.А. Захарова, В.В. Палагина, Г.А. Раков, М.Н. Янценецкая и др. / Под. ред. В.В. Палагиной. Томск, 1989. Ч. 2. С. 4. (Далее – РГСП, 1989).

поэтому томские говоры XVII в. находились на границе между славянским миром и Сибирью и отражали состояние пограничья, взаимопроникновения культур и языков Европейской России, олицетворяющей Запад, и сибирского автохтонного населения, олицетворяющего Восток.

В результате такого взаимопроникновения образуется нечто третье, не равное простой сумме слагаемых, в XVII в. происходит самое начало формирования качественно нового языкового континуума. Исследование корпуса иноязычных номинаций, входящих в лексический состав данного пограничного языкового образования, позволяет выявить не только характерные для него в XVII в. новые направления языкового контактирования, но и изменения, произошедшие с унаследованными из материнских говоров лексическими элементами в новых условиях.

Изучение местных письменных памятников XVII в., отражающих пограничное состояние русского языка и его говоров, имеет культурологическое и источниковедческое значение.

Культурологический аспект изучения томских деловых документов XVII в. сводится к тому, что в них находят отражение языковые явления, происходящие на трансграничной территории освоения восточных, в данном случае азиатских, культур и встреча с ними русско-славянской культуры и языка. Анализ неисконной лексики томской разговорной речи XVII в. показывает становление нового культурного сообщества, начальные этапы формирования *пограничья.*

Западносибирские деловые рукописи служат источником для исследования особенностей языкового межграничного языкового континуума, развивающегося в условиях диалога культур Запада и Востока, источником для выявления новых диффузных форм и смыслов, отличающихся как от материнского языкового истока, так и от иноязычного источника. Источниковедческая ценность сибирских деловых документов связана также с возможностью проследить по ним пути формирования языка русской нации, а также сделать некоторые поправки к хронологии заимствований.

В задачи статьи входит:

1) выявить источники заимствования лексики неисконного происхождения, вошедшей в русские говоры Среднего Приобья в XVII столетии, т.е. на начальном этапе *сибирского* периода существования современных среднеобских говоров, переселенческих го-

воров вторичного образования, и очертить особенности структурного содержания сибирского пласта неисконной лексики;

2) проанализировать тюркизмы сибирского периода с точки зрения языков-источников и выявить ведущее тюркское влияние на томские говоры XVII в. и направление основного культурного воздействия, приведшего к формированию пограничного языкового континуума в среднеобском ареале;

3) показать источниковедческое значение исследования томских деловых документов XVII в. в плане уточнения хронологии заимствований и фиксации лексического материала, не отмеченного в исторических словарях других регионов.

I. Генетическая разнородность иноязычной лексики, вошедшей в разговорную речь русских насельников Приобья XVII в., проявляется прежде всего в наличии заимствований, с одной стороны, из западных языков (германских, романских, греческого, польского и др.), унаследованных из материнских говоров, а с другой – из тюркских, монгольских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, самодийских и др.

В XVII в. не прекращается поступление западных заимствований в составе материнских говоров с территорий первичного расселения в русские говоры Среднего Приобья. Неисконные номинации западного происхождения, вошедшие в русский язык в это столетие, весьма разнообразны по источникам заимствования:

из германских языков: *аглинское, анбурское, дюжина, карабин, коч, пистолет, рота, *снур* (*снурок*), *стамед, фурма, ярмарка*;

из французского: *колобарда, пистоль, трип*;

из голландского или французского: *бумазея, табак*;

из польского языка: *лядунка, пара, полковник, польской, поляк, протазан, рейтар, *спикидар*, *фьялка, шкатула, *шнур* (*шнурок*), *шпанка, яхонт*;

через старобелорусский (из немецкого или польского) – слово *мушкет*;

из греческого: *лагун, тавлия* ‘часть мясной туши’, *тонпас, финиса, финифт*.

Всего 36 иноязычных лексем (см. табл. 1).

По своему количественному составу западные заимствования XVII в. превосходят хронологический пласт заимствований XVI в., пропорционально увеличивается число польских и западноевропейских лексических элементов.

Анализ московских памятников народно-разговорной речи репрезентирует еще более значительное увеличение количества слов западного происхождения, заимствованных в русский язык в XVII в. Особенность среднеобского языкового континуума по сравнению с русским языком европейской территории Московского государства, связанную с тем, что неисконный компонент лексического состава сибирских говоров в меньшей степени представлен западными заимствованиями, можно объяснить своеобразием образа жизни и деятельности насельников, а также удаленностью Томского острога от центра страны. В силу последних обстоятельств ограничивалась возможность массовых непосредственных контактов томичей с иностранцами. Контакты русских жителей сибирских острогов с носителями западноевропейских языков были возможны в связи с прибытием в отдаленные сибирские земли заграничных мастеров, сосланных «иноземцев».

Дошедшие до нас поименные списки прибывавших в Томск людей зафиксировали наличие среди них особой группы населения – *литвы*, жителей Литовского государства, среди которых было большое количество поляков. Вот что читаем в Смете хлебным запасам Томского города 1661 г.: «…в Томском… детеи бояр и подьячих и польских и литовских людеи которые в детех боярскихъ и по иноземному списку и конных казаков и пѢших стрелцов и пушкареи… 847 человек…»[1]. Более конкретные сведения получаем, например, из Разборного списка служилых людей 1662–1680 гг.: «Иванъ Козловской: родом польския земли, взятъ въ бою подъ Глуховымъ…»; «Иван МарѢев взятъ под Витебском, при размѢнѢ в Польшу не пошелъ, а по челобитью пожалованъ въ дѢти боярские…»; «Польский казакъ Янъ Ивановский, родом польския земли, взятъ подъ Черниговымъ, в которомъ году – не упомнить и сосланъ с Москвы въ Сургутъ. При размѢнѢ не поехал в свои земли и велѢно служить ему на Томску и верстанъ в иноземный списокъ…»; «Роман Филипповъ сынъ Болтовской, отецъ польския земли выехал на государево имя и по государевой грамотѢ присланъ в Томск…»; «Левонтий Павловъ сын сказалъ: отец поляк, взятъ на бою съ Москвы, присланъ в Томской в иноземный списокъ…»; «Левонтей Ставской родом полякъ, прислан в прошлом в

[1] *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 214. Ед. хр. 594. Л. 239 об. (Далее – РГАДА).

173 году. За то, что не пошел в свои земли, оклад увеличен с 10 на 12 рублей» и др.[1]

Как утверждают историки, к концу XVII в. в сибирском регионе насчитывалось около 10 тысяч служилых людей (9823 человека), в том числе 3170 человек «литовского списка», в который входили поляки, белорусы, украинцы, немцы, литовцы – подданные Речи Посполитой, попавшие в плен или перешедшие на русскую службу[2]. В томских документах XVII века, по сведениям В.В. Палагиной, под общим названием «литва» объединялись не только поляки, но и белорусы и украинцы. К 1633 г. в Томске было не менее 200 человек «литвы»[3]. Не всегда возможно разграничить эту прослойку населения по языковой принадлежности. Без сомнения, можно считать поляками 30 человек[4] [Там же. С. 51]. Во второй половине XVII в. количество «иноземцев» в Томском остроге значительно возрастает. «В течение всего XVII в. «служилая литва» в Томском остроге составляла от 10 до 20 % всего служилого населения. Это были в основном выходцы из Польши»[5]. Таким образом, в томских говорах возникли благоприятные условия для проникновения в них полонизмов.

Несмотря на это, в томских говорах XVII в. польские заимствования не преобладают над другими западноевропейскими. В структуре неисконного компонента лексики, выявленной в результате анализа томских деловых документов, хронологический пласт XVII в. содержит значительное количество иноязычных слов западноевропейского происхож-

---

[1] *Головачев П.Г.* Томск в XVII веке. Б.м., б. г. С. 42–45.

[2] См.: *Недбай Ю.Г.* Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск, 1998. С. 223; *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов [Электронный ресурс] Режим доступа: http: // www.history.nsc.ru/kapital/project/ frontier/ ch2.html

[3] *Русские* говоры Среднего Приобья / О.И. Блинова, Л.А. Захарова, О.Н. Киселева, В.В. Палагина, Г.А. Садретдинова / Под. ред. В.В. Палагиной. Томск, 1985. Ч. 1. С. 50. (Далее – РГСП, 1985).

[4] РГСП, 1985. С. 51.

[5] *Захарова Л.А.* Польский след в сибирской антропонимии // Методика преподавания славянских языков и литератур как иностранных с применением технологии диалога культур. Томск, 2004. С. 128; *Она же*. Фамилии Томского острога XVII в. // Актуальные проблемы русистики: Языковые аспекты регионального существования человека. Томск, 2006. Вып. 3. С. 540.

дения, проникших в русский язык без польского посредничества, например из германских языков. По данным деловой письменности Среднего Приобья XVII в., из общего количества западных заимствований XVII века бесспорно из польского языка транспонировано в русский 36 % слов, а из других западноевропейских языков без польского посредничества – 47 % от 36 лексических единиц (см. табл. 1).

На основании исследований русского языка по памятникам европейских регионов Московской Руси ученые делают вывод об особенном влиянии в XVII в. польского языка на русский и о том, что польское посредничество является отличительной чертой процесса заимствования в XVII в.[1]

Названная особенность русского среднеобского языкового континуума XVII в., касающаяся отсутствия превалирования в нем польских заимствований, во многом связана с экстралингвистическими факторами: во-первых, как уже было отмечено, с территориальной удаленностью сибирских острогов от мест непосредственных активных контактов русских с поляками – западных границ Московской Руси с Речью Посполитой, а также территорий пребывания поляков в Российском государстве в связи с интервенцией в первой четверти XVII в.; во-вторых, сибирские насельники не испытывали столь сильного книжного влияния, каким оно было в русской метрополии, особенно во второй половине XVII в., в связи с переводами большого количества книг с польского языка и тем, что польским языком часто пользовались западно- и южнорусские авторы[2].

Немаловажным фактором в данном отношении является социальный, профессиональный и образовательный статус русских насельников Приобья, а также особенности их жизненного уклада; нельзя сказать, что это были ученые, писатели, высокообразованные люди; в суровый сибирский край двигались в основном воль-

---

[1] См.: *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVI вв. // Сб. ОРЯС. 1903. Т. 74, № 1. С. 49; *Виноградов В.В.* Вопросы образования русского национального литературного языка // Вопросы языкознания. 1956. № 1. С. 3–25; *Горшков А.И.* История русского литературного языка. М., 1969. С. 167; *Филкова П.Д.* История русского литературного языка XI–XVII вв. София, 1973; *История* лексики русского литературного языка конца XVII – начала XVIII в. М., 1981. С. 60–61.

[2] *Соболевский А.И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 92 и др.

нонаемники, не нашедшие справедливости в Европейской России и желающие попытать счастья на новых необжитых землях. Цель их службы – оборона новых рубежей России, цель их жизни – приспособление к новым условиям. Поэтому в томской народно-разговорной речи превалируют польские заимствования, относящиеся к военной (*лядунка, полковник, рейтар*) и бытовой лексике (**спикидар, фьялка, шкатула, *шнур, шпанка* ‘игла’). Слова других тематических групп «остались» на первоначальной (материнской) территории. Кроме того, составители томских деловых бумаг могли намеренно избегать употребления польских слов, услышанных от сосланных в Сибирь поляков, понимая неуместность такого употребления в документах, написанных на русском языке, к тому же в первую половину XVII в. «Москва… сторонилась от польского языка и хотела оставаться при своем славянском языке»[1].

Спецификой томских говоров XVII в., функционировавших в регионе сибирского фронтира, является возрастание коммуникативной актуальности военной лексики и вследствие этого – тенденция к терминологизации заимствований данной тематической группы. Например, томские деловые документы XVII в. отражают особенность употребления полонизма *полковник* в говорах на территории Приобского пограничья. В регионах распространения материнских говоров слово *полковник* является многозначным, оно служит, во-первых, для наименования предводителя, полководца, в том числе и татарского войска: «И ркуще полковником татарским: кто вы повелѢ требити отчество нше» (XVII в.; «Повесть о Мамаевом побоище»); второе значение – ‘военное должностное лицо, возглавляющее полк’: «полковник войсковой» – высшее военное должностное лицо в казачьем войске[2]. В разговорной речи приобского фронтира XVII в. очевидна тенденция к терминологизации полонизма *полковник*: утрачивается значение ‘предводитель (татарского войска)’, а семантика ‘военное должностное лицо, возглавляющее воинское подразделение’ становится единственно возможной: «Да в нынешнем по грамоте великого государя… присланы с Москвы в Томскои *полковник* ТимофѢи Цыцюря да писарь Михаило…»[3].

---

[1] *Соболевский А.И.* История русского… С. 97.

[2] *Словарь* русского языка XI–XVII вв. Т. 1–27. М., 1986–2006. (Далее – СлРЯ). Здесь: СлРЯ. Т. 16. С. 222.

[3] РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 594. Л. 153.

Таким образом, лексика западного происхождения, транспонированная в разговорную речь Среднего Приобья XVII в. из материнских говоров, функционировавших на территории российской метрополии, отражает специфические особенности трансграничного языкового континуума.

Особую значимость для нашего исследования представляют лексические элементы, проникшие в русские говоры Приобья в XVII в. и восходящие к уральским и алтайским языкам. Среди этой группы лексики – заимствования из аборигенных языков Сибири, представляющие собой отличительную особенность томских говоров XVII в. Данные лексемы являются результатом культурного взаимодействия славянского этноса с местными сибирскими этническими группами.

Русские переселенцы, осваивавшие сибирские земли, испытывали языковое влияние автохтонного населения на всем пути из региона первичного расселения. Общение с тюрко-монгольскими купцами, прибывавшими из Персии и других восточных регионов и транспонировавшими элементы восточной культуры и языка, было возможно на торговом пути через Мангазею. По среднему течению реки Оби и в ее окрестностях обитали многочисленные тюркоязычные группы, получившие название «томские татары»: эуштинцы, чаты, калмаки и др.[1], а также другие сибирские народы: самодийцы, ханты, манси, селькупы, монголоязычные буряты; эвенки, эвены и т.д.[2] Следствием этнических контактов, происходящих на стыке двух миров – Запада и Востока, являются лексические заимствования в русские говоры Среднего Приобья из языков коренного населения Сибири.

---

[1] См.: *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889; *Головачев П.М.* Очерк заселения Сибири в XVI–XVII столетиях. СПб., 1906; *Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири. М., 1928; *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л., 1946; *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. ТГУ. 1950. Т. 112; *Мирзоев В.Г.* Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960; *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности). Томск, 1980; *Этнография* народов Томской области: Учеб. пособие. Томск, 2005.

[2] См.: *Тучков А.Г.* История и культура народов Сибири: Учеб. пособие. 2-е изд. Томск, 2005. С. 29.

Иноязычная лексика сибирского периода вхождения в русский язык и среднеобские говоры начального периода их образования (XVII в.) довольно многочисленна и составляет около 35 % общего количества заимствований из тюркских, монгольских, финно-угорских, самодийских и других языков (64 слова от 182 лексических единиц): *алман* ‘налог’, *бечева*, *буг/буга* ‘медный перстень’, *каир* ‘мускус’, *калмак* ‘калмык’, *кандык* ‘растение’, *кета, киргиз*, *киштым* ‘данник’, *кумач*, *кумка* ‘нерпа’, *курлук* ‘дикая греча’, *мунчак* ‘искусственный жемчуг’, *нашатырь*, *тогуш* ‘годовалый лосенок’, *чаты* ‘чатские татары’, *чарки* ‘вид башмаков’, *ясырь* ‘пленник-абориген’, *яшма и др*. Увеличивается удельный вес иноязычной лексики, транспонированной из монгольских (*бакша* ‘мера объема сыпучих продуктов’, *ирбис* ‘шкура снежного барса’, *катуня* ‘титул женщины в феодальной Монголии’, *кутукта* ‘верховное духовное лицо у мусульман’, *лаба* ‘буддийский монах в Тибете’, *мугал* ‘монгол’ и др.), финно-угорских (*муксун, урак* ‘мука из рыбы’, *пальма* ‘вид копья’, *чукрей* ‘вид ножа’, *самоеда* ‘самодийцы’), самодийских языков; впервые в томские говоры проникают слова из тунгусо-маньчжурских языков.

Монгольские заимствования в томской разговорной речи XVII в. составляют более 22 % всех незападных заимствований XVII ст. (от 64 лексических единиц). Главным образом это слова, первоначально употреблявшиеся как экзотизмы только при описании событий, связанных с представителями местного монгольского населения: *бакша*[2] ‘религиозный деятель’, *браты* ‘буряты’, *катун(я), контайша* ‘монгольский титул’, *кутукта, кучегуты* ‘местная народность’, *лаба, мугал, табун ‘титул’, тайша* ‘титул у некоторых местных народов Сибири’, а также обозначения предметов, заимствованных из жизненного уклада неславянского сибирского населения (*бакша*[1] ‘коробка’, *буг/буга, ирбис*) и др.

Тунгусо-маньчжурские заимствования (более 22 % всех уральско-алтайских заимствований XVII в.) представлены этнонимами *гиляки* ‘нивхи’ орокского или удэгейского происхождения (из амурской группы языков), *долгирцы, кутугирцы, маты, матцы*, *маймаканцы, макагирцы, орчаки, чолкогирцы, чулюгильцы*, *шамагири* и др., в основном восходящие к самоназваниям эвенков; промысловыми регионализмами Сибири *кета, кумка* ‘нерпа’, *тиски* ‘ковер из бересты’ и экзотизмом из области культовых обрядов коренных народов Сибири *шаман*, вошедшими в томские говоры из

эвенкийского языка, относящегося к северной (сибирской) группе тунгусо-маньчжурской семьи языков.

Иноязычную лексику, заимствованную из местных языков уральский макросемьи, составляют обско-угорские и саамские по происхождению слова (приблизительно 14 % от числа незападных заимствований XVII в.): названия представителей неславянских этносов: *кан* (из хантыйского языка), промысловая лексика рыболовства и охоты: *муксун, урак, пальма, чукрей* (из хантыйского языка), а также самодийские заимствования (5 % на фоне всех незападных заимствований XVII в.): из ненецкого (*одекуй* ‘речной жемчуг; стеклянные или фарфоровые бусы’, *тунгус*) и селькупского (*толом* ‘рукоятка тесака’) языков.

К XVII в. относится персидское заимствование *фарабат* ‘вид шелковой ткани восточного происхождения’, не зафиксированное в историко-этимологических словарях.

Заимствований из палеоазиатских языков в томских деловых документах XVII в. не обнаружено. Данное положение свидетельствует о том, что в XVII в., на раннем этапе сибирского периода существования русских старожильческих говоров Среднего Приобья, отсутствовали устойчивые контакты жителей данного региона с этническими группами кетов, юкагиров, чукчей, коряков, ительменов и др.

Среди неисконной лексики незападного происхождения, датированной XVII в., как и в пластах лексики предыдущих периодов развития русского языка, преобладают слова, заимствованные из тюркских языков (более 40 % общего числа незападных заимствований XVII в. – 26 лексических единиц), однако их удельный вес снижается (по сравнению с пластом зафиксированных в документах заимствований XVI в.): они составляют свыше 14 % общего количества лексических единиц (182) уральско-алтайского происхождения, вошедших в русский язык на всем протяжении его развития (в XVI в. – 20 %) и сохранившихся в речи русских насельников Приобья. В то же время увеличивается число заимствований из других языков аборигенов Сибири: монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских и самодийских. Среди лексических единиц тюркского происхождения – этнонимы и имена, называющие представителей автохтонного населения (*калмак, киргиз, саяны* (*саянцы*), *тонгус, чаты*; *киштым, тархан* ‘тюркский титул’, *ясырь* и др.), обозначения сибирских растений (*кандык, курлук*),

элементы культуры местных этносов (*каир, мунчак, тогуш*), или переданные из других языков через тюркское посредничество «культурные слова» (О.Н. Трубачев) (*бечева, кумач, нашатырь, яшма*) и др. (см. табл. 2).

II. Обратимся к тюркизмам в народно-разговорной речи Среднего Приобья XVII в. В настоящей работе под тюркизмами понимаются восточные слова, для которых тюркские языки являются или языком-источником, или языком-посредником, т.е. слова, проникшие в русский язык *непосредственно* из тюркских языков. В тюркологии возможна более широкая трактовка данного термина: в понятие тюркизмов включаются лексические единицы, вошедшие в принимающий язык не только непосредственно из тюркских, но и через посредство других языков[1]. Принятое нами терминологическое ограничение объясняется стремлением к выявлению лексики, свидетельствующей о непосредственных контактах носителей русского языка с тюркскими этносами; такой угол зрения на тюркизмы, объясняемый задачами исследования, также встречается в лингвистической литературе[2].

Определим особенности структурного содержания фрагмента лексики тюркского происхождения, вошедшей в томские говоры в сибирский период на фоне досибирских тюркизмов. Для этого необходимы отграничение и определение непосредственного источника заимствования[3], дифференциация тюркского влияния на русский язык и его говоры. «Затемненный временем язык-источник, ограниченность по тюркизмам научной документации, специально вычлененного из памятников письменности историко-лингвистического материала, а также лингвогеографических данных осложняет решение проблемы о тюркском влиянии на русский язык»[4].

---

[1] См.: *Добродомов И.Г.* Пути проникновения булгарских лексических элементов в славянские языки // Тюркизмы в восточно-славянских языках. М., 1974. С. 26; *Юналеева Р.А.* Опыт исследования заимствований: (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками). Казань, 1982. С. 6.

[2] См.: *Козырев И.С.* К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 9.

[3] См.: *Мызников С.А.* Лексика финно-угорского и тюркского происхождения в русских диалектах: (Разграничение и определение конечного источника) // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. С. 103–106.

[4] *Юналеева Р.А.* Опыт исследования заимствований… С. 4.

Среди досибирских тюркских заимствований, отраженных в томских деловых документах и заимствованных материнскими говорами до XIV в., преобладают булгарские и южнотюркские, в основном турецкие, элементы. В структуре пласта тюркизмов среди заимствований в XIV в. начинается и в XV в. продолжается увеличение количества татарских, преимущественно крымско-татарских, элементов (*казна, кирпич, калпак, башмак, камка, лал, кафтан, таборы* и пр.), при этом не уменьшается и объем турцизмов (*алтын, кабала, ревень, харч, черкас* и др.).

Обратимся к табл. 3, в которой представлена классификация тюркизмов последней стадии досибирского и начальной стадии сибирского периода существования русских говоров Среднего Приобья; основанием для классификации послужили источники заимствования тюркизмов, объединенные по группам тюркской семьи языков. С помощью таблицы представляется возможным выявить особенности направлений языкового контактирования, отразившегося на структурном содержании пласта тюркизмов сибирского периода вхождения по сравнению с досибирским.

Тюркизмы, выделенные нами на основании анализа памятников среднеобской деловой письменности XVII в., заимствованы из различных групп тюркской семьи языков (классификация А.Н. Самойловича): булгарской, огузской (юго-западной), кыпчакской (северо-западной), уйгурской (северо-восточной), чагатайской (юго-восточной). Основные группы данной классификации приняты в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков»[1].

В томских деловых документах **досибирские** тюркские заимствования XVI в. представлены лексическими единицами, вошедшими в русский язык главным образом из северо-западной (кыпчакской) и юго-западной (огузской) групп тюркской семьи языков.

Западнотюркские заимствования (из кыпчакского, татарского, крымско-татарского, турецкого, азербайджанского и др. языков) составляют 82 % всех тюркизмов XVI в. При этом языки северо-западной группы (в основном крымско-татарский, казанско-татарский и татарский) послужили источником для 30 % слов, турецкий язык – для 18 % слов и примерно 33 % лексем имеются как в татарском, так и в турецком языках. Поскольку многие из тюркских языков в XVI–XVII вв. были бесписьменными, мы не можем провес-

---

[1] См.: *Сравнительно-историческая* грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М., 2002. С. 4.

ти четкую грань между языками северо-западной и юго-западной групп и посвящаем в табл. 3 отдельную колонку **«зап.»** (= западные группы тюркских языков), в которую помещены слова, известные как в турецком, так и в татарском и других языках кыпчакской группы. Такой же «смешанный» характер имеют столбцы «вост.» и «сев.-зап. юго-вост»: столбец **«вост.»** (=восточные группы тюркских языков) объединяет лексический материал, зафиксированный одновременно в языках северно-восточной и юго-восточной групп (тувинском, хакасском, чулымско-тюркском, якутском; чагатайском (староузбекском), узбекском, уйгурском); столбец **«сев.-зап. юго-вост.»** (= северо-западная и юго-восточная группы тюркских языков) содержит лексемы, распространенные в языках названных групп. Такое «отсеивание» неоднозначного материала помогло нам выявить тюркизмы с однозначно определяемым источником заимствования и вследствие этого наметить тенденции и особенности структурного содержания пласта лексики тюркского происхождения, нашедшей отражение в среднеобских говорах на ранних стадиях сибирского периода их формирования.

Из восточнотюркских языков заимствовано всего около 9 % всех тюркизмов XVI в. Это единичные лексемы, зафиксированные в тюркских языках не только северо-восточной или юго-восточной, но и других групп (*куяк, барс, игрень* и др.).

Анализ томских деловых документов XVII в. позволяет сделать вывод, что ведущим тюркским влиянием в **сибирский период** (XVII в.) в томских говорах является татарское. В самой многочисленной группе лексики, заимствованной из языков северо-западной группы тюркской семьи (казахский, киргизский, кыпчакский, татарский), более 69 % вошло в русские говоры Среднего Приобья из разных языков и диалектов татарского языка: языка крымских татар, говоров казанских татар, языков и диалектов западносибирских татар, в частности чулымских, томских татар (в том числе калмаков, чатов и эуштинцев) и др. (*багасары, барабанцы, киштым, курлук, кумач, тогуш, тубинцы, чаты, чувал* и др.).

Западнотюркские заимствования в целом составляют более 70 % общего количества тюркизмов, заимствованных в XVII в.: *тархан, яшма* – из турецкого; *мунчак, нашатырь, ясырь* известны как в турецком, азербайджанском и других огузских языках, так и в кыпчакских. Показательно, что среди тюркизмов XVII в. сравнительно с досибирским периодом в русских говорах Западной Сибири

уменьшается количество лексических элементов из юго-западной группы тюркских языков: около 8 % тюркизмов XVII в. известно только огузским языкам (в основном турецкому, а также азербайджанскому) по сравнению с 18 % в XVI в.

Среди тюркских заимствований сибирского периода (XVII в.) увеличивается процентное содержание восточнотюркских элементов. Если в XVI в. их удельный вес составлял около 9 %, то в XVII в. восточнотюркские элементы имеют удельный вес более 24 % за счет усиления интенсивности заимствования из северно-восточной группы тюркских языков и диалектов – хакасского, алтайского, казахского, якутского (*каир, кандык, мунчак, саяны* (*саянцы*), *тонгус* и др.). Последние составляют около 20 % в XVII в. по сравнению с 2,8 % в XVI в. Намеченная тенденция усиления интенсивности процесса заимствования из тюркских языков северо-восточной группы в среднеобских (томских) говорах XVII в. нашла выражение в современных говорах Среднего Приобья[1] (см. табл. 3).

Увеличение количества восточнотюркских номинаций в структурном содержании неисконной лексики сибирского периода по сравнению с досибирским, выявленной по результатам анализа томских деловых документов, доказывает движение славянского мира навстречу Востоку, зарождавшееся для среднеобского ареала в XVII в. в форме складывающегося пограничного языкового континуума, на состоянии которого отражается постепенное упрочение контактов русскоязычного населения Сибири с тюркоязычным, усиление влияния культуры исконного населения Сибири, движущейся с Востока, на славянскую культуру насельников Среднего Приобья.

III. Источниковедческое значение исследования местных памятников письменности заключается в том, что они позволяют уточнить время первой фиксации отдельных слов в русских письменных памятниках. Сибирские деловые документы XVII в. дают возможность уточнить хронологию заимствования некоторых иноязычных номинаций и/или их производных по томским памятникам письменности.

---

[1] См.: *Ольгович С.И.* Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна реки Оби: Дис. … канд. филол. наук. Томск, 1963. С. 146–160.

Опираясь на томские деловые документы, можно уточнить время первой фиксации в русских памятниках письменности иноязычных лексем западного происхождения (в скобках приведены уточняемые данные относительно хронологии заимствования):

пистолет – Томск, 1635 г. (1661 г. – Гурлянд И.Я. Иван Гебдон комиссариус и резидент[1]); ***спикидарнои*** ‘скипидарный’ – 1627 г. (1661 г. – словосочетание «масло спикинардное» употреблено в «Материалах по истории медицины», слово *скипидар* датируется, по данным Картотеки ДРС, 1670 г. Там же[2]); ***трип*** ‘шерстяная ткань с выработкой под бархат’ – Томск, 1640 г. (1677 г. – Картотека ДРС, 1724 г. – «Торговой морской устав», Петербург[3]; ***шкатула*** ‘коробка, ящичек для хранения ценностей’ – Томск, 1627 г. (по данным М. Фасмера – 1708 г.) П.Я. Черных датирует слово *шкатула* 1627 г., но в другом значении – ‘царская сокровищница’ – Кологривов Н.С. Государева большая шкатула. СПб., 1903.[4]; ***шнурок*** – Томск, 1640 г.: «…шнурки шолковые, мишура…»[5] (рукопись второй половины XVII в., «Книга лошадиного учения», переведённая А. Плювинелем[6]); в русском языке форма *снюрок* ‘шнурок, веревка’ известна в Словаре Р. Джемса 1618–1619 гг. Формы с начальным *ш-*, по данным П.Я. Черных, зафиксированы в русских памятниках со второй половины XVIII в., в «Лексиконе российском и французском, в котором находятся почти все российские слова…» И.Ф. Лихтена[7].

Томские деловые документы позволяют уточнить время первой фиксации в русской письменности следующих иноязычных лексем незападного происхождения (или их дериватов), имеющих в XVII в. общерусское распространение: ***калмак*** (***колмак***) ‘калмык’ – Томск, 1608–1609 гг.: «А больше де государь, им тово есаку дать нечево, что до твоих государевых людей ясак с них взяли с татар и с Тувы черные колмаки, чтоб ты, государь, пожаловал, велел их

---

[1] СлРЯ. Т. 15. С. 55.

[2] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 169.

[3] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М.,1987. Т. 4. С. 103.

[4] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь… Т. 2. С. 415.

[5] *Головачев П.Г.* Томск в XVII веке… С. 147.

[6] *Фасмер М.* Этимологический словарь… Т. 4. С. 462.

[7] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь… Т. 2. С. 419.

сберегать от черных колмаков…»[1]; Нарым, 1643 г.[2]; ***караулить*** – Томск, 1636 г.; данный дериват от тюркизма *караул* зафиксирован в томских деловых документах в составе устойчивого словосочетания *караулы караулить* ‘быть на карауле; нести сторожевую охрану’: «…и на город, и на острог караулы караулим по вся дни в местех в пяти человеку по пяти по десяти…»[3]; 1704 г. – Поликарпов Ф. Лексикон треязычной, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по алфавиту в чин расположенное. М., 1704[4]; ***нашатырь*** – Томск, 1624–1627 гг. (1633 г. – Таможенные книги Московского государства XVII в.[5]); ***тунгус*** – Томск, 1624–1627 гг. (1631–1632 гг. – якутское[6]); ***чай*** – Томск, 1638–1639 гг.: «Пили – чай словет, а чай – лист, не ведать деревяной, не ведать травы какой, а варят ево в воде, да прибеливают молоком»[7]; (1665 г. – «Материалы по истории медицины»[8]; ***ялань*** (***елань***) ‘поле; ровное место, используемое под пашню’ – Томск, 1616–1617 гг.: «Приходили государевы изменники… и твой государев хлеб и казачей на ялане выжгли и вытоптали…»[9]; (*елань* Тюмен., 1653–1654 гг.[10]; *ялань* Якут., 1672 г.[11]; ***ясырь*** – Томск, 1624–1627 гг. (1641 г. – Тобольский острог[12]).

По томским деловым рукописям произведены хронологические коррективы заимствования следующих локально ограниченных

---

[1] *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск, 2002. С. 91. (Далее – СНРРТ).

[2] *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1991. С. 58.

[3] СНРРТ. С. 94.

[4] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь… Т. 1. С. 380.

[5] Там же. С. 563.

[6] *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000. С. 553.

[7] *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи… С. 144.

[8] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь… Т. 2. С. 373.

[9] *Палагина В.В.* Материалы для исторического словаря томского говора // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1975. С. 51; СНРРТ. С. 312.

[10] *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи… С. 40.

[11] Там же. С. 174.

[12] Там же. С. 175.

лексических единиц XVII в.: ***браты*** ‘буряты’ – Томск, 1616–1617 гг.: «А орды, государь, великие многие к Томскому городу прилегли: и маты, и браты, и саянцы, и багасары …»[1]; по данным Картотеки ДРС, старшим является употребление данного этнонима в якутских актах 1641 г.[2] По данным А.Е. Аникина, «сведения о бурятах стали известны русским (сначала в Томском остроге) с 1609 г.»[3]; ***каир*** ‘мускус, получаемый из подбрюшной сумочки бобра’ – Томск, 1652 г.: «Фунт каиру бобрового»[4]; известна фиксация данной лексемы в тобольских памятниках 1686 г. «*каира* (знач.?)»[5]; в СлРЯ приведен контекст 1687 г. из «Списков с товарных ценовых росписей и перечневой выписки по городу Енисейску XVII в.» – «[КАИРА]?»[6]); ***кандык*** ‘растение Erythronium sibiricum’ – Томск, 1636 г.: «По третей годъ хлѢбной недородъ… и многие Ѣдят траву боршь и кандыкъ корен копают и едят…»[7]; для данного тюркизма определение хронологии ранней фиксации в русских памятниках производится по томским рукописям XVII в., поскольку слово *кандык* отсутствует в сибирских исторических словарях[8], кроме томского[9], и не отмечено в СлРЯ; ***контайчи*** (***контайча, контайша***) ‘монгольский титул’ – Томск, 1660 г.: «И он, Лобзяк Саин контайчи, выслушав против наказной памяти, на посольстве мне, Стеньке, с товарыщи говорил…»; «Он, Лобзяк мунгальский князь Саин контайча, нам… прислал юрты, и корм, и питье…»; «Статейный список, что деялось в Мунгальской земле Алтына-цря у сына ево Лобзяка… контайши…»[10]; (1700 г., Кузнецк[11]); ***кутукта*** ‘верховное духовное лицо у мусульман’ – Томск, 1617 г.: «И после де посоль-

---

[1] СНРРТ. С. 251.

[2] СлРЯ. Т. 1. С. 326.

[3] *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири… С. 136.

[4] РГАДА. Ф. 214. Кн. 305. Л. 54 об.

[5] *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи… С. 58.

[6] СлРЯ. Т. 7. С. 26.

[7] РГАДА. Ф. 214. Ст. 53. Л. 684.

[8] См.: *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи…; *Цомакион Н.А.* Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. Красноярск, 1971.

[9] СНРРТ. С. 93.

[10] Там же. С. 100.

[11] *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи… С. 63.

ства золотой царь Кунканчей нам, Васке да Ивашку, сказал про кутукту: то де у нас по нашей вере святой… а как де тот кутукта родился, и он де грамоте умел…»[1]; (1618 г. – Покровский Ф.И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году[2]); ***мугал*** ‘монгол’ – Томск, 1618 г.: «И от царя Бушукты ехати до улуса 2 дни, до желтых мугалов, а улус зовут Муголчин…»[3]. Заимствование из монгольского языка *мугал* (*мунгал*) отсутствует в словарях Н.А. Цомакион, Л.Г. Панина, СлРЯ. Словосочетание *Мунгальское царство* употреблено в «Житии протопопа Аввакума» 1672–1673 гг.[4]; ***тайша*** ‘титул у некоторых местных народов Сибири’ – Томск, 1616 г.: «И меня… на дороге черных калмаков кучегунсково тайши Карагулины люди ограбили…»[5]; (1636 г. – Тобольск[6]); ***тиски*** ‘вареные куски бересты, сшитые вместе, употреблявшиеся для покрытия лодок’ – Томск, 1674 г.: «Пешему казаку Артюшке Бурыхину за тритцать за четыре тиски берестеных вареных рубль, куплены тиски в гдрву казну для судовых поделок…»[7] (1697 г. – Мангазея[8]); ***тогуш*** (***тугуш***) ‘годовалый лосенок; шкура годовалого лосенка’ – Томск, 1640 г.: «Явил захребетный татарин Бехтерючко Плевметев с товарищи, что они продали своего промыслу… семь тогушев на семь рублев…»[9]; (1682 г. – Тобольск; *тыгыш*[10]); ***чувал*** ‘очаг, примитивная печь’– Томск, 1632 г.: «И велел у них в тех банях поделать юрты, на потолках велел прорубить мури и чювалы поделать по-юртовски»[11]. В Картотеке ДРС для слова *чувал* имеется только один контекст XVII в. – из якутских деловых документов (пыточных речей) 1676 г.: «…они къ тѢм казакамъ къ ЛевкѢ и Ѳедотку къ Окосу въ юрту Ѣздили

---

[1] СНРРТ. С. 110.
[2] СлРЯ. Т. 8. С. 149.
[3] СНРРТ. С. 133.
[4] *Фасмер М.* Этимологический словарь… Т. 3. С. 9.
[5] СНРРТ. С. 110.
[6] *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи… С. 154.
[7] СНРРТ. С. 282.
[8] *Цомакион Н.А.* Словарь языка мангазейских памятников… С. 508.
[9] СНРРТ. С. 283.
[10] *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи… С. 158.
[11] СНРРТ. С. 307.

вмЂстЂ ночью… и того де Левку убилъ Байга, а онъ де Мавра въ то время стоялъ въ юртЂ за чюваломъ, а кто де Ѳедотка…»[1].

Только в томских памятниках зафиксированы регионализмы Сибири:

катуня (***катун***) ‘титул знатной дамы в феодальной Монголии’ – Томск, 1636 г.: «Мать мою, Чечен-катуню, бранил…»[2]; (в КДРС другое значение: *катуна* ‘женщина, хозяйка, госпожа’[3]); томское *катун*(*я*) было заимствовано независимо от древнерусского тюркизма *катуна* ‘татарка’[4]; ***кучегуты*** ‘неславянская народность Сибири’ – Томск, 1616–1617 гг.: «А орды, государь, великие многие к Томскому городу прилегли: и тубинцы, и кучегуты, и багасары… и все те, государь, люди около Томсково города неподалеку кочуют…»[5] (зафиксировано только в томских памятниках); ***урак*** ‘сушеная рыба’ – Томск, 1649 г.: «Июня в 20 де[нь] продал служилой члвк Парфенко Степной сто тритцать пуд хмелю… одиннатцат пуд жиру рыбья, дватцать пуд ураку…»[6] (зафиксировано только в томских памятниках); ***орчаки*** – Томск, 1646 г. (зафиксировано только в томских памятниках).

Этноним *орчаки* (*арчаки*) является наименованием коренной сибирской народности – северных эвенков. Томск, 1647 г.: «Посылан былъ ис Томсково снъ боярскои Петръ Сабанскои да толмак Федка Федоров с служилыми людми в **орчаки** ко князцом к КоготЂю да к братям иво к Могонаю Кокшекову да к Букою Отчектову а велено ему Петру с товарыщи ихъ князцеи КуготЂя и Могоная и Букоя и улусных ихъ людеи привести к шерти…»[7]; Томск, 1650 г. – «И декабря гсдрь въ 4 де(нь) снъ боярскои Юрьи Трапидонскои с товарыщи приЂхав из **арчаков** намъ холопем твоим в сьЂзжеи избЂ сказал что в орчаках князцы Могонаи да Букои тебЂ великому гдрю црю и великому кнзю АлексЂю Михаиловичю всея Русиі шертовали…»[8].

---

[1]Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1859. Т. 7. С. 26.

[2] *Панин Л.Г.* Словарь русской народно-диалектной речи… С. 60.

[3] СлРЯ. Т. 7. С. 93.

[4] *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири… С. 272.

[5] СНРРТ. С. 14–15.

[6] Там же. С. 294–295.

[7] РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 381. Л. 246.

[8] Там же. Л. 248.

Данная номинация отсутствует в СлРЯ и в Картотеке ДРС, а также в словарях Н.А. Цомакион, Л.Г. Панина, А.Е. Аникина и зафиксирована только в томском историческом словаре: «И для, гсдрь, какие меры тот тайша в орчаки пришел, и тот де князец Кока не ведает» (Томск, 1646 г.)[1]. Этноним *орчаки*, неоднократно употребляющийся в статейных списках томских воевод XVII в., восходит к одному из самоназваний эвенков *орочēн* ‘оленные’, которые «живут на севере Сибири»[2]. За пределами среднеобского фронтира известен этноним *орочен* ‘самоназвание группы эвенков, живущих в районе Забайкалья до северо-востока Амурской области, а также название эвенков, живущих в Китае и Внутренней Монголии’[3], по сведениям Н.А. Цомакион, ‘отрасль тунгусской народности, разбросанная по Восточной Сибири между меридианами озера Байкал и устья реки Уссури’[4].

Характерная для томской речи XVII в. номинация *орчаки* эвенкийского происхождения: *орочēн* ‘орочен, оленевод (прежнее самоназвание забайкальско-амурских эвенков)’ – дериват с суф. *-чēн* от *орон* ‘олень’[5]. Заимствованная устным путем, эвенкийская лексема, вероятно, испытала усечение финали *-ен* и была оформлена по словообразовательной модели с суффиксом *-ак* (*-як*), продуктивной для этнонимов не только XVII в. (*гиляки, поляки*), но и более ранних (*остяки* – заимствование XV в.): *орочен* > *орочак*; дальнейшая редукция гласного [*о*] привела к форме *орчак*, мн. *орчаки.*

Заимствование *орчаки* эквивалентно словосочетаниям *тунгусы оленные, оленные люди*: «Река Аллыма устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, чюлюгильцы» (Томск, 1639 г.); «Да те ж тунгусы сказывают про реку Омуть, и та де река великая, а по ней

---

[1] СНРРТ. С. 162.

[2] *Исаев М.И.* Словарь этнолингвистических понятий и терминов. 2-е изд. М., 2002. С. 167–168.

[3] *Словарь* современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 8. С. 1039.

[4] *Цомакион Н.А.* Словарь языка мангазейских памятников… С. 65.

[5] *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири… С. 429.

живут тунгусы, шамагири, оленные люди» (Томск, 1639 г.)[1]. Исходя из последних контекстов, можно сделать вывод о том, что лексемы ***чулюгильцы*** и ***шамагири***, отмеченные только в томских рукописях, обозначают племена или роды северных эвенков, занимающихся оленеводством.

Таким образом, источниковедческое значение данного исследования заключается в том, что по местным деловым документам XVII в. уточнено время первой фиксации в русской письменности целого ряда заимствований, как общерусских, так и локально ограниченных.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Структурное содержание неисконной лексики сибирского периода существования среднеобских говоров (XVII в.) отражает начальное состояние формирования пограничного языкового континуума, соединившего и преобразовавшего в себе две разнородные культуры – славянскую и азиатскую.

В структуре сибирского пласта неисконной лексики присутствуют номинации западного происхождения, поступающие в томские говоры через материнские из германских, романских, греческого языков, а также польского и белорусского. В томских говорах XVII в. возникли благоприятные условия для островного влияния польского языка, проникновения и сохранения в них полонизмов.

Отличительной особенностью процесса заимствования в сибирский период, отразившегося на лексическом строе томских деловых документов XVII в., является проникновение в разговорную речь сибирского фронтира лексики из тунгусо-маньчжурских и самодийских языков, являющихся единичными среди досибирских заимствований, а также увеличение количества заимствований из местных сибирских монгольских языков и диалектов. Для разговорной речи среднеобского фронтира XVII в. ведущим языковым влиянием является тюркское.

Генеалогическая конкретизация тюркизмов позволила прийти к выводу, что среди тюркских заимствований сибирского периода существования русских переселенческих говоров Среднего Приобья (XVII в.) увеличивается процентное содержание восточно-

---

[1] СНРРТ. С. 308.

тюркских элементов и ведущим является языковое влияние татарских языков и диалектов.

Исследование среднеобских деловых документов XVII в. дает возможность уточнить время первой фиксации целого ряда заимствований и/или их дериватов в русских письменных памятниках, а также выявить слова, не зафиксированные в историко-этимологических словарях других регионов.

Таблица 1

Структурное содержание пласта неисконной лексики томских деловых документов, заимствованной в XVII в. из западных языков

<table>
<tr><td colspan="5">Языки-источники</td><td>Количество слов</td></tr>
<tr><td>германские</td><td>романские</td><td>греческий</td><td>польский</td><td>белорусский</td><td></td></tr>
<tr><td>аглинское
анбурское
дюжина
карабин
коч
пистолет
рота
*снур
(снурок)
стамед
фурма
ярмарка,
бумазея
(гол./фр.)</td><td>колобарда
пистоль
трип
табак
(фр./голл.)</td><td>лагун
тавлия
тонпас
финиса
финифт</td><td>лядунка
пара
полковник
польской
поляк
протазан
рейтар
*спикидар
фьялка
шкатула
*шнур
(шнурок)
шпанка</td><td>мушкет</td><td>36</td></tr>
<tr><td>36 %</td><td>11 %</td><td rowspan="2">14 %</td><td rowspan="3">36 %</td><td rowspan="3">3 %</td><td rowspan="3"></td></tr>
<tr><td colspan="2">47 %</td></tr>
<tr><td colspan="3">61 %</td></tr>
</table>

Таблица 2

Заимствования сибирского периода из алтайских, уральских и иранских языков в томских деловых документах XVII в.*

Языки-источники						Кол-во слов
алтайские			уральские		иран.	
тюрк.	монг.	тунг.-маньчж.	фин.-угор.	самод.		
1. алман – алт. 2. багасары – тат. 3. барабанцы – тат. 4. барсук – тат. 5. бечева – кыпч. 6. бухаретин, бухарцы 7. каир – хакас. диал 8. калмак – тел. казах. 9. кандык – алт. тел. саг. койб. 10. киргиз – кирг. 11. киштым – тат. 12. кумач – Ттат. каз.-тат. кр.-тат. 13. курлук – тат. башк. 14. мунчак – кр.-тат. казах. ккалп. ст.-узб. тур. 15. мурья – чув. 16. нашатырь – тат. тур. азерб. 17. саяны, саянцы – тув. 18. тархан ‘тюр. титул’ – тур. чаг. др.-тюрк. уйг. 19. тогуш – татЗС. 20. тонгус – якут. 21. тубинцы – тат.	1. бакша[1] ‘коробка’ – монг. 2. бакша[2] ‘рел. деятель’ – калм. 3. браты – бур. 4. буг / буга – бур. 5. ирбис (тюрк. и/или монг.) 6. катун(я) (тюрк.?) < монг. 7. контайша – Том.< кит. 8. кутукта – монг. калм. 9. кучегуты (монг.?) 10. лаба – монг. 11. ланза – монг. 12. мугал 13. табун ‘титул’ – монг. 14. тайша – бур.	1. гиляки-орок. – уд. (амур. гр.) 2. долгирцы – эвенк. 3. кета – эвенк. 4. кумка– эвенк. 5. кутугирцы – эвенк. 6. маты, матцы – эвенк. 7. маймаканцы – эвенк. 8. макагирцы – эвенк. 9. орчаки – эвенк. 10. тиски – эвенк. (комиЗ) 11. чолкогирцы – эвенк. 12. чулюгильцы – эвенк. 13. шамагири – эвенк. 14. шаман – эвенк.	1. кан – хант. 2. муксун – хант. 3. пальма – хант. 4. урак – хант. 5. чукрей – хант. 6. шишига – фин.	1. одекуй – нен. зап. 2. толомя – сельк. 3. тунгус – ненТ	фарабат – перс.	

22. чаты, чатцы – татЗС. 23. чарки – булг. 24. чувал – татЗС 25. ясырь – кр.-тат. тур. 26. яшма – тур.						
41 %	22 %	22 %	9 %	5 %	1,6 %	64
85 %			14 %			

* Сокращения языков и диалектов соответствуют общепринятым. См.: *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири… С. 55–70.

Таблица 3

Структурное содержание пласта лексики тюркского происхождения в томских говорах XVII в., заимствованной в XVI–XVII вв.

Хроноло-гия	Группы тюркских языков-источников						
	юго-зап. (тур.)	зап.	сев.-зап.	сев.-зап. юго-вост.	юго- вост.	вост.	сев.-вост.
1	2	3	4	5	6	7	8
До-сибирские XVI в.	азям бирюза изуфрь кутня мусат ферезь	арбуз аркан есаул ишак катырь каюк кушак мулла сафьян чал чердак	аманат* анбар аршин барс буланый тулуп чулок штаны юфть чемодан	изюм сакма		куяк барс	игрень
	18 %	33 %	30 %			6 %	2,8 %
	82 %				9 %		

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8
Сибирские XVII в.	тархан яшма	мунчак нашатырь ясырь	багасары барабанцы барсук бечева калмак киргиз киштым курлук кумач тогуш тубинцы чаты чувал		тархан		каир кандык мунчак саяны (саянцы) тонгус
	8 %	12 %	50 %		4 %		20 %
	70 %				24 %		

* Подчеркнуты татарские заимствования.

Т.С. Мамсик

ПРОБЛЕМА АЗИАТСКО-ЕВРОПЕЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА В ДРАМАТИЧЕСКОЙ СКАЗКЕ В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ИВАН, КУПЕЦКИЙ СЫН»

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797–1846) долгое время был известен массовому читателю лишь как друг А.С. Пушкина и случайный участник политических событий 1825 г. в Петербурге[1]. Ныне можно с удовлетворением отметить, что роль Кюхельбекера как общественного деятеля постепенно начинает адекватно оцениваться. Выяснилось, что в его лице политик осуществлял свою функцию прежде всего как самобытный поэт прозаик, оригинальный мыслитель, создатель своеобразного литературно-критического направления в отечественной культуре.

Основной комплекс произведений Кюхельбекера (в том числе монументальных поэм на сюжеты Ветхого Завета «Давид», «Зоровавель») был создан в период его пребывания в крепостных тюрьмах (1826–1835), а затем в Сибири, где он прожил как ссыльнопоселенец последние десять лет жизни (1836–1846). Литературный архив поэта в значительной степени утрачен; сохранившиеся же сочинения еще далеко не все подвергались аналитической интерпретации, вскрывающей смысл текстов. В их числе драматическая сказка «Иван, купецкий сын» (1832–1842)[2].

---

[1] Облик Кюхельбекера-политика низведен был при этом до уровня карикатурного в романе Ю. Тынянова «Кюхля». См.: *Мамсик Т.С.* Декабрист В.К. Кюхельбекер: Типологический портрет героического романтика: по материалам сибирской ссылки) // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 1999. Вып. 1. С. 56–64.

[2] См.: *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.В. Королевой. Л., 1967. Т. 2. С. 757. Далее

Драма, облеченная в жанр сказки, как показывает внимательное ее прочтение, относится к типу содержательно многослойных произведений, уже знакомому нам по сочинениям А.С. Пушкина[1]: на одном из уровней ее текста обнаруживается скрытый политический подтекст, адресованный «посвященным». Оставив его анализ до более удобного случая, в данном очерке обратимся к той части сочинения, которая служила в качестве прикрытия для собственно «секретных материалов». Этот компонент текста интересен не только с точки зрения присущего Кюхельбекеру мастерства полисемии, но и как свидетельство участия поэта в обсуждении политических и социокультурных проблем, дискутируемых в его время. Среди них далеко не последнее место занимали вопросы о месте Российской империи в формировании единого евразийского культурного пространства, о посреднической роли в этом процессе молодой торговой буржуазии.

В рассматриваемую эпоху цивилизационная проблема «Россия и Азия» или «Россия и Восток» впервые предстала в общественном мнении уже достаточно широкого круга публицистов не в виде отвлеченной теории, а как вопрос дня. При этом обнаружилось, что кажущаяся синонимичность понятий «Азия» и «Восток» – продукт творчества, соответствующий интересам западных политиков; российская же геополитика на данном витке развития нуждается в собственной парадигме, требующей переосмысления ложных для нее терминов. По-видимому, эта дилемма уже была очевидной Кюхельбекеру, в связи с чем он пользуется в своем сочинении исключительно понятием «Азия».

ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках. Начало работы над сказкой датируется 1839 г., но из контекста видно, что это опечатка. Опечатки буквально «преследуют» сказку. См.: *Русские* писатели: Биобиблиографический словарь. М., 1990. Т. 1. С. 395. Здесь датой ее первого издания вместо 1939 назван 1839 г. Ср.: *Кюхельбекер В.К.* Лирика и поэмы. Драматические произведения: В 2 т. / Вступ. ст. Ю.Н. Тынянова. Л., 1939. Т. 2.

[1] См.: *Мамсик Т.С.* Поэмы «Гавриилиада» и «Граф Нулин» А.С. Пушкина: Тексты-ключи к «происшествию» 1825 г. // Человек – текст – эпоха. Томск, 2006. Вып. 2. С. 172–196.

***

В это время время Россия соприкасалась с Азией в трех регионах: Кавказском, за южные территории которого (Закавказье) начиная со времени Петра I шла борьба с Турцией и Персией; Зауральском – сибирском (северно-азиатском), где в качестве геополитического партнера выступал Китай (с Монголией и Джунгарией как своими протекторатами), и Заволжском, откуда шел путь через прикаспийские и приаральские пустыни в Среднюю Азию; здесь перекрещивались интересы как Персии и Китая, так и принципиально новой силы – Британской колониальной империи.

В 20-е гг. XIX столетия в российском обществе, наряду с постоянным вниманием к кавказской теме, стал формироваться интерес к проблеме Азии в более широком смысле. Один из исходных пунктов азиатского дискурса был представлен теоретическими постулатами С.С. Уварова, занявшего с 1818 г. должность президента Академии наук. Опираясь на исследования западных ученых, автор утверждал, что «*…из Азии проистекали все религии, все науки, вся философия* (здесь и далее курсив наш. – *Т. М.*)[1]. Она одна сохранила чудесный дар производить все большие явления *морального* мира…». Согласно мысли Уварова, России предстояло осуществить синтез европейских и азиатских традиций с тем, чтобы в конечном итоге направить развитие Азии, пребывающей в «недеятельности», по европейскому пути. Освоение Азии предполагалось реализовать «мирным путем» – распространением просвещения, наук и художеств.

Представители политической элиты (Н.С. Мордвинов, в частности) особую роль в установлении контактов с Азией отводили развитию торговли, и соответственно – купеческому сословию[2].

С середины 20-х гг. эту тему развивал Н.А. Полевой (1796–1846), купец по происхождению, типичный буржуа-разночинец по убеждениям, издатель журнала «Московский телеграф» (1825–1834), автор фундаментальной, к сожалению не завершенной, «Истории русского народа» (1829–1833. Т. 1–6)[3], дополненной блестящими художественными сочинениями на исторические сюжеты.

---

[1] См.: *Сопленков С.В.* Дорога в Арзрум: Российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М., 2000. С. 142–144 и др.

[2] См.: Там же.

[3] См.: *Орлов Вл.* Николай Полевой – литератор 30-х годов // Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 26–36 и др.

Правительство в те же годы организует ряд экспедиций в разные части не только Евразии, но и земного шара[1]; при этом среднеазиатское направление выделяется повышенной частотой вояжей, а также их отчетливой военно-политической составляющей[2].

Интерес к азиатской теме, прежде всего как к проблеме контактов народов – носителей разных культур, их возможной интеграции в состав империи, нашел отражение в рассматриваемом сочинении Кюхельбекера. Начало работы (1832) поэта над сказкой совпадает по времени с проработкой им записок В.М. Головнина (СПб., 1816), трудов И.Г. Георги, создавшего в XVIII в. многотомную этнографическую энциклопедию народов России, а также «Путешествия из Оренбурга в Бухарию в 1820 году» Е.Ф. Мейендорфа[3]. Очевидно, содержанием работы Мейендорфа и было навеяно название страны, о которой повествует в своем сочинении Кюхельбекер.

Действие драмы происходит в вымышленном времени (как бы в XVI столетии, но насыщенном реалиями современного поэту и его читателям XIX в.), в сказочной стране – Бухáре. Это слегка измененное, но вполне понятное название среднеазиатского княжества – обобщенный образ Азии[4]. Главный герой драмы – купеческий сын Иван – возвращается домой (на Русь / в Россию), к отцу, живущему в Новегороде / Петербурге, после удачных торговых операций в Бухáре. Цель поэта заключается в раскрытии характера главного героя – представителя «торгового капитала» – через его взаимоотношения с персонажами, поведение которых отображает авторскую концепцию историко-культурного мира Азии.

В заключение на сцене появляется английский лорд, носитель ценностей западноевропейского просвещения. Проблема контактов Азии и России, таким образом, проецируется на широкую панора-

---

[1] В течение 1815–1826 гг. было совершено 15 кругосветных плаваний, 10 экспедиций в Арктику и боле 20 путешествий в разные места России и земного шара.

[2] Подробно см.: *Арапов Д.Ю.* Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981; *Сопленков С.В.* Указ. соч. С. 5–30 и др.

[3] *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 133,676; 103, 669; 140, 144 и др.

[4] Бухарское ханство (территория нынешних республик Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана) Россия возьмет под свой протекторат позже, с 1868 г.

му отношений цивилизаций и культур разного типа: Азия – Россия – Европа. Мнение Кюхельбекера по поводу перспектив этой встречи тем более любопытно, что по прошествии двух столетий эта проблема по-прежнему предстает как одна из остродискуссионных[1].

Несмотря на то, что в сказке Кюхельбекера речь идет о «зарубежной» Азии, есть все основания предположить, что, создавая образ Бухáры, он имел в виду и другие регионы, как зарубежные, так и подвластные России. В частности он, конечно, был в курсе проекта Российской Закавказской торговой компании А.С. Грибоедова и П.Д. Завилейского (1828), в котором авторы ставили задачу формирования в Закавказье зоны для развития «*мирных и приятных сношений*» представителей разных культур[2].

Кюхельбекер и сам имел некоторый запас впечатлений от знакомства с кавказским бытом. Кроме того, тема, к которой он обратился, являлась, как известно, предметом постоянного внимания «раннего» Пушкина и уже к 20-м гг. была отражена им в «южных» поэмах[3]. Попав в Сибирь, Вильгельм вскоре по приезде в Баргузин подробно делился с другом своими впечатлениями о «Даурской Украйне», о бурятах, тунгусах и сибирских русских. Тунгуса, сохранившего в себе природное («дикое» – «звериное») начало, Кюхельбекер, поклонник некоторых идей Руссо, находил «гораздо привлекательнее расчетливого, благоразумного бурята». Весьма категорично отзывался он о русских сибиряках. «Русские (*жаль, друг Александр, – а должно же сказать правду*) – русские здесь почти те же буряты, только без бурятской честности, без бурятского трудолюбия. Отличительный *порок их пьянство – здесь пьют все*: мужчины, женщины, старики, девушки; женщины почти более мужчин»[4]. Бытовая культура окрестных бурят представлялась поэту важной сферой для научных и поэтических открытий. В акшинский период он общался с бурятским ламой; создал филологическое сочинение «Жители Забайкалья и Закаменья»; писал статьи о

---

[1] См.: *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории. М., 2006. С. 265–435; 435–485.

[2] Подробно см.: *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 542–543.

[3] Имеются в виду: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы».

[4] Из письма от 12. 02. 1836 г. Цит. по: *Кюхельбекер В.К.* Сочинения. Л., 1989. С. 493–494.

русском языке, с учетом сибирских материалов; собирал сведения для словаря тунгусского языка[1].

Напомним, что детство Кюхельбекера прошло в Прибалтике (на территории нынешней Эстонии), а знакомству поэта с Кавказом и Сибирью предшествовало его путешествие в 1820–1821 гг. в страны Западной Европы (Германию, Италию, Францию); впечатления о них нашли отражение в цикле его публицистических очерков – «Европейские письма»[2]. Сказанное позволяет предположить, что у Кюхельбекера имелся необходимый запас не только книжных знаний, но и непосредственных наблюдений, европейских и азиатских, для того, чтобы обобщить в поэтической форме свое видение встречи в пределах России представителей разных культур, а также дать свою оценку роли в этом процессе буржуазии – торговой, так как промышленной тогда в России практически не было.

***

В качестве художественной «обертки» в драматической сказке используются тривиальные литературные сюжеты и персонажи, как реальные, так и сказочные (Кикимора, Пук, Вельзевул, Ведьма и т. п.), – проекция инфернального, мифопоэтического мира различных этносов Европы и Азии. В то время как российская сторона фигурирует в образе представителя торгового капитала – молодого русского купца, а также его родственников (отец, мачеха, ее дочь), азиатское социокультурное пространство отображено более широким спектром героев разного социального статуса и неоднозначного культурного уровня: от кабацких пьяниц (! – при том что Кюхельбекер не мог не знать о запрете, налагаемом исламом на алкоголь) до хана – владетеля Бухáры. Наряду с двумя главными героями, представляющими элитную (культурную) верхушку Азии, по воле случая отправившимися с Иваном на Русь, – витязем Булатом и дочерью хана царевной / княжной Анданой, в сказке в качестве фона присутствует безымянная масса, заполняющая кабак, базар, степь; о ее действиях и настроениях мы узнаем из монологов и диалогов персонажей, являющихся в интермедиях. Образный строй поэмы-сказки сближает ее с театральным действием.

---

[1] См.: *Кюхельбекер В.К.* Путешествие… С. 646–650; *Мамсик Т.С.* Декабрист В.К. Кюхельбекер.

[2] Опубликовано под названием «Путешествие» в кн.: *Кюхельбекер В.К.* Путешествие… С. 7–63.

Центральный персонаж драмы – «купецкий» сын Иван – представлен Кюхельбекером в качестве отрицательного героя. С этой точки зрения сказку можно квалифицировать как сатирическое сочинение и даже памфлет. «В народе русском и с большим трудом / Сыскал я труса…» (С. 589) – так представляет Ивана своим клевретам – духам – Кикимора, режиссер «забавного зрелища», которое она собирается развернуть по воле Вельзевула. Иван не только трус, деньги для таких, как он, единственная ценность в этом мире: «Их бог, их царствие небесное – в гроше; / Людьми их сделать – подвиг донкишотский, / Вложить в них сердце – глупая мечта. / Родоначальник их – торгаш Искариотский, / Продавший за тридца́ть серебреных Христа» (С. 635). Заведомо достойный ада, для бесов этот «экземпляр» имеет интерес лишь по той причине, что помогает создавать ситуации, необходимые для разрушения душ цельных и благородных натур. Последние представлены в сказке образами «детей» Азии: Булата и Анданы – носителей ценностей древней азиатской культуры и традиций, предшествовавших европейским. По шкале ценностей мировых цивилизаций азиатскую культуру поэт ставит, как видно, на первое место, т. е. солидаризуется с С.С. Уваровым.

Иначе обстоит дело с проблемой интеграции культур. Кюхельбекер вообще сомневается в ее возможности, в частности по той причине, что купечество, будучи представителем торгового капитала, по своей природе не способно к выполнению той культуртрегерской миссии, которую прочат ему отечественные политики и публицисты. Из свеаборгского заточения поэт вступает в актуальную дискуссию о международной роли русского купца с Н. Полевым, Н. Мордвиновым, вероятно, с погибшим другом – А. Грибоедовым.

Сюжет поэтической сказки основан на том, что при всей низости человеческих характеристик ее центральный персонаж «купчик Иван» отличается чрезвычайно привлекательными внешними качествами. Хозяйка, у которой гостевал Иван в Буха́ре, прожив долгий век, никогда не встречала подобного ему красавца, за внешностью которого скрывались, как бы соревнуясь, жадность, трусость и низость. По совету мудрой старушки Булат был вызволен Иваном из долговой кабалы у кабацких завсегдатаев. Витязь отдался им по спору, ожидая, что будет тотчас выкуплен кем-либо из соотечественников, которых он то и дело выручал из беды. За свою детскую наивность он был жестоко наказан и хотя мог в любой момент из-

бавиться от своих «хозяев», но, следуя данному слову, все-таки ожидал избавителя. «Своих» он не дождался. Спаситель пришел к нему в лице иноземца, русского красавца-купца.

Булат довольно быстро сообразил, что поступок «русского» мотивирован исключительно корыстным стремлением – обезопасить путь на родину, используя силу азиатского богатыря, его смекалку и авторитет у вожаков диких степных орд. Несмотря на это, витязь в благодарность за избавление – по азиатскому обычаю – обязался служить своему благодетелю безвозмездно, бессрочно, без каких-либо условий. Его решение поддерживалось чувством обиды на свою «страну»: «Стране моей я все свои желанья, / Единой ей все думы, все труды, / Все чувства посвящал, – *и вот плоды* / И ран моих, и поту, и страданья!» (С. 574).

Назвав Бухáру «*городом трупов*», рыцарь попрощался с его «детьми» и «камнями» (!) навсегда и отправился в неведомую Русь. При этом он, как истинный «Дон-Кишот», надеялся, что сумеет у своего нового хозяина – человека «без сердца» – со временем пробудить подобие «души». Дух зла, «организуя» встречу двух героев и предчувствуя «потеху», заранее язвит: могучий витязь «…в бездушный век / Задумал быть с душою человек!» (С. 589).

Булат, таким образом, попал на службу к русскому, будучи поставлен в безвыходную ситуацию внешними обстоятельствами. В сказке их создает сатана Вельзевул, олицетворяющий, как можно понять, европейский инфернальный дух. Он – проекция торгового капитала и «продвинутого», «просвещенного» общества, предписывающего и Азии, и России свои нормы международного общежития. Рыцарь с его средневековыми принципами поведения, понятиями о чести и душе оказался чужим у себя на родине, обратившейся в сборище торгашей, собравшихся в Бухáру со всей земли.

В отличие от воина Булата, юная царевна Андана связала с русским свою судьбу как будто добровольно (а на самом деле также на «потеху» духам): увидев «иноземца» из окна гарема, оказалась «ума лишенной от любви слепой». Она пыталась, забыв гордость и сан, объясниться ему в любви с помощью традиционных приемов (цветов и брошенного из окна перстенька), а затем решилась назначить свидание. Однако «дрожащий, как осина, хват» вознамерился бежать из Бухáры, повторяя: «Здесь женщины в любви без милосердья смелы: / Спасемся, удерем, пока еще мы целы!..» (С. 578, 580, 589).

Между тем, прибегнув к хитрости, княжна нашла способ, чтобы последовать за своим избранником: переоделась мальчиком и упросила Ивана взять ее в качестве бесплатного слуги на родину. Доверчивая «дочь Азии» ничуть не сомневалась, что прекрасный внешний облик русского купца отражает столь же благородные качества его характера.

Познакомив читателя с главными персонажами драмы, автор далее описывает их долгий путь на «Русь»; этот прием позволяет ему провести героев через ряд испытаний, читателю же – поразмыслить о последствиях азиатско-европейских отношений в суровой – несказочной – реальности.

Уже первое испытание – встреча с ханом, отправившимся в сопровождении евнуха и слуг в погоню за дочерью, поставило торговца и витязя перед проблемой нравственного выбора. Трусливый купчик, узнав в отроке княжну, тут же вновь замыслил побег, но увидев драгоценности, предложенные ею в качества дара «прекрасному юноше», изобразил показную благосклонность к владелице сокровищ: «…слепая сила / Корыстолюбия…» заглушила страх (С. 581, 594).

Витязь же, предугадав погоню, отправился навстречу хану, полонил его и вынудил дать благословение на брак княжны и гяура-иноземца. Будучи проницательнее Анданы, Булат осознал опасность ситуации, в которую по молодости и неопытности попала дочь уважаемого им владетеля Бухáры, но следуя чувству ложно понимаемой чести, предпочел услужить «дураку-мерзавцу». Униженный «державный» владетель Бухáры, возвращаясь домой, погиб от рук степных разбойников. «Царя, отца всему бухарскому народу, / *И не желая, а все наш Дон-Кишот сгубил*» – так характеризует ситуацию тень хана, явившись перед незадачливым витязем (С. 614). За свою донкихотскую «простоту» и «заносчивость» «герой философ», как насмешливо именует его устами тени поэт Кюхельбекер, конечно, должен получить «плату». Тень хана пророчит рыцарю необычную судьбу: обращение в каменного истукана с «живой душой». Булат полагает будущее наказание заслуженным и клянется отныне рабски служить Андане, по его вине связавшей свою судьбу с человеком «без сердца».

В следующих двух испытаниях Булат спасает своих спутников от верной гибели, которой подвергает их ведьма-мачеха Ивана, мечтающая завладеть капиталами торгового дома. Сначала во вре-

мя кораблекрушения на море, устроенном в ясную погоду, а затем – при попытке присным ведьмы – демоном (в образе слуги) – обрушить в преисподнюю пасынка и его спутников. Демон соблазняет купчика продолжить путешествие в великолепной «колымаге», запряженной тройкой сказочно прекрасных лошадей; Булат, произнеся заклинание, избавляет Андану и ее возлюбленного от смерти. За оба свои подвига витязь вместо благодарности получает от хозяина грубые нарекания: в первом случае – за оставленную на дне Каспия казну, а в во втором – за то, что, произнеся заклинание, отправил к чертям и «карету знатную», и «беса-лакея».

В ответ на сокрушение Ивана: «Был из бесов лакей… Что нужды? всё же мы доехали бы в ней…» – Андана наконец впервые задает ему вопрос-размышление: «Подобных от тебя я не ждала речей: / Ты человек разумный, осторожный», но в ответ слышит: «Оставь свои хвалы: я просто трус безбожный…» (С. 633). Однако даже после такого откровения и целого ряда безнравственных поступков Ивана в отношении Булата уже после прибытия в Россию Андана, в силу цельности своей натуры и по традиции азиатских женщин рабски преданная мужу, остается вне досягаемости очевидной и грубой реальности.

Драма достигает апогея, когда мачеха Ивана решает сама погубить супругов, не полагаясь более на своих клевретов. С попустительства Вельзевула, который следует своему (европейскому) сценарию, старуха обращается в змея. Булат, разгадав замыслы ведьмы (с помощью ее дочери), совершает последний рыцарский подвиг. Спасая супругов от верной гибели, он убивает змея в тот момент, когда тот готовится осуществить свое адское намерение. Проснувшиеся от неожиданного «грома» супруги уличают своего спасителя в желании погубить их. Витязь, предпочтя смерть бесчестью, в соответствии с предсказанием духа-хана описывает Андане все случаи, когда он, подобно последней ситуации, мог сказать: «Я в такой-то час / Не губил тебя, а спас!» – и обращается в каменного истукана, но не в обычного, а зачарованного – сохранившего «дивный лик с живой душою» (С. 649).

Только теперь до «злосчастной» Анданы доходит смысл происходящего. Она осознает, что прекрасный мир, куда она так стремилась, всего лишь ее иллюзия. Поскольку назад ей дороги нет, она готова погубить не только себя, но и свое дитя, не видя для него достойного будущего в обществе бездушного чистогана.

К тому же вездесущие духи внушают ей мысль, будто кровь ее младенца вернет Булата к жизни. Эту надежду подает Андане дочь ведьмы Даша, обратившаяся после убийства матери в птицу. Она любит Булата и сочувствует его участи, но обречена (силой все тех же инфернальных обстоятельств), мучаясь сама, «мучить» его мозг и душу[1] (С. 654). Жертвенный поступок бухарской княжны не помогает: она умирает вместе с младенцем у подножия статуи соотечественника.

Между тем бездушный супруг Анданы ищет покупателя для окаменевшего витязя, которому он обязан самой жизнью. Купцу повезло: в городе появляется турист – богатый лорд, английский дипломат и ученый. Кюхельбекер вводит в качестве персонажа сказки реальное историческое лицо – лорда Эльджина (1766–1842), владельца единственной в мире коллекции античных древностей, грабительски вывезенной им из Афин. Лорд видит Россию глазами просвещенной Европы и находит ее народ варварским, не изменившимся со времени немца А. Олеария, посетившего Русь еще в XVII в.

Утвердиться в этом мировидении лорду «помогает» гид – бес Кикимора, нанявшийся к знатному иноземцу в лакеи под видом простого горожанина. Соглашаясь, что его соотечественники народ «дикий», непросвещенный, практикующий «торговую» (публичную) казнь *за воровство каменных надгробий*, изворотливый бес путем наивных размышлений перед публикой доводит невозмутимого европейца до бешенства. Сначала он любопытствует, действительно ли «между вами», т.е. англичанами, «торгуют мертвыми телами…» и, получив подтверждение и разъяснение, что делается это «… для наук, / Для расширенья / Границ ума и просвещенья», обращаясь к «зрителям» (читателям), ставит вопрос: кто же более варвар? русские, жестоко наказывающие осквернителей могил, или «просвещенные» европейцы, которые «вздумали распространять науки / Через такие выдумки и штуки», как продажа и расчленение трупов (С. 657, 658).

Затем злокозненный бес, будучи осведомлен, что перед ним знаменитый лорд, разграбивший античные древности, задает ему еще один вопрос: действительно ли «Земляк ваш и, как вы, богатый, знатный барин / (Прозванье я забыл, но только лорд и пер)»,

---

[1] В этом месте кто-то лишил текст сказки 4 страниц, однако смысловые нагрузки авторских образов вполне просматриваются из общего контекста произведения.

свез с родины Гомера все, что уцелело «от ярости веков и бешенства войны». Бес подробно рисует читателю картину разграбления («осквернения») древних реликвий – «под флагом английского барса» – и возмущенно клеймит фарисеев-англичан: «И после этого неслыханного фарса / Вы филантропы, вы просвещены… вы ж в книгах и журналах / Еще толкуете о гуннах и вандалах?!» (С. 658).

Сравнивая далее культуру варваров и «просвещенных» европейцев, автор отдает предпочтение моральным нормам «сынов кровавого Арея», хотя бы уже потому, что «…нет меж ними фарисея, / Ручного дикаря, философа-злодея, / Который грабил бы и разрушал, / Как истинный вандал, / И сам же за грабеж вандалов бы ругал» (С. 659). Позиция Кюхельбекера прозрачна: в то время, как дух торговли и чистогана обращает азиатов в каменных истуканов «с живыми душами», которые, вероятно, будут ждать своего часа для возвращения к жизни, тот же дух преобразует благородных европейцев (даже лордов) в трусов, обманщиков, грабителей – в людей-трупов, без сердца и души. Если будущее азиатских этносов и культуры, с точки зрения автора, вселяет еще некоторую надежду, то его взгляд на будущее европейской культуры полон отчаянного пессимизма: на месте разрушаемой цельной культуры прошлого торговый капитал способен создать, образно говоря, лишь «нравственную пустыню».

Обескураженный дипломат решает подать жалобу на грубияна, но встречает другого русского, вежливого и подобострастного – богатого купца Ивана Иванова. Купец готов сбыть лорду за сходную цену необыкновенную статую, каменного «болвана» с признаками живого лика и живой души. Лорд, конечно, рад пополнить свою награбленную коллекцию столь оригинальным экспонатом.

Еще не зная о смерти Анданы, Иван приводит богатого туриста в сад, к месту хранения азиатской «диковинки». Здесь, осознав происшедшее, Иван осыпает проклятьями бывшую супругу («Будь ты проклята! – ты мужа / Следствию подвергнешь!..») и тужит о сыне: «… из бедного плутишки / Славный вышел бы купец!» (С. 665). Однако тут же, под влиянием сочувствующего англичанина («…обвенчаешься с другой / с *ровней;* разведет с тобой /...Целое, пожалуй, племя / Расторопных торговцов»), находит ситуацию выгодной для себя. Тестем теперь ему будет не какой-то азиатский хан, а европеец – Андрей *Немцов*; дочь у него – «урод», но за ней приданого – дом двухэтажный и «двадцать тысяч чисто-

гану!». Щедрый лорд добавляет: «Да пять тысяч, *друг Иван*, / от меня за истукан!» Прощаясь с новым «другом», купец приглашает: «Если ж нужно будет что, / Вспомните купца Ивана, / Не продаст сходней никто» (С. 666).

Заключительной сценой драмы поэт, таким образом, еще раз поэтически отрицательно ответил на вопрос о посреднической роли России в европеизации Азии. Богатая «просвещенная» Европа видит в русском народе такого же варвара, как русский купчик-Иван – в азиатских «булатах».

***

Анализ развития сюжета и характера развязок, в которых разрешаются конфликтные ситуации для героев драматической сказки Кюхельбекера, позволяет говорить о том, что идею создания евразийского культурного пространства ее автор расценивал как ложную цель, уводящую российскую политическую элиту от решения действительно насущных для империи задач.

В лице своих благородных героев поэт воссоздал образ Азии, видящей в западном соседе – Руси / России – Рыцаря высшего статуса, которому она обязалась по доброй воле, если следовать средневековой лексике, быть верным вассалом. Однако новое время, породившее капитал и торговый класс в Европе, в том числе и в России, не нуждается более в моральных ценностях, выработанных азиатской цивилизацией. При этом в массе своей Азия уже развращена «торгашами»; кабак сделал свое дело – чернь ее смеется над ценностями своего же прошлого; элитарная часть азиатского общества осталась наедине со своей культурой. Ее попытки в связи с этим найти опору в «невещественном» капитале» русского купечества, т. е. войти, по существу в культурное поле «русских», по мнению автора драмы, также не имеют перспективы.

В этом отношении поэт полностью солидаризуется с идеей, воплощенной Пушкиным в «южных» поэмах, представляющих цикл с единообразными сюжетом и концовкой. Каждая поэма заканчивается гибелью героинь, которым судьба дает, казалось бы, шанс интегрироваться в российскую «семью» народов. Вывод напрашивается сам собой: политик Пушкин полагал целесообразным остановить безудержное расширение имперских границ, столь характерное для царствования Александра I; оставить в собственном предопределенном исторической судьбой статусе и Закавказье, и Бесса-

рабию; что же касается крымских татар, то их вынужденное «силой вещей» покорение Россией чревато, по мнению Пушкина, неразрешимыми коллизиями и кровавыми конфликами.

Кюхельбекер, продолжая ту же мысль, предупреждал о бессмысленной трате материальных и демографических ресурсов империи на любое «завоевание» (как «мирное», так и военное) среднеазиатских княжеств. Время обнаружило, что на этот счет оба поэта-политика оказались ясновидцами.

В торговом капитале Кюхельбекер пророчески видел не только препятствие для диалога и синтеза полиэтничных культур, но и агрессивное начало, разрушающее отечественную самобытность. Основное средство наживы «торгашей», кабак, по его наблюдениям, уже обратило потомков русских землепроходцев, в частности в «Даурской Украйне», не в лучшую часть сибирского общества.

В сатирическом свете он рассматривал и стремление определенной части российской интеллектуальной элиты войти в европейскую семью народов или, во всяком случае, обратиться за опытом к европейцам. Призвав на помощь «русский» языческий (т. е. самобытный) дух в образе Кикиморы, поэт с его помощью срывал фарисейскую маску с «просвещенного», «ученого», мира англичан. Очевидно, что Кюхельбекер, как и Пушкин, полагал, что у России свой особый путь развития, не сводимый ни к азиатскому, ни к европейскому. Первоочередную задачу поэты-политики видели в том, чтобы обратить подданных империи – посредством целенаправленной культурной работы и правительственной политики – из собрания «голов и рук, и ног» в действительный субъект истории – народ, обладающий единым самосознанием.

И.В. Нам

ПОЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И СИБИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА (1917–1918 гг.)

Падение самодержавия в России, провозглашение основ демократической государственности и отмена вероисповедных и национальных ограничений возродили вековую мечту поляков о восстановлении национальной независимости и были восприняты польским населением с большой радостью и воодушевлением. На многочисленных митингах и собраниях, которые прокатились по всей стране, единодушно принимались резолюции доверия и поддержки новой власти, отправлялись в адрес председателя исполнительного комитета Государственной думы А.В. Родзянко, председателя Совета министров князя Г.Н. Львова и Совета рабочих и солдатских депутатов. Красной нитью через их решения проходил лозунг восстановления объединенной и независимой Польши. Так, 5 марта в Томске состоялось собрание поляков, местных жителей, политических ссыльных, беженцев и солдат томского гарнизона, на котором были приняты резолюция «солидарности с действиями нового правительства», а также тексты приветственных телеграмм. Обязуясь «всеми своими силами содействовать упрочению нового демократического строя», поляки выражали надежду, что свободная Россия облегчит польскому народу достижение объединения и независимости[1]. Аналогичные ожидания присутствовали и в резолюции поляков Иркутска, вынесенной 11 марта. Иркутские поляки также заявили о намерении «принимать самое деятельное участие» в «го-

[1] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1778 (3). Оп. 1. Д. 94. Л. 100. (Далее – ГАРФ); Сибирская жизнь. 1917. 5 марта.

сударственно-политической жизни России», подчеркивая одновременно свой «политический постулат: стремление к независимой Польше»[1].

Борьба поляков за восстановление независимости и объединение Польши нашла понимание новой власти. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в одном из своих первых актов – обращении «Привет польскому народу», единогласно принятом 14 (27) марта 1917 г., признал право Польши «быть совершенно независимой в государственно-международном отношении»[2]. Через три дня последовало воззвание Временного правительства «К полякам!», в котором заявлялось, что оно считает «создание независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом, надежным залогом прочного мира в будущей обновленной Европе». Народу польскому предоставлялось право самому определить государственный строй через свое Учредительное собрание. Российскому Учредительному собранию предстояло лишь «скрепить окончательно» образование свободной и воссоединенной Польши[3].

Эти акты новой российской власти еще более укрепили надежды поляков на осуществление своих надежд. Последовала новая волна приветствий из Сибири: от имени редакции газеты «Голос Сибири», издававшейся в Новониколаевске[4], общего собрания членов Польского республиканско-демократического общества в Забайкалье[5] и др. Но теперь они отражали разные представления о путях достижения независимости Польши. Обсуждение текста резолюций на польском митинге в Иркутске, состоявшемся 30 марта 1917 г., привело к расколу в рядах социалистов. Представители ППС-»фракции», заявляя, что они идут на митинг не как социалисты, а как поляки, связывали достижение независимости Польши с созданием сильной польской армии и доказывали необходимость

---

[1] Сибирь. 1917. 16 марта

[2] *Петроградский* совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Л., Т. 1. 1991. С. 324; *Документы* и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. 1. С. 26.

[3] *Документы* и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 35–36.

[4] ГАРФ. Ф. 1778 (3). Оп. 1. Д. 99. Л. 105–106.

[5] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 167. Л. 46 об. (Далее – ЦГА СПб.).

изъятия солдат-поляков из рядов русской армии. Левая часть («объединенные социалисты») связывала гарантию независимости Польши с международной солидарностью пролетариата. Большинство получила резолюция «фраков», которых поддержали представители «демократического коло». От имени митинга были отправлены приветственные телеграммы в адрес Львова, Керенского и Петроградского Совета. Меньшая часть (120 человек), заявив об образовании Социал-демократического польского союза, вынесла свою резолюцию и отправила телеграммы Петросовету, а также «товарищам-полякам» на оккупированных Германией и Австрией польских землях[1].

Польский митинг в Красноярске (300 человек), состоявшийся 4 апреля 1917 г., напротив, закончился полной победой большевиков. Большинством в 185 голосов против 89 здесь была принята предложенная польской секцией СДКПиЛ резолюция, в которой вместо приветствия Временному правительству разоблачалась «великодержавная» сущность его воззвания к полякам: «Имея в виду, 1) что большинство членов Временного правительства никогда не являлось сторонниками не только независимости Польши, но и широкой её автономии, 2) что воззвание к полякам провозглашено было правительством исключительно под давлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 3) что воззвание это заключало в себе слишком категорическое предрешение судьбы будущей независимой Польши и 4) что истинная независимость будущей Польской демократической республики может явиться единственно как результат будущей победы демократии всех воюющих народов… поляки-демократы г. Красноярска… заявляют, что независимость каждого народа составляет его неотъемлемое и естественное право, и шлют братский привет революционной демократии Петрограда, которая первая возвестила польскому народу его полную свободу и независимость»[2].

После революции социально-политическая и культурная жизнь Полонии в Сибири, как и во всей России, чрезвычайно активизировалась. Мощный всплеск национальных чувств и ожиданий, вы-

---

[1] ГАРФ. Ф. 1778 (3). Оп. 1. Д. 103. Л. 108; Известия Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 1917. 6 апр; Иркутская жизнь. 1917. 4 мая.

[2] Известия Совета рабочих и крестьянских депутатов (г. Красноярск). 1917. 7 апр.

званных надеждой на осуществление вековой польской мечты, сопровождался процессом самоорганизации и создания органов национального самоуправления. Повсеместно воссоздаются и возникают новые организации и общества различных направлений (культурно-просветительные, военные, политические и т.п.), развернувшие бурную деятельность. В Омске в декабре 1916 – январе 1917 г. образовалось общество «Огниско»[1]. Активизирует свою деятельность польско-литовское общество «Огниво» в Иркутске. Общество возникло еще в 1906 г. как польская культурно-просветительная организация и ставило своей целью содействие «улучшению материальных, нравственных и духовных условий жизни своих членов»[2]. В 1911 г. к нему присоединилось литовское общество «Рута», которому губернские власти не разрешили функционировать самостоятельно[3]. Объединенные польско-литовские организации в Сибири создавались и в 1917 г. Так, в апреле был открыт польско-литовский клуб в Тобольске[4]. Еще раньше, в марте, в Новониколаевске возник Польско-литовский народный союз – организация, которая поставила задачу «отстаивать независимость Польши и Литвы на республиканско-демократических началах». Но уже в июне литовцы выделились из него и образовали Демократический литовский союз, мотивируя свое решение тем, что люди, создавшие польско-литовскую организацию, проповедовали присоединение Литвы к Польше[5]. В апреле образовали свою организацию поляки в Барнауле, во Владивостоке образовалось общество «Дом польский», в мае в Томске был создан Польский народный дом, в Канске – «Огниво», в июне – общество под названием «Огниско польское» в Новониколаевске[6].

---

[1] Омский вестник. 1917. 5 янв.

[2] Государственный архив Иркутской области. Ф. 600. Оп. 1. Д. 856. Л. 3 об., 8, 44. (Далее – ГАИО).

[3] См.: *Масяржж В.* Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.). Иркутск, 1995. С. 18; *Новоселова М.Р.* Польско-литовское общество «Огниво» (1906–1921 гг.) // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы. Иркутск, 2001. С. 309.

[4] Сибирский листок. 1917. 13 апр.

[5] См.: Голос Сибири. 1917. 18 марта, 17 июня, 15 нояб.

[6] См. об этом: Государственный архив Красноярского края. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2937. Л. 1. (Далее – ГАКК); Жизнь Алтая. 1917. 22 апр.; Новая жизнь. 1917. 27 мая; Голос Сибири. 1917. 4 июля, 12 сент.; *Чернолуц-*

Одновременно активизируется политическая жизнь, создаются местные организации польских политических партий. Их особенностью было то, что размежевание происходило преимущественно по двум лагерям: близкому к левым кадетам либерально-демократическому, к которому тяготели группы ППС-»фракции» и некоторые деятели ППС-левицы, и социал-демократическому (большевистскому), к которому примыкали члены СДКПиЛ и часть левицевцев. К либерально-демократическому направлению тяготели, в частности, Польский демократический клуб в Томске[1], Польсколитовский народный союз в Новониколаевске[2]. В начале 1918 г. в Новониколаевске образовалась новая организация либерально-демократической ориентации – исполнительный комитет польских общественных организаций и политических партий[3]. Аналогичная организация под названием Польский исполнительный комитет общественных организаций образовалась в октябре 1917 г. в Иркутске[4]. Польские либералы в Сибири, таким образом, не стремились к созданию собственных партийных структур, отдавая приоритет объединению под своим влиянием всех местных поляков.

«Фраки» образовывали самостоятельные организации, как правило, там, где уже действовали другие польские социалистические организации, где уже были исключены возможности создания объединенных польских организаций[5]. Так, в Иркутске «фраки» оформились в самостоятельную организацию после того, как им не удалось объединить под своим началом группы, вошедшие в Польский социал-демократический союз в середине апреля 1917 г.[6] 9 июля была создана группа ППС-«фракции» в Омске, 15 августа оформились в самостоятельную секцию «фраки» в Красноярске[7].

кая Е.Н. Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX веке. Владивосток, 2000. С. 104.

[1] Сибирская жизнь. 1917. 6, 13, 14 апр.

[2] Образовался в середине марта 1917 г. См.: Голос Сибири. 1917. 18 марта.

[3] Дело революции. 1918.

[4] Иркутская жизнь. 1917. 15 окт.

[5] См.: *Манусевич А.Я.* Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., 1965. С. 131.

[6] Сибирь. Иркутск. 1917. 18 апр.

[7] См.: Омский вестник. 1917. 13 (26) июля; Сибирская жизнь. 1917. 22 июля; Наш голос 1917. 18 авг.

Хотя «фракам» в Сибири не удалось создать под своим руководством польские социалистические объединения, как это было, например, в Харькове и Воронеже, объединительные тенденции среди польских социалистов в регионе все же имели место. Этому способствовало длительное существование здесь объединенных организаций РСДРП. Объединенная организация польских социалистов – Польский социалистический коалиционный комитет – возникла 25 марта 1917 г. в Томске. Его возглавлял член ППС-левицы В. Квятковский. Томский комитет поддерживал связь с Петроградским комитетом ППС-левицы[1]. Вслед за Томском в конце апреля 1917 г. образовался Польский социалистический коалиционный комитет в Новониколаевске[2]. В обоих комитетах сильными позициями обладали «левицевцы», которые были близки к меньшевикам-интернационалистам.

В Иркутске в конце марта 1917 г. образовался Польский социал-демократический союз, в который вошли члены СДКПиЛ, ППС-левицы и некоторых других польских социалистических групп. Создание объединенной организации мотивировалось тем, что «разница во взглядах… в прошлом касалась вопросов тактики и отдельных политических вопросов», которые в изменившихся политических условиях потеряли свою остроту»[3]. Польский социал-демократический союз в Иркутске входил в объединенную организацию РСДРП[4], а внутри нее примыкал к меньшевикам[5].

Между этими политическими группировками и шла основная борьба за влияние на различные группы польского населения Сибири в условиях революции и гражданской войны. Наибольшее значение придавалось работе среди временных контингентов польского населения (беженцев, военнослужащих, военнопленных), которым предстояло вернуться на родину и строить независимое польское государство.

---

[1] Сибирская жизнь. 1917. 28 марта.

[2] Новая жизнь. 1917. 22 апр.; Сибирская жизнь. 1917. 22 апр.; Голос Сибири. 1917. 30 апр.

[3] Иркутская жизнь. 1917. 17 апр.

[4] См.: *Вельман В*. Февральская революция в Сибири // Пролетарская революция. 1925. № 3. С. 197.

[5] В противовес этому блоку большевик В. Матушевский, член Иркутского комитета РСДРП, пытался создать группу СДКПиЛ (интернационалистов), но в связи с его отъездом в Красноярск этого не осуществилось.

Организуя свои национальные институты, поляки вместе с тем участвовали и в общественно-политический жизни Сибири – в формировании после революции демократических органов власти и местного самоуправления: комитетов общественной безопасности и Советов. Коалиционный характер тех и других давал возможность представительства самых разных слоев населения, общественных структур и политических партий, в том числе организованных по национальному признаку. В Омский коалиционный комитет общественных организаций входили представители трех польских организаций – польского общества, общества «Огниско», польского комитета беженцев[1], в исполнительный комитет общественных организаций в Иркутске входил представитель польско-литовского общества «Огниво»[2]. Если в КОБы посылали своих представителей общенациональные организации, то в Советы – социалистические партии. Так, в Иркутском Совете рабочих депутатов были представлены Польский социал-демократический союз и группа ППС-«фракции»[3]. Предвыборное собрание поляков Томска, состоявшееся 14 апреля, постановило голосовать на выборах в городское уездное и губернское народные собрания совместно с блоком социалистических партий, лозунги которых ближе всего выражают настроение народных масс, а их победа обеспечит осуществление «полной независимости объединенной Польши». В. Квятковский, баллотировавшийся по списку коалиционного комитета социалистических партий, был избран в Томское городское народное собрание[4]. В Новониколаевске поляки голосовали за списки РСДРП и эсеров[5].

В ходе многочисленных избирательных кампаний 1917 г. поляки в Сибири, как правило, не выдвигали национальных списков. Единственное исключение представляла попытка поляков в Новониколаевске выступить со своим списком на выборах в городскую думу в октябре 1917 г., но он не был утвержден комиссией по выборам в думу. Местная группа ППС выступила против выдвижения

---

[1] Государственный архив Омской области. Ф. Р-661. Оп. 1. Д. 51. Л. 7, 9–11, 16–20, Д. 10. Л. 1, 1 об. (Далее – ГАОО).

[2] Известия Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. 1917. 17 марта.

[3] Иркутская жизнь. 1917. 17 апр.; Сибирь. 1917. 18 апр.

[4] Государственный архив Томской области. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 7. Л. 23; Новая жизнь. 1917. 8, 14, 16 апр. (Далее – ГАТО).

[5] См.: Голос Сибири. 1917. 15, 29 апр.

национального списка и призвала голосовать за список РСДРП (объединённой)[1]. В других местах во время муниципальной кампании, проходившей в Сибири летом – осенью 1917 г., польские социалисты и социал-демократы призывали голосовать за списки тех общероссийских партий, к которым они примыкали. Так, группа ППС-«фракции» в Иркутске постановила поддерживать список эсеров. В Омске предвыборное собрание поляков, проводившееся группой ППС-«фракции» и секцией СДКПиЛ, постановило голосовать за списки эсеров и РСДРП. По списку большевиков в Томске баллотировались три польских социалиста-интернационалиста[2].

В условиях революции среди демократической общественности Сибири широкую популярность приобрели идеи сибирского областничества, представлявшего одну из разновидностей федералистского движения. С областничеством лидеры национальных движений связывали осуществление планов национального самоуправления. Немаловажную роль в этом сыграла выдвинутая ими под влиянием эсеров, активно включившихся в областническое движение, национальная программа: широкая автономия Сибири в федеративной демократической России и обеспечение национальных прав через предоставление территориальной автономии народам, проживающим компактно, и экстерриториальной, персональной – национальным меньшинствам и «нациям без территории», т.е. дисперсно расселенным этносам[3]. Выдвигая требование федеративного устройства России, областники не исключали в будущем федерализацию Сибири на основе и областного, и национального принципов: «в процессе исторического развития Сибирь, в качестве автономной единицы, имеет право передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий отдельным областям и национальностям, занимающим определенную территорию, если последние этого потребуют, т.е. в союз областей и национальностей»[4].

---

[1] ГАТО. Ф. Р-1138. Оп. 1. Д. 3. Л. 49, 68; Голос Сибири. 1917. 1 окт.

[2] См. об этом: Иркутская жизнь. 1917. 15 июля; Сибирь. 1917. 15 июля; Известия Омского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 16 июля; Голос свободы. 1917. 21 сент.

[3] Подробнее см.: *Нам И.В.* Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике Сибирской областной думы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2004. № 281.

[4] *Первый* сибирский областной съезд 8–17 октября 1917 г. в Томске. Томск, 1917. С. 2.

Первый сибирский областной съезд, проходивший 8–17 октября 1917 г. в Томске, стал триумфом эсеро-областнических замыслов. Ко дню открытия съезда в Томск съехались делегаты отовсюду: от Тургайских степей до Тихого океана. Всего прибыло 182 делегата, имевших 228 мандатов от 17 типов общественных, политических, национальных организаций[1]. Внушительно на съезде были представлены коренное население и национальные меньшинства: 67 делегатов (37 %). Часть из них представляла органы самоуправления, Советы, партии и другие организации, не носившие национального характера, другая, большая, часть – национальные организации казахов, мусульман, алтайцев, телеутов, якутов, украинцев, немцев, евреев. Всего было представлено около 30 национальных организаций[2]. На съезде делегаты-националы выделились в национальную группу и выступали от ее имени как от отдельной фракции[3].

Принимавшие участие в работе съезда поляки относились к первой группе. Людвиг Андреевич Гордзялковский представлял Алтайский губернский комитет Партии народной свободы. Леонард Семенович Уменовский, указавший на свое сочувствие эсерам, имел несколько мандатов: Каркаралинского комитета по введению земства, Каркаралинского Совета рабочих и солдатских депутатов и Каркаралинского уездного Совета крестьянских депутатов. Два других депутата, прапорщик Михаил Антонович Валькевич и врач Семипалатинской переселенческой больницы Бронислав Ипполитович Кржимусский, оба беспартийные, представляли соответственно Иркутское губернское заводское совещание и Семипалатинский киргизский организационный комитет. Б.И. Кржимусский и М.А. Валькевич получили образование в Московском университете, первый на медицинском, второй – на юридическом факультете, Л.А. Гордзялковский имел среднее образование (гимназия и военное училище). Все они не были коренными сибиряками. Уроженец Могилевской губернии, 57-летний Л.А. Гордзялковский прожил в Сибири 29 лет, уроженец Варшавской губернии 53-летний Б.И. Кржимусский – 20 лет. Более молодые, 38-летний М.А. Валь-

---

[1] См.: *В.К.* Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 105; *Шиловский М.В.* Сибирская областная дума (август – ноябрь 1918 г.) // История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С. 23.

[2] ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 об. – 18, 2–14.

[3] *В.К.* Областное обозрение. С. 108.

кевич, уроженец Минской губернии, 31-летний Л.С. Уменовский, уроженец Витебской губернии, прожили в Сибири относительно недолго – 4 года[1]. Польские делегаты активной роли в работе съезда не играли. Сохранившиеся материалы съезда зафиксировали лишь выступление на открытии съезда Л.А. Гордзялковского, который отметил, что Сибирь принимала радушно ссыльных поляков, за что поляки с глубоким признанием относятся к сибирякам[2]. А на заседании 14 октября по его предложению депутаты почтили вставанием память борца за свободу Польши Т. Костюшко[3].

На заключительном заседании 17 октября делегаты приняли решение о скорейшем созыве учредительного сибирского областного съезда, который должен рассмотреть общие положения (конституцию) автономного устройства Сибири. Для подготовки учредительного форума был избран исполнительный комитет во главе с Г.Н. Потаниным.

Но Октябрьский переворот в Петрограде круто изменил ход развития событий в стране и привел к дальнейшему размежеванию в рядах поляков. Группы СДКПиЛ и часть левицевцев приветствовали установление советской власти. Остальные политические группировки отнеслись к захвату власти большевиками резко отрицательно и заняли позицию «нейтралитета» в отношении происходящих в России событий, утверждая, что «во имя интересов будущего Польши им следует беречь свои силы, занять позицию неучастия в событиях в России, быть нейтральными к тому, что в ней происходит»[4]. Комитет польских общественных организаций в Иркутске в своей резолюции от 31 октября 1917 г., например, потребовал, чтобы «инициаторы гражданской войны и сторонники государственного переворота преклонились перед благом России и уступили воле большинства»[5]. Пэпээсовец К. Янушкевич со страниц «Голоса Сибири» утверждал, что большевики взяли непосильную

---

[1] ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–5, 9 об., 10–11, 20, 22;Д. 11. Л. 48, 73, 117–118, 168, 295–297.

[2] ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 3. Л. 58; Сибирская жизнь. 1917. 11 окт.

[3] ГАТО. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

[4] *Манусевич А.Я.* Польские социал-демократические и другие революционные группы в России в борьбе за победу и упрочение Советской власти (октябрь 1917 – январь 1918 гг.) // Из истории польского рабочего движения. М., 1962. С. 120.

[5] Иркутская жизнь. 1917. 12 нояб.

для себя задачу править государством, обвинял их в анархии, в развязывании гражданской войны, и заявлял, что только Учредительное собрание спасёт Россию от кризиса и закрепит завоевания революции[1].

27 октября 1917 г. в Петрограде состоялось совещание представителей польских организаций, постановившее призвать поляков к соблюдению нейтралитета и неучастию в происходившей в России политической борьбе. Участники совещания приняли решение считать себя Польским советом безопасности, который объявил своей задачей «защиту жизни и имущества граждан Польши, обеспечение их политических и имущественных интересов». Польский совет безопасности поручил А. Ледницкому вступить в переговоры с иностранными послами и обязал исполнительный комитет немедленно организовать «польскую самооборону» в Петрограде[2].

Вслед за Петроградом советы безопасности стали возникать и на местах, в том числе и в Сибири. Такой совет в Омске был образован 19 декабря 1917 г. на совместном заседании представителей всех польских организаций: Союза военных поляков, Союза независимой Польши, ППС, «Огниско», «Кола велькополян», Сибирского района ЦОК, Общества взаимопомощи лиц интеллигентных профессий, общества благотворительности. Ему поручалось «всемерно стремиться к наиболее целесообразной защите своих сограждан от возможных эксцессов и репрессий... обысков, ревизий и реквизиций... силами местного отделения польских стрелков…». Было заявлено, что «поляки, проживающие в Омске... считают себя гражданами независимой Польши и, как таковые, будут соблюдать строжайший нейтралитет по отношению ко всяким политическим событиям в России…»[3].

В Иркутске Совет безопасности был создан по инициативе исполкома польских общественных организаций. 16 января 1918 г. здесь было созвано собрание поляков, на котором присутствовало около 400 человек. Были избраны временный совет безопасности и «особая комиссия по выборам», которая обязывалась в недельный срок произвести выборы в постоянный совет безопасности. Собрание постановило также образовать польскую дружину, которой вменялась в обязанность «оборона жизни и имущества» поляков

---

[1] Голос Сибири. 1917. 17 дек. (добавление к номеру); 25 дек.

[2] *Манусевич А.Я.* Польские социал-демократические... С. 120–121.

[3] Омский вестник. 1917. 25 дек.

«на случай беспорядков и вооружённых грабежей». Особо подчеркивалось, что польская дружина должна сохранять «полнейший нейтралитет в партийной борьбе и не может быть применена в целях военных и политических»[1]. На выборах, состоявшихся 28 января 1918 г., конкурировало 2 списка: исполкома польских организаций и социалистического блока. По первому списку в совет безопасности прошло 22 человека, по второму – 13[2].

При формировании советов безопасности польское население рассматривалось, как имеющее особое польское гражданство. Так, в Иркутске удостоверения «польского гражданства» сначала выдавал исполком польских организаций[3], а затем – Польский совет безопасности. Исполком польских организаций и политических партий в Новониколаевске также взял на себя «защиту интересов» поляков, выдавая им удостоверения о принадлежности к гражданам «польского нейтрального государства»[4].

Позицию «нейтралитета» и «невмешательства» в происходящее в России заняли и союзы военных поляков. Показательны в этом отношении события, развернувшиеся в Омске. Здесь 10 декабря 1917 г. члены союза военных поляков и офицеры польского отряда созвали собрание военнослужащих поляков и приняли резолюцию, в которой потребовали от гарнизонного комитета признания их свободными гражданами и воинами независимой Польши, невмешательства в их внутреннюю жизнь и оставления у них оружия. Подчеркивалось, что военные поляки гарнизона подчиняются только начполю и, в случае неудовлетворения выдвинутых ими требований, выступят всеми имеющимися у них средствами. В ответ Омский военно-окружной комитет и секция СДКПиЛ прибегли к помощи поляков-военнопленных. 26 декабря они созвали собрание военнопленных поляков и провели резолюцию протеста против организации в Омске польских войск, подчеркнув, что поляки-военнопленные не будут орудием в руках польской буржуазии, а пойдут рука об руку с русским революционным пролетариатом. На следующий день офицеры польского легиона созвали новое собрание поляков-военнослужащих. Присутствовавшие на нем представители вокома и местной группы СДКПиЛ призывали польских

---

[1] Иркутская жизнь. 1918. 23, 31 янв.
[2] Там же. 31 янв.
[3] Там же. 1917. 29 дек.
[4] Дело революции. 1918. 17 февр.

солдат не поддерживать позицию нейтралитета и невмешательства, объединиться с русским пролетариатом в общей борьбе с буржуазией и присоединиться к приказам о демократизации армии. Выступавшие со стороны легионеров, напротив, говорили о необходимости оставаться «нейтральными» в отношении к русским событиям. Однако большинством в 50 голосов при 40 против и 7 воздержавшихся была принята резолюция, предложенная СДКПиЛ, в которой указывалось, что собрание присоединяется к революционной борьбе русского пролетариата и признает обязательным введение в польском легионе в Омске демократических реформ, существующих в русской революционной армии[1].

Заявления о «нейтралитете» по отношению к происходящим в России событиям были вызваны тем, что на фоне продолжавшейся мировой войны вопрос о судьбе Польши приобретал все большее международное значение. В августе 1917 г. в Лозанне был создан альтернативный орган власти[2] – Польский национальный комитет (ПНК), переехавший вскоре в Париж. ПНК был признан правительствами Англии, Франции, Италии и США как правительство будущего Польского государства. После свержения царизма, а затем и Временного правительства ПНК начал подготовку к воссозданию независимого польского государства в границах бывшей Речи Посполитой. Эти планы поддерживались Францией. На основании декрета президента Франции от 4 июня 1917 г. началось формирование польской армии, которая должна была внести свой вклад в победу над Германией и в воссоздание независимой Польши. 5 января 1918 г. английский премьер Ллойд-Джордж заявил, что независимая Польша является необходимым условием стабилизации в Восточной Европе. В опубликованных спустя три дня «14 пунктах» президента США В. Вильсона указывалось, что должно быть «создано независимое Польское государство, которое должно будет включать территории, заселенные неоспоримо польским населением». Тот же смысл содержала совместная декларация глав правительств Англии, Франции и Италии от 2 июня 1918 г. Французский премьер Клемансо 5 сентября 1918 г. письменно заверил ПНК в

---

[1] См. об этом: Омский вестник. 1917. 13 (26) дек.; Революционная мысль. 1918. 3 янв., 5(18) янв.

[2] На оккупированных польских землях формальная власть принадлежала Регентскому совету (Раде), а реальная – германскому и австрийскому генерал-губернаторам.

Париже, что Франция ничего не пожалеет для того, чтобы возродить Польшу «в рамках ее исторических пределов». Что касается России, то Совет народных комиссаров в своем декрете от 29 августа 1918 г. заявил, что все заключенные царским правительством договоры, касающиеся разделов Польши, «ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, отменяются настоящим бесповоротно». Тем самым закреплялась международно-правовая основа воссоздания независимой Польши[1].

Одновременно сибирская Полония оказалась в эпицентре развернувшейся на востоке России гражданской войны. Со второй половины ноября 1917 г. антибольшевистские группировки в Сибири переходят в наступление, используя областнические лозунги. Избранный октябрьским областным съездом исполком созывает «ввиду исключительных обстоятельств момента» 6–15 декабря 1917 г. в Томске Чрезвычайный Сибирский областной съезд[2]. В его работе, как и в октябрьском съезде, приняли участие 4 поляка. Это были уже другие люди, но они также не представляли национальные польские организации. Присяжный поверенный Станислав Людвигович Вилькошевский (56 лет, народный социалист) представлял Тобольский губернский земельный комитет; фельдшер Михаил Фомич Зрачинский (48 лет, член Трудовой народно-социалистической партии) представлял Тобольский губернский комитет по введению земства; частный поверенный, помощник присяжного поверенного Доминик Флорентинович Оржешко (44 года, меньшевик) был делегирован Владивостокской городской думой; машинист Иван Яковлевич Петрушко (42 г., социал-демократ.) – главным комитетом Омской железной дороги. Коренными сибиряками могли считать себя Д.Ф. Оржешко, родившийся в Томске, и М.Ф. Зрачинский, уроженец Тобольской губернии. 56-летний С.В. Вилькошевский, родившийся в Варшаве, прожил в Сибири 30 лет, уроженец Радомской губернии И.Я. Петрушко – 15 лет. С.Л. Вилькошевский и Д.Ф. Оржешко имели университетское образование (Оржешко закончил юридический факультет Томского

---

[1] См.: *Краткая* история Польши. М., 1993. С. 239, 241–242.

[2] На съезде присутствовало 160 делегатов с решающим и 22 с совещательным голосом, из них украинцев – 15, поляков – 4, белорусов – 4, евреев – 4, немцев – 2, осетин – 1 и мусульман – 12.

университета). М.Ф. Зрачинский закончил центральную фельдшерскую школу в Омске, в анкете И.Я. Петрушко значится сельское училище[1].

Съезд постановил не признавать советскую власть и не исполнять ее декретов. Единственной властью объявлялось Учредительное собрание. Для управления Сибирью решено было создать «общесибирскую, социалистическую, от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей» власть в лице Сибирского областного совета, который должен был созвать представительный орган – Сибирскую областную думу. Причем национальная фракция заявила, что она понимает формулу «от народных социалистов до большевиков» не как обязательную в смысле соглашения с большевиками, а только как допустимую, если они встанут на точку зрения съезда во всех вопросах. Позиция национальной фракции нашла понимание большинства делегатов. Им была принята формула перехода, в которой говорилось, что до Учредительного собрания Сибири законодательный орган должен состоять из представителей демократии без участия цензовых элементов, а в органы исполнительной власти «могут войти все социалистические партии… включительно с представительством национальностей, если партии принимают… безусловную борьбу за избранное всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием Всероссийское Учредительное собрание и за областное народоправство Сибири...»[2].

Оставляя за Всероссийским Учредительным собранием право определить «порядок управления Сибирью, как автономной областью Российской федеративной республики», Чрезвычайный съезд выработал Положение о временных органах управления Сибирью, согласно которому высшей властью в регионе объявлялись временная Сибирская областная дума и избираемый ею Сибирский областной совет, действующие «впредь до решения вопроса о форме внутреннего управления Сибирским Учредительным собранием»[3]. Одновременно в декларации по текущему моменту говорилось о необходимости созвать его «в кратчайший срок, не позднее марта».

---

[1] ГАТО. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 1. Л. 21, 24, 95, 100.

[2] Бюллетень временного Сибирского областного совета... 1918. № 1. С. 3.

[3] Там же.

Съезд закончил работу 15 декабря избранием временного Сибирского областного совета во главе с Г.Н. Потаниным[1]. В его состав вошли эсеры П.Е. Дербер, М.Б. Шатилов, А.Е. Новоселов, Е.В. Захаров, член трудовой н.-с. партии Г.Б. Патушинский и два представителя от национальностей Сибири – казах Е.В. Ермеков и, по настоянию делегатов-украинцев, левый эсер Д.Г. Сулим (с совещательным голосом)[2]. При Сибоблсовете были созданы финансово-экономический, военный и национальный советы. В национальный совет были избраны алтаец Г.М. Токмашев и украинец В.А. Строкан[3], позднее в него были введены представители немцев (Фрезе), бурят (И. Трубачеев), якутов (Г.Г. Колесов) и хакасов (Окунев)[4].

Считая своей главной задачей созыв Сибирской областной думы, временный Сиоблсовет разослал учреждениям, организациям и газетам всей страны в громадном количестве экземпляров постановления съезда и телеграммы с приглашением посылать депутатов в Думу. Такие телеграммы получили и национальные организации, в том числе польские[5]. Однако к 8 января, на которое было назначено открытие Думы, необходимого кворума в 90 депутатов не набралось. Лишь 25 января было зарегистрировано 93 депутата, из них 23 представляли национальные организации[6]. Приехавшие депутаты проводили частные совещания, организовывались во фракции. Национальная фракция оформилась одной из первых. Г.К. Гинс относит ее вместе с эсеровской к наиболее сильным группировкам в Думе, а ее политические настроения называет более умеренными, чем у эсеров[7].

По Положению о временных органах управления Сибирью, которое было принято Чрезвычайным съездом 15 декабря 1917 г.,

---

[1] 1 января 1918 г. Г.Н. Потанин заявил о своей отставке из-за несогласия с политикой «заигрывания с большевиками, проводимой левым большинством Сибоблсовета. Председателем стал эсер П.Я. Дербер.

[2] Сибирская жизнь. 1917. 20 дек.

[3] ГАТО. Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 1. Л. 118; Известия временного Сибирского областного совета. 1918. №1. С. 3.

[4] *Якушев И.А.* Очерки областного движения в Сибири // Вольная Сибирь. Прага. 1928. Сб. 3. С. 18.

[5] Там же. С. 13.

[6] *Шиловский М.В.* Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу (январь – ноябрь 1918 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 6.

[7] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзник и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1. С. 74–75.

предусматривалось представительство в Сибирской думе в числе «революционных и демократических организаций» как автохтонного населения Сибири[1], так и пришлых национальных меньшинств. Общесибирские национально-политические организации национальных меньшинств могли послать по 2 депутата, каждое районное объединение – по 1, а всего от каждого национального меньшинства в Думе могло быть не более 5 депутатов[2]. Эта многосложная формулировка вызвала затруднения среди тех национальных меньшинств (в их числе были и поляки), которые еще не имели своих районных и общесибирских институтов. 2 января Сибирским областным советом была получена телеграмма из Иркутска, подписанная председателем комитета польских общественных организаций И.И. Собещанским. Он предлагал «ввиду отсутствия» общесибирской польской организации, во-первых, распределить пять предназначенных для поляков мандатов Омску, Томску, Красноярску, Иркутску и Владивостоку (или, из-за удаленности Владивостока, Чите); во-вторых, из-за невозможности произвести выборы всеобщим голосованием членов польских колоний предоставить выбор депутатов в Думу уже существовавшим организациям, объединявшим все польские общественные организации этих городов. Кроме того, он спрашивал, сохраняет ли силу приглашение принять участие в Сибирской думе польским депутатам, несмотря на то, что многие поляки решили принять подданство Польского государства[3].

Телеграмма Собещанского объясняет, почему в составе национальной фракции Сибирской областной думы первого созыва было только три поляка: Сигизмунд Сигизмундович Романовский, Юсеф Станиславович Бургардт и Ян Станиславович Залэнский-Каммер[4].

---

[1] От каждого казахского (в терминах тех лет – киргизского) областного Совета депутатов – по 4 депутата, от центрального киргизского комитета – 3 депутата, от Иркутского и Забайкальского национальных комитетов – по 2 депутата, от Якутского национального комитета – 4, от Алтайской горной думы – 2, от минусинских туземных племен – 2, от татар – 5, от каждого из остальных организованных туземных племен – 1.

[2] Бюллетень Временного Сибирского областного совета. 1918. № 1. С. 3–5.

[3] Там же. № 2. С. 3–4.

[4] Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 732. Л. 1–2. (Далее – ГАНО).

Ю.С. Бургардт представлял Иркутскую организацию ППС, Я.С. Залэнский – поляков Гродекова. С.С. Романовский был делегирован в Думу польской колонией в Томске, где 10 января с этой целью было созвано собрание представителей существующих здесь польских организаций. Но левая часть польского социалистического коалиционного комитета, в котором к этому времени произошел давно назревавший раскол, выступила против посылки польского представителя в Думу. 31 января газета «Знамя революции» опубликовала от имени комитета «письмо в редакцию» под названием «Сибирская областная дума и польские паны». В нем говорилось, что С. Романовский, именующий себя эсером, делегирован в Думу «польскими мелкобуржуями» в лице Векера, Калиновского, Бранделя и другими их «прислужниками» для поддержки «контрреволюционных замыслов правых господ». Отвечая на это «письмо», С. Романовский заметил, что он послан в Думу «не буржуазией, а польской колонией», а польского коалиционного социалистического комитета, от имени которого написано письмо, как такового, не существует, так как многие давно отстранились от участия в его работе «ввиду его некоалиционности и неопределенности социалистических взглядов и тактики его руководителей». В их числе Романовский назвал и себя[1].

С.С. Романовский вошел во временное бюро национальной фракции вместе с немцем Фрезе и бурятом Трубачеевым[2]. Когда депутаты Думы начали съезжаться в Томск, национальный совет Сибирского областного совета стал заседать вместе с национальной фракцией[3]. Результатом их совместной работы стали обращения к народам Сибири и целый «ворох» законопроектов, подготовленных для внесения в Думу[4]. Однако в ночь на 26 января 1918 г. с санкции Томского Совета рабочих и солдатских депутатов Дума была распущена, а часть ее депутатов арестована. Избежавшие ареста депутаты приняли решение не подчиняться насилию и продолжить работу. Национальная фракция выступила в печати с протестом: «Мы заявляем, – говорилось в обращении, – что ни штыки, ни угрозы, ни насилия и ни высылки не остановят нас на пути укрепления вели-

---

[1] Знамя революции. 1918. 31 янв.; Путь народа. 1918. 17 (4) фев.

[2] Известия временного Сибирского областного совета. 1918. № 2. С. 3.

[3] См.: *Якушев И.А.* Очерки областного движения в Сибири // Вольная Сибирь. Прага. 1928. Сб. 3. С. 18.

[4] В их числе были Положение о Министерстве туземных дел и Законопроект об учреждении Министерства экстерриториальных народностей.

ких плодов революции – самоопределения народов Сибири – и поэтому мы продолжаем нашу работу»[1].

Разгон Сибирской областной думы и арест ее депутатов вызвали протесты общественности и населения Сибири. Левосоциалистические национальные организации, в том числе и польские, напротив, приветствовали роспуск Думы. Так, Польский социалистический комитет в Томске, в котором к этому времени отчетливо определилось большевистски настроенное ядро, приветствовал разгон Думы и заявил о поддержке власти Советов[2]. Комитет ППС в Иркутске заявил о бойкоте Думы, хотя к этому времени она уже была разогнана, и аннулировал выданные им мандаты[3].

Официальное открытие Думы состоялось 28 января в 9 часов вечера в присутствии более 40 ее членов. После выступления заместителя председателя Сибоблсовета П.Я. Дербера и выборов президиума Думы, в состав которого от фракции национальностей вошел С.С. Романовский[4] как один из товарищей (заместителей) председателя, с декларативными заявлениями выступили представители фракций эсеров, народных социалистов и национальной. Эти три заявления были объединены и обнародованы как декларация Думы[5]. В этом документе «ближайшими шагами по устроению многоплеменной и многонациональной Сибири» объявлялось: «а) проведение социальных мероприятий по защите и сохранению туземных племен, б) предоставление экстерриториальным народностям в пределах общегосударственных законодательных норм права объединения в автономные общины на правах юридического лица и полной национально-персональной автономии во всех областях национальной жизни»[6].

Затем состоялись выборы Временного правительства автономной Сибири (ВПАС). В состав правительства было избрано 20 человек. В их числе были представители национальных орга-

---

[1] *Якушев И.А.* Очерки областного... С. 24.

[2] Знамя революции. Томск. 1918. 31 янв.

[3] Власть труда. 1918. 6 апр. (не удалось установить, была ли это группа ППС-«фракции» или ППС-левицы).

[4] ГАРФ. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

[5] См.: *Якушев И.А.* Очерки областного... С. 25.

[6] Вестник Временного правительства автономной Сибири. 1918. № 3. 11 июля. С. 3.

низаций, избранные по настоянию национальной фракции: алтаец В.Т. Тибер-Петров, делегированный Алтайской горной думой – министр туземных дел; Д.Г. Сулим, представлявший Алтайскую губернскую украинскую раду, – министр экстерриториальных народностей[1]; Ринчино, представитель Бурятского национального комитета, – министр народного просвещения и татарин Ш.Г. Неометулов – министр без портфеля. Таким образом, национальная фракция сумела не только провести своих кандидатов в состав правительства, но и добилась утверждения 1-й сессией Думы законопроектов об учреждении министерств туземных дел и экстерриториальных народностей.

Сразу после ночного заседания члены ВПАС во главе с П.Я. Дербером выехали на восток, оставив в Западной Сибири особый комиссариат, действовавший именем Сибирского правительства[2]. В составе президиума Думы вместе с правительством отправился на восток и С.С. Романовский, поскольку Дума постановила, чтобы «президиум Думы все время находился в месте пребывания правительства в целях, во-первых, точного осведомления о мероприятиях правительства, а во-вторых, возможного выражения протеста, если бы действия Правительства приняли направление, неприемлемое для отдельных национальностей Сибири»[3]. Члены Сибирской областной думы, разъехавшиеся по всей Сибири, являлись, по свидетельству ее председателя И.А. Якушева, «наиболее надежными представителями возглавившей противобольшевистское движение Думы и ее правительства»[4].

Деятельность Сибоблдумы возобновляется лишь после свержения выступления чехословаков, в течение лета 1918 г. свергнувшего советскую власть на всем пространстве Сибири и Дальнего Востока. 5 июня 1918 г. в Томске возобновили свою работу частные совещания Думы, в составе которой вновь формируются 4 фракции: эсеров, социал-демократов, областников и беспартийных и национальная. На заседании 13 июня были сформированы думские комиссии, в том числе комиссия по национальным делам. По наме-

---

[1] По свидетельству И.А. Якушева, Д.Г. Сулим впоследствии был исключен из состава СОД, так как перешел на сторону большевиков (ГАРФ. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 21. Л. 26).

[2] См.: *Якушев И.А.* Очерки областного… Сб. 3. С. 27.

[3] ГАРФ. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

[4] *Якушев И.А.* Очерки областного… Сб. 4. С. 101.

ченному ею плану работ первоочередным являлся законопроект о национально-персональной автономии национальных меньшинств Сибири. Вопрос о территориальной автономии откладывался до прибытия делегатов от территориальных народов Сибири[1]. Председатель Сибоблдумы И.А. Якушев на основе рекомендаций частного совещания и с согласия членов Западно-Сибирского комиссариата (ЗСК) 30 июня 1918 г. передал власть в Сибири пятерке министров из кабинета Дербера – П.В. Вологодскому, В.М. Крутовскому, И.А. Михайлову, Г.Б. Патушинскому, М.Б. Шатилову, образовавшим Временное Сибирское правительство с местопребыванием в Омске.

Омское правительство заняло в национальном вопросе, как и в вопросе о власти, позицию, отличную от эсеровской Думы, более консервативную и более жесткую. 5(18) июля 1918 г. был обнародован проект Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири[2]. Давая понять, что все попытки самоопределения на основе национально-территориальной автономии до Учредительного собрания будут пресекаться, Омское правительство вместе с тем заявляло о предоставлении «отдельным национальностям Сибири, составляющим не менее 10 % местного населения» национально-культурной автономии. Делая уступку национальным притязаниям в форме культурной автономии, оно ограничивало ее функции сферой школы, языка и судопроизводства. Не было в этом документе и указания на такие классические признаки национально-культурной автономии, как экстерриториальность и добровольность вступления в автономное национальное сообщество. Правительство оставляло за собой право назначать правительственных комиссаров в местности, население которых притязает на культурную автономию, отказывая тем самым в признании органов национального самоуправления субъектами права.

Этот документ отразил существовавшие в рядах областников разногласия между правым крылом и их левой частью, к которой примыкали сторонники автономии Сибири из числа социалистов, и прежде всего эсеров. Омское правительство тяготело к первым, большинство Сибоблдумы – ко вторым. Правительственный проект об НКА имел мало общего с прежними законодательными ини-

---

[1] См.: Сибирская жизнь. 1918. 22 июня; ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 15. Л. 11, Д. 16. Л. 13.

[2] Омский вестник. 1918. 5(18) июля.

циативами и декларациями областников, в основе которых лежала эсеровская национальная программа, и не выходил за рамки кадетской формулы «культурного самоопределения». Кроме того, культурная автономия предоставлялась не пришлым меньшинствам и «нациям без территории», а лишь коренному, автохтонному населению. На то, что объектом внимания в национальной политике Сибирского правительства являлось «туземное» население, указывает и факт образования Министерства туземных дел во главе с эсером М.Б. Шатиловым, хотя ранее утверждались законопроекты о создании министерств и туземных и экстерриториальных дел.

На протяжении июня – июля 1918 г. члены думской национальной фракции принимали деятельное участие в работе частных совещаний Думы. Постепенно прибывали все новые и новые представители национальных организаций, полномочия которых рассматривались частными совещаниями. 15 августа состоялось открытие второй сессии Сибирской областной думы, но уже 20 августа Дума под давлением Омского правительства вынуждена была прервать свою работу до 10 сентября[1], успев принять лишь один закон о пополнении ее состава цензовыми элементами. 28 ее членов имели мандаты национальных организаций Сибири, но представителей польских организаций в их числе не было. Вероятно, сказались острая политическая ситуация и немалые сибирские расстояния.

Кроме того, поляки в это время были заняты решением своих внутренних проблем. В конце июня 1918 г. в Омске образовался Временный объединенный совет польских организаций, призванный выполнять «обязанности представительства и ведения польских дел» до тех пор, пока не будет создан польский совет на постоянной основе, избранный путем всеобщего, тайного, равного и прямого голосования[2]. 26 июля Польский временный совет в Омске обратился к ВСП со специальной декларацией, выражая ему «полное доверие» в расчете на то, что оно оставит «незыблемым» акт от 17 марта 1917 г. и признает Временный польский совет объединенных организаций «единственным полномочным органом по польским делам»[3]. В это же время в Омске организуется Польский временный военный комитет, а в Самаре – Польский революционный

[1] ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 98 об.
[2] Омский вестник. 1918. 30 (17) июня.
[3] ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1730. Л. 5.

союз борьбы за свободу и объединение Польши. Обе организации ставили своей задачей работу как «среди поляков, оседлых в России, так и среди беженцев и военнопленных» и одновременно – организацию польских войск, базирующихся при чехословацком корпусе[1]. Во второй половине июля на съезде в Челябинске обе эти организации учредили Польский военный комитет (ПВК, Полкомвой) в России («Polski komitet wojenny w Rosyi»)[2]. 27 июня в Томске был создан Польский национальный комитет во главе с Я. Пиотровским[3]. В это же время в Иркутске образовалась Польская военная лига, которая также ставила своей целью организацию польских легионов и вела для этого запись добровольцев, желающих вступить в ряды польских отрядов. По настоянию чехов Иркутская лига вошла в подчинение ПВК[4]. ПВК немедленно приступил к «формированию польских военных сил для борьбы с немцами и их союзниками, за независимость и объединение Польши». Территория, на которой действовал ПВК, была разделена на округа, во главе которых назначались уполномоченные делегаты. Параллельно был создан Польский национальный комитет (ПНК, Полнацком), подчинявшийся Польскому национальному комитету в Париже. ПНК взял на себя задачу опекать гражданское население. Эта организация, в отличие от ПВК, создавалась людьми, которые давно жили в Сибири и на Дальнем Востоке и были связаны с этим регионом экономическими интересами. Если ПВК высказывался за сохранение нейтралитета по отношению к внутрироссийским событиям и вывод польских формирований из Сибири, то руководство ПНК придерживалось мнения о необходимости участия поляков в борьбе с большевиками.

Польский совет в Омске, призывая Сибирское правительство «выполнить все обязательства России и союзников к Польше, как дружественной державе», просил «предписать всем подведомственным правительственным учреждениям: ликвидировать институт военнопленных и военнообязанных поляков и впредь считать всех поляков без различия их бывшего подданства – гражданами Дружественной Державы – Польши»; признать за организациями, аналогичными Омскому польскому совету, права учреждения Всеси-

---

[1] ГАРФ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.
[2] Воля Сибири. 1918. 24 авг.
[3] ГАТО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 63. Л. 90.
[4] См.: Жизнь Алтая. 1918. 14 авг.; Сибирь. 1918. 26 (13) сент.

бирского польского совета или до прибытия польского посланника «право на выдачу видов на жительство всем гражданам польского происхождения и право принимать все меры, необходимые для проведения в жизнь основных положений польской государственности»[1].

Реакцию чиновников МИДа на стремление польских советов представлять интересы Польши и польских граждан, выполняя консульские функции, иллюстрирует представленная в Совет министров докладная записка за подписью замминистра Голованова. В ней была подвергнута сомнению правомочность Временного польского совета, который квалифицировался как «случайная организация» и поэтому не мог «выступать от имени государства, которому еще предстоит быть созданным». Соответственно, как «совершенно необоснованные» квалифицировались высказанные в ультимативном тоне пожелания считать всех поляков, независимо от их бывшего подданства, гражданами «дружественной державы» – Польши. Единственная функция, которую могли, по мнению МИДа, осуществлять польские советы, – это помощь беженцам-полякам[2].

Вынужденное признать особый статус Польши, ВСП не могло не считаться с фактом формирования в это время в Сибири польских воинских частей. В принятом ЗСК 18 июня постановлении «О национальностях, на которые распространяется призыв в ряды Сибирской армии» разъяснялось, что офицеры-поляки, «состоящие на службе в польских легионах», от призыва в ряды Сибирской армии освобождались[3]. Этот вопрос специально рассматривался совещанием представителей военного ведомства и Министерства иностранных дел ВСП 13 июля 1918 г.

Совещание пришло к выводу о необходимости разделить военнослужащих поляков на две группы: российских граждан и «свободных от таковых обязательств» военнопленных. За последними признавалось право поступать на добровольном основании «в любую из народных армий, не являющуюся его [ВСП. – *И. Н.*] врагами… в частности… в ряды чехословацких войск… без посредства Временного Сибирского правительства». Поляки, граждане России,

---

[1] ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1730. Л. 3.

[2] Там же. Л. 9 –9 об.

[3] ГАРФ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 26. Л. 26.; Д. 28. Л. 5; *Законодательная* деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 года). Томск, 1998. Вып. 1. С. 22–23.

также имели возможность создания войсковых частей, сформированных по национальному признаку, но с оговоркой, что любые национальные воинские части должны входить в состав Сибирской армии как ее равноправные единицы, не обладая никакими преимуществами. При назначении на командные должности выборное начало не допускалось, не принимались в расчет «ни чины, ни возраст, ни национальность, а лишь способности и опыт». Не допускалось существование каких-либо комитетов или советов и подчеркивалось, что основой армии является строгая дисциплина. Финансирование и снабжение всеми видами довольствия национальных войсковых частей производилось на общих основаниях. Уступка делалась лишь в вопросе о форме одежды и внешних отличий, определять которые предоставлялось национальным советам, в том числе и ПВК[1].

В конце июля Омское правительство приступило к формированию регулярной армии. 31 июля был подписан указ о призыве в армию лиц, родившихся в 1898–1899 гг. Этим указом добровольный принцип комплектования Сибирской армии заменялся принудительным. Призыву подлежали все коренное русское население и переселенцы, прибывшие в Сибирь до 1 января 1915 г. Поляки[2], украинцы и другие национальности призывались в части, организуемые по национальному признаку. Вместе с тем они должны были входить «в состав русских высших войсковых соединений» и «сноситься при официальной переписке на русском языке»[3].

Это положение вызвало протесты со стороны польских организаций. ПНК в Томске, ссылаясь на экстерриториальность, которую поляки получили в марте 1917 г. от Временного правительства, потребовал отправки всех призванных в армию поляков в Омск в распоряжение ПВК[4]. Протест был рассмотрен в МИДе, который признал притязания не соответствующими нормам международного

---

[1] ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 1730. Л. 6–6 об.

[2] С августа 1918 г. польские воинские подразделения на востоке страны перешли под командование майора В. Чумы. Им было создано командование Войска польского в Восточной России и Сибири. Оно дислоцировалось сначала в Уфе, затем в Бугуруслане, а осенью 1918 г. переместилось в Новониколаевск, где и сосредоточилась вся жизнь польских воинских подразделений вплоть до осени 1919 г.

[3] *Законодательная* деятельность белых правительств… С. 118.

[4] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 258. Л. 56 и об.

права. По мнению МИДа, интересы граждан польской национальности вполне удовлетворялись «признанием за ними права организовывать национальные войсковые части под знаменем сибирских войск, а за поляками, не связанными отношениями российской гражданственности, вступать в войсковые части под чешским командованием»[1]. Конфликт разрешился при посредничестве представителя Чехословацкого национального совета д-ра Глосса, которому удалось добиться согласия ВСП на то, чтобы все поляки, подлежавшие мобилизации, направлялись в ряды польской армии. И только в случае несогласия на это со стороны мобилизованных они включались в состав русской армии, лишаясь при этом права на ношение знаков отличия польских национальных частей[2].

В то же время от участия в общественно-политической жизни Сибири поляки не отказались, особенно те, кто жил здесь давно, связывал с ней свою дальнейшую судьбу и был заинтересован в установлении здесь демократического режима. Поэтому представители польских организаций С.С. Романовский и Я.С. Залэнский приняли участие в работе второй сессии Сибирской областной думы, которая 10 сентября возобновила свою работу. Вновь заявили о своем желании иметь своих представителей в Думе поляки Иркутска. 7 сентября 1918 г. была получена телеграмма за подписью: «депутат Мусницкий». Сообщая о том, что он избран в Думу общим собранием местной польской колонии, Мусницкий спрашивал, достаточен ли мандат, подписанный президиумом общего собрания, и не могут ли от иркутской колонии приехать еще депутаты, избранные на этом собрании, для пополнения всех пяти мест, если не все заняты. На тексте телеграммы имеется приписка, датированная 17 сентября, о том, что заняты только два места (Залэнский и Романовский), а мандат должен быть подписан президиумом организации или съезда[3]. Но Мусницкий так и не приехал в Томск, возможно, из-за кратковременности работы Думы, которая в условиях противостояния с Омским правительством так и не успела развернуть конструктивную работу. Не утвердила Дума и мандаты Юзефа Бургардта и Карла Фроста на том основании, что делегировавшая их организация – Иркутская окружная секция Польской социали-

---

[1] ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 258. Л. 55 и об.

[2] Голос народа 1918. 3 окт.; Народная газета 1918. 4 окт. (21 сент.); Народная Сибирь. 1918. 18 окт.

[3] ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 23. Л. 188–189.

стической партии (ППС) – является политической партией, представительство которых не предусмотрено Положением о временных органах управления Сибири. При этом часть членов комиссии по проверке полномочий полагала, что их полномочия следует утвердить, поскольку во вторую сессию поляки оказались не представленными в Думе, но это мнение не было поддержано[1].

Я. Залэнский, делегированный Союзом объединенных польских организаций г. Гродекова и окрестностей, прибыл в Томск накануне возобновления работы Думы. Его мандат был утвержден Думой 17 сентября. В этот же день он был введен в комиссию по национальным делам[2]. Вероятно, именно в этот период деятельности Я.С. Залэнский вместе с представителями украинцев (В.А. Яновицкий) и евреев (А.М. Евзеров) разработали уникальный документ: «Законопредложение по национальному вопросу экстерриториальных народностей»[3], который основывался на праве национальных меньшинств на национально-персональную автономию.

В основе предлагаемого авторами проекта модели лежали принципы экстерриториальности, персонализма и признания национально-персональных союзов юридическими лицами, субъектами права, т.е. классические принципы, что отличало ее от национально-территориальной. Предлагалась следующая структура ее органов. Национальные меньшинства объединяются в национальные союзы на основе именных списков. Высшим представительным органом национального союза предполагался Национальный совет, избираемый сибирским конгрессом, думой или сеймом, низшими автономными единицами — сельские, волостные, городские советы, общины, рады, гмины и т.п. К автономным функциям были отнесены культурно-просветительная деятельность, религия, экономика, т.е. компетенция органов национально-персональной автономии предполагалась достаточно широкой. В пределах этой компетенции Национальный совет пользовался правом законодательства и управления. Финансовое содержание национальных союзов возлагалось на общегосударственные, городские, волостные, зем-

---

[1] ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 4. Л. 80, 80 об.; Д. 48. Л. 132, 132 об., 137, Л. 155–156; Д. 78. Л. 2–9, 12.

[2] Там же. Д. 48. Л. 182, 182 об. –183, 188.

[3] Документ опубликован автором: *Национально-культурные* автономии и объединения: Историография. Политика. Практика: В 3 т. Т. 2. М., 1995. С. 138–140.

ские органы. Кроме того, национальным союзам предоставлялось право налогового обложения своих членов, заключения займов и иных финансовых мер. Эти положения соответствовали положениям Закона Украинской Народной Республики о национально-персональной автономии, который был принят 9 января 1918 г. и, видимо, взят за основу при подготовке документа[1].

Но были и некоторые отличия, связанные со спецификой общественно-политической ситуации в Сибири и с теми решениями, которые к этому времени были приняты Думой и ВСП. Для управления делами – до окончательного разрешения этого вопроса Сибирским Учредительным собранием – предусматривалось учреждение Министерства экстерриториальных национальностей и при нем Совета из представителей этих национальностей. Учитывая, что при формировании Сибирской армии предусматривалась возможность формирования национальных воинских частей в ее составе, «законопредложение» предлагало закрепить этот принцип. Исключение делалось для тех национальностей Сибири, которые «находятся в переходном состоянии к подданству своих национальных государств, как поляки и украинцы, воинские части которых конструируются по национальным признакам и под своим национальным руководством»[2].

Этот законопроект не был рассмотрен в Думе. Помешал развернувшийся с новой силой конфликт между ВСП и СОД, который в сентябре – октябре 1918 г. вступил в завершающую стадию. 21 сентября административный совет ВСП постановил прервать занятия Думы. На экстренном заседании 22 сентября Дума постановила считать его «незаконно созданным и подлежащим немедленному роспуску», а подписавших это распоряжение министра финансов И.А. Михайлова и товарища министра внутренних дел А.А. Грацианова «уволенными» и «подлежащими суду по обвинению в попытке государственного переворота». По предложению выступавшего от имени национальной фракции А.М. Евзерова Дума предоставила все права и полномочия «Комитету Областной думы», состоявшему из президиума и представителей фракций. Я. Залэнский вошел в состав Комитета Думы от национальной фракции[3].

---

[1] См.: *Национально-культурные* автономии… Т. 2. С. 125–128.

[2] Там же. С. 128.

[3] ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 9. Л. 32–35; ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 232–233.

На 23 сентября было назначено первое заседание Комитета Думы, но оно было сорвано, так как, по распоряжению Томского губернского комиссара часть его членов была арестована. Комитет смог начать работу 24 сентября. Эти события совпали с моментом, когда образовавшееся на Уфимском совещании Всероссийское Временное правительство (Директория) вмешалось в конфликт между ВСП и СОД. Специальным постановлением занятия СОД были на неопределенное время приостановлены. После этого проведение в жизнь решений Комитета Думы оказалось невозможным. Во имя централизации власти Директория устранила все областные правительства, в том числе Комуч и Омское правительство. Указом от 6 ноября Директория заявила о роспуске Сибоблдумы[1].

10 ноября 1918 г. состоялось последнее заседание Думы. Оно началось с утверждения полномочий депутатов. В числе других были утверждены полномочия С.С. Романовского. На заседании присутствовал председатель Директории Н.Д. Авксентьев, который добился решения о самороспуске Думы взамен на обещание созвать в ближайшем времени Сибирское Учредительное собрание. Фракция национальностей также голосовала за самороспуск Думы[2]. Представитель секции экстерриториальных народов А. Евзеров выразил надежду, что Директория выполнит свои обещания по охране интересов национальностей, а Всероссийское Учредительное собрание утвердит национально-персональную автономию «во всем объеме в общегосударственном масштабе»[3].

Итак, падение самодержавия в России, провозглашение основ демократической государственности, декларирование Временным правительством и Петроградским Советом независимости Польши возродили вековую мечту поляков о восстановлении национальной независимости и были восприняты польским населением с большой радостью и воодушевлением. Мощный всплеск национальных чувств и ожиданий сопровождался созданием органов национального самоуправления.

После захвата власти большевиками в Петрограде в октябре 1917 г. польские организации, за исключением групп СДКПиЛ и ППС-левицы, заняли позицию «нейтралитета» и невмешательства в происходящие события. Создаются организации, претендующие на

---

[1] ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 250.

[2] Там же. Д. 90. Л. 7.

[3] Там же. Д. 91. Л. 24–26.

представительство интересов поляков, в том числе и в сибирском парламенте – Сибирской областной думе. Привлекали поляков в сибирском областничестве программные установки в национальном вопросе, предусматривавшие предоставление национально-персональной (культурной) автономии проживающим в Сибири «экстерриториальным национальностям» – национальным меньшинствам.

В.М. Кулемзин

ОТ РЫБОЛОВНОГО ЗАПОРА ДО СУПЕРМАРКЕТА: ОХОТНИЧЬЕ-РЫБОЛОВНАЯ КУЛЬТУРА НА ПЕРЕКРЕСТЬЕ ТРАДИЦИЙ И СОВРЕМЕННОСТИ*

Когда я учился в школе, это был четвертый или пятый класс, то часто рассматривал картинку в учебнике по истории. Там были изображены каменные орудия труда и обросший мужчина, держащий в руках так называемую намётку. Это закрепленная на длинном шесте с перекладиной сплетенная из ниток сетка в виде мешка. Такую снасть я видел нередко, когда по весенней мутной воде её опускали в омут на реке Искитимке и тянули к берегу, перебирая руками шест. На берегу вытряхивали ельца или пескаря и снова снасть накидывали на воду, она опускалась на дно и вытягивалась на берег. Я ещё тогда сильно усомнился в том, что именно таким образом ловили рыбу в древности.

Надо сказать, что любая рыболовная снасть возбуждала во мне неописуемое чувство, как и рыба, пойманная или сверкающая в воде. Иногда к голове приступал жар, иногда щемило где-то внутри, как будто в позвоночнике. Я много читал про древнюю жизнь, слушал стариков, потом сам стал ловить рыбу, ездить в экспедиции, наблюдать добычу зверя и рыбы в самых разных охотничье-рыболовных культурах, сопоставлять добытые знания с археологическими сведениями, да и сам принимал участие в археологических раскопках. Теперь я имею довольно богатые знания в этой области и могу их изложить на бумаге. Я пришёл к выводу, что древние и современные охотничьи культуры представляют собой определенные замкнутые жизнеобеспечивающие системы, но их замкнутость –

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01398а.

относительна. Как раз их устойчивость и прочность объясняются способностью воспринимать и усваивать новое.

Зачастую наука абсолютизирует и экологическое сознание этноса, возводя на очень высокий уровень индивидуальное сознание человека. На самом деле, как мне удалось наблюдать, речь идет не об индивидуальном сознании, а о действии или отсутствии действия культурных традиций. Таким образом, речь идет об отношениях «человек – культура», в которых традиции в одном случае не являются регулятором отношений «человек – природа», а в другом – держат человека-потребителя в определённых рамках.

В одних культурах (у древних народов) действуют многие запреты, а в других этих запретов или нет, или совсем мало. Таким образом, мы имеем дело с разной степенью совмещения и противостояния сакральное – обыденное. Сакральное – это, по сути, ритуал. Он или есть, или его нет, ритуал не может быть ослабленным, слабодействующим.

Сам я, являясь представителем русской культурной среды, конечно, во время исследований сопоставлял действия рыболовов-охотников-собирателей с действиями в чулымско-тюркской, хантыйской, селькупской, якутской, эвенкийской, ненецкой культурной среде. Со временем я обнаружил недостатки сведений в своих материалах и опыте; в таком случае я обратился к исследователям Сибири: В.К. Арсеньеву, В.Н. Чернецову, В.В. Радлову, Г.Н. Потанину, местным краеведам-писателям.

Прежде всего, культуры различаются степенью зависимости и, наоборот, независимости от внешнего мира. Использование традиционного старого в современном и современного в традиционном – это самый надёжный показатель контактов старого с новым, показатель изменчивости и деформации прежней культуры как системы. Это очень интересная самостоятельная тема, и обойти её никак нельзя.

Так называемые эндогенные изменения, т.е. происходящие внутри самой культуры в результате её самостоятельного развития, культурология и этнография абсолютизируют. На мой взгляд, эндогенные изменения являются вторичными: они появляются в результате действия экзогенных, входящих извне изменений.

Нельзя обойти стороной очень важный вопрос о включении в хозяйственный оборот природных ресурсов. Именно включение в хозяйственную цепь страны, государства, мира местных природ-

ных ресурсов есть показатель контактов данной территории с внешним миром.

Всё это я учитываю, более того, кладу в основу последовательной характеристики знакомых мне охотничье-рыболовных систем.

Археология показывает, что такое смешение существовало уже в древние времена. На некоторых стоянках обнаружены останки промысловых животных и рыб, каменные грузила рыболовных снастей. Скорее всего, правильно говорить о комплексном хозяйстве, но с большим преобладанием либо охоты, либо рыболовства. О комплексном характере хозяйства свидетельствует и тот факт, что некоторые народы, являясь, например, охотниками, могли добывать и рыбу, но при этом использовали опыт и снасти типично охотничьи. Охотник-эвенк, например, бьет рыбу с берега острогой. Так же делает и шорец. Охотник удэхеец, по словам В.К. Арсеньева, на поясе всегда носит с собой походный поворотный гарпун, который в случае необходимости насаживает на древко и бьет рыбу с берега. Гарпун соскакивает с древка, но ремень остается в руках охотника. Такой поворотный гарпун используют на промысле морского зверя зверобои чукчи.

Самую древнюю рыболовную культуру мне пришлось наблюдать в отдаленных хантыйских и селькупских стойбищах и особенно в культовых местах, где запрещалось даже добывать огонь спичками, подсаливать рыбу и мясо. В таких местах стояли сделанные из длинных кедровых или сосновых дранок, переплетённых тонким расщепленным кедровым корнем, рыболовные запоры. По сути, это циновка, которую можно свернуть в рулон.

На месте промысла этот рулон разворачивался и ставился вертикально. Высота дранки два, два с половиной метра. Длина этой циновки 5–10 м. Ставят её таким образом, что зашедшая рыба не может выйти, как не выливаются чернила из чернильницы-непроливашки. Зашедшая рыба свободно плавает внутри запора, чуть возвышающегося над водой. Вычерпывают рыбу особым саком, сплетённым из кедрового корня или из черёмухового прута. Добытую рыбу провяливают на солнце без соли. Добывают её в большом количестве в тот весенний период, когда ещё нет мухи. Теперь, когда рыбу можно просолить, ее просушивают и вялят в любое летнее время. Рыбу хранят под навесом, крытым берестой, или в специальных лабазах. Здесь же неподалёку ставят звероловные ловушки.

Всё изготавливается из дерева, прутьев, бересты, т.е. подручного материала, с помощью ножа и топора – самых необходимых здесь инструментов. Одежда и обувь изготавливается из шкур и кожи. Мешки – также, а кроме того, из рыбьей кожи (осётр, налим). Лук, стрелы изготавливаются из местных материалов: берёзы, лиственницы. Наконечник стрелы – это клюв гагары или кость. Ловушки на зверя изготавливаются на месте промысла; только лук-самострел делается в домашних условиях.

Посуда – из берёсты, проколка для берёсты – из ребра молодого лося, нитки – из становой жилы лося или оленя. В прошлом умели делать из сырой глины посуду, но мне этого видеть не приходилось. Посуду из берёсты изготавливали при мне. Сейчас преобладает металлическая посуда, посуда из фаянса, но особенно ценится старинная медная. Я видел большие кованые котлы, которые насчитывают многие сотни лет. В погребениях мы находили железные тесла для долбления лодок. Железо низкого качества умели выплавлять сами из так называемой болотной руды. В фольклоре и по рассказам, бытовали берестяные лодки, склеиваемые лиственничной смолой. Теперь они давно вышли из употребления. Однако берестяные лодки я видел у эвенков. Лыжи из пихты тоже изготавливаются вручную, они оклеиваются камусом с передних ног оленя или лося.

Огонь добывается вручную, трением. Трут для добывания огня – это гриб-нарост на сухой берёзе. Он вываривается, сушится и кладётся в небольшое углубление большого куска дерева. В углубление ставится круглый стержень диаметром 3–4 сантиметра, который вращается между ладонями. Лучше, если вместе с трутом положить немного заячьей шерсти.

По всей вероятности, рыболовецкие поселения были постоянными, а население оседлым. В некоторых местах, где обрушился берег, я находил толстый слой, например сантиметров тридцать – сорок, рыбьей чешуи. Рыбу чистили в одном и том же месте.

На оседлость указывает и характер построек – деревянные, углублённые в землю, а также землянки. В левом углу стоит чувал – своеобразная отопительная система. Это труба диаметром сантиметров 60–70, выведенная наружу. По сути дела, это кругом поставленные жёрдочки, переплетённые травой и прутьями и обмазанные глиной. Внизу, у самого пола, часть трубы, вероятно около

метра, отсечена. Сюда и кладут дрова. Дымоход прямой. В холодное время года на ночь его затыкают пучком сухой травы.

Неподалёку от жилого помещения находится хозяйственный амбар на четырёх ножках, где хранятся ловушки, свертки из бересты, запас мяса, рыбы, орехи, лыжи и пр. В священном месте стоит, также на ножках, культовый амбар, где хранятся изображения духов-хозяев и приносимые им подарки. Если жилищем является конический чум, крытый летом берестой, а зимой шкурами или хвойными лапками (в которые ветром набивается снег), то вместо чувала служит просто очаг.

Такая жизнеобеспечивающая система очень энергоёмка, люди всегда в движении, в работе, так как требуется изготавливать и ставить ловушки, проверять их, обрабатывать добычу. На поиски нужного материала уходит много времени. Эта система деформировалась очень быстро и исчезла по мере освоения Сибири и Севера: я видел муку и ел хлеб, замешанный на рыбьей икре, почти всегда имеется чай (почему-то плиточный). Некоторые (мужчины, женщины, дети) курят табак (трубку) или закладывают за губу в смеси с берёзовой стружкой). О ткани и говорить нечего: ткань давно вошла в быт, но одежду шьют по выкройкам, которые применялись для раскройки кожи и шкур. Странно, но факт: спички с большим трудом вытеснили огниво, а вот теперь зажигалка вытесняет спички довольно быстро. Объясняю это тем, что древние огнедобывающие средства очень сакрализованы.

Теперь мы посмотрим на следующую охотничье-рыболовную систему, обязательно отметив при этом, что переход к ней происходил постепенно. Хочу повторить, что все хозяйственные жизнеобеспечивающие системы хотя и сохраняют устойчивость, но всё-таки эта устойчивость относительна, существует множество вариантов перехода.

Система, к которой я перехожу, существовала ещё относительно недавно, в 1950–1960-х гг., у тюрков Чулыма, селькупов Кети, шегарских карагасов, шорцев.

Для этой системы характерно то, что основу жизни также составляют охота и рыбная ловля. Однако её отличие заключается в довольно сильной зависимости от внешнего мира и заметном влиянии скотоводства-земледелия. Звероловные ловушки, рыболовные запоры уступают, но ещё не уступили место огнестрельному оружию. Охотничий лук полностью исчез, однако самодельный

лук-самострел не теряет своего значения. Многие ловушки, которые изготавливают прямо на месте промысла, исчезли: их заменили стальные капканы. Здесь масса примеров того, как новое входит в жизнь, быт, но испытывает влияние прежней культуры, потому что применение находят дерево, берёста, кора и т.п. Пыжи для зарядки патронов – это рябиновые стружки, пороховница выдалбливается из берёзового нароста, мешочек для дроби – из кожи, ружейная смазка – это вытопленный жир из берцовой кости оленя или лося.

Запоры вытесняются сетью, бреднем, неводом, но плетут их вручную, покупая в магазине нитки. Долблёные лодки вытесняются, но не вытеснены покупными лодками, на которые можно ставить подвесной или стационарный мотор. Одежду и обувь покупают. Широко используются керосиновые лампы.

Излишки добытой рыбы и пушнину сдают, входит в быт система регистрации оружия. В пищевой рацион включают привозные продукты. В семье имеется небольшой огород, где выращивают картофель, капусту, другие овощи. Распространяется способ поджаривания рыбы, рыбный суп – с луком и картошкой. Появилось новое название – уха, а не щерба (варёная рыба без лука и картошки). Распространяется обычай брать с собой на реку и в лес солёное сало, огурцы.

Устанавливаются связи с горожанами, которые привозят оружие, боеприпасы, нитки, моторы. Почти каждая семья – это охотники, не теряет своего значения собака-лайка, она на беспривязном содержании и не выполняет сторожевых функций. Появляются на дверях висячие замки. В поселении есть медпункт, магазин. В каждом хозяйстве имеется погреб, где в бочке солёная рыба, под навесом во дворе – вяленая. Рыба не является предметом купли-продажи, ею угощают, раздают соседям, хотя мясо, сало продают. Охотничьи лыжи покупают, но ещё есть мастера, которые делают их сами и оклеивают шкурами (теперь чаще конскими, но не выдровыми, лосиными или оленьими). Дети ходят в школу, а если в поселении её нет, то живут в интернате. Население ориентировано на получение образования и на забвение охотничье-рыболовного промысла, который быстро теряет свою престижность. Пространственное ориентирование в лесу не считается необходимым качеством человека. Промысел ведётся в близлежащем лесу и водоёмах. Наблюдается деградация рыболовных ловушек: морды и корчаги плетутся из свежих срезанных ивовых прутьев, но не из просушенных, гладко оструганных сосновых или кедровых длинных палочек-

прутьев. Они лишены всякой сакральности, нет правил изготовления, пользования, но зато могут быть проданы, сделаны на заказ. Воровства ещё нет, капрона тоже, поэтому показатель этой системы – висящие на заборе бредни и сети из хлопчатобумажных ниток.

Далее следующий этап, тип, на формирование которого оказали влияние деятельность леспромхозов, промышленное и индустриальное освоение края, демографические, экономические, экологические изменения, укрупнение деревень. Этот этап продолжается и сейчас. Собственно говоря, системой он не является, потому что хозяйство базируется на земледелии, разведении скота, покупных зарубежных продуктах и т.д. Продукты охоты и рыбной ловли являются дополнительным подспорьем. В каждой деревне один или несколько рыбаков-охотников, как и печников, бондарей, плотников, которые свой труд продают. Остальные свободное от работы время проводят в лесу или на реке. Они безразличны к успеху или неудаче.

Снасти: удочки, бредни, сети, спиннинги – покупают фабричного производства. Нитка капроновая. На реке и во дворах – лодки фабричного производства. Всё это можно купить на местном или близлежащем рынке у человека, который переезжает в город. Почти всякая рыбалка сопровождается выпивкой. На берегу возле кострищ консервные банки, бутылки, газеты, полиэтилен. В последние десять лет мусор, обрывки сетей китайского производства. Ни у одного рыболова нет кисета с табаком: сигареты в пачках, зажигалки. На берегу гуляет стадо коров. Огороды большие, собаки на привязи, гаражи и машины почти у каждого дома. Через деревню или рядом с ней проходит автострада, по ней мчатся машины, грузовые и легковые. За деревней во все стороны разбегаются большие и малые разбитые дороги. По ним едут горожане, которые собирают ягоду, ловят рыбу, охотятся, бьют кедровые шишки. Природа достигла стадии оскудения. С пластмассовыми вёдрами вдоль дороги стоят люди и продают яблоки, картошку, грибы, огурцы. Цены высокие. Лес обирают горожане, река и озёра процежены китайскими дешёвыми и уловистыми сетями.

Зимой трещат снегоходы типа «Буран», в каждом доме холодильник, морозильная камера, часто газовая плита.

Морды, корчаги плетут из алюминиевой проволоки. У многих рыболовов металлический садок, резиновые сапоги. На Чулыме и в низовьях Кии в 2004–2006 гг. я видел разбросанные по кустам принесённые вешней водой отдельные куски правильно сплетенного запора. Однако мне не удалось узнать, где они ещё сохранились.

На этой стадии отсутствует сакральность, так же как символические функции вещей. Нет примет, запретов. Всё имеет практический характер. Нет традиций, нет ограничений: рыбу ловят в любое время. В лесу можно встретить машины с номерами Новосибирской, Томской Кемеровской областей, Красноярского края и т.д. На верхнем багажнике машин резиновые лодки. Мне приходилось наблюдать удивительные по изощренности способы ловли и добычи рыбы, зверя, птицы. Один рыбак (химик по специальности) решил, что хариус не берёт искусственную бабочку, а отходит от неё, едва коснувшись. Тогда этот химик разработал состав, который пластмассовую бабочку делает мягкой. В этот состав входит нашатырный спирт, остальные компоненты я не запомнил. Другой рыбак в замкнутый водоём высыпал мешок горчицы, и вся рыба поднялась, потому что забитыми оказались жабры. Он до отказа набил багажник рыбой. Один охотник в тайге бросил мертвого телёнка, начинённого димедролом. Медведь наелся и крепко заснул. Администрация Александровского района Томской области продала за 10 тысяч долларов американцам берлогу вместе с медведем.

На берегу рыбу коптят в коптилках фабричного производства. Распространение получила электроудочка, и есть специалисты, которые делают её сами, более мощной, чем фабричная. Так «достали» рыбу в самых закоряженных местах. Распространение получили электрозаграждения. Ещё незрелые кедровые шишки «сдувают» при помощи вертолёта, а состоятельные бизнесмены арендуют вертолёт, самолёт и улетают на самые отдалённые притоки Енисея, где ловят громадных тайменей на спиннинг.

Однажды на берегу я подошёл к группе таких состоятельных бизнесменов. Они были на машине повышенной проходимости. На берегу они пилили доски и сооружали обеденный стол. Пила бензиновая, норвежская, дрова они купили, не спрашивая стоимости, в деревне у мужика, который отдал им целую поленицу, а сам от радости спрятался в сарае. В другой – заплатили мужику, чтобы он накопал червей, а в третьей – дали молодому мужчине пачку денег съездить в Томск купить в супермаркете живой рыбы и доставить им, чтобы самим не рыбачить, а пребывать «в кайфе».

Самый яркий показатель этого типа – палатка, машина и привезенная на реку расфасованная питьевая вода.

Шведский писатель Рольф Эдберг удачно отметил: «Что-то унизительное есть в том, что мы ничего не оставим своим потомкам». Вопрос о ловле рыбы и добыче дикого зверя не сводится только к

техническому оснащению и техническим возможностям. На самом деле этот вопрос очень сложен, поскольку напрямую связан с отношениями человек – природа. Он всегда у меня был в центре внимания во время экспедиций к народам Сибири и Севера. Приходилось читать специальные работы не только этнографов, но и биологов, охотоведов, краеведов. Отправной точкой в исследованиях этого вопроса всегда были для меня два взаимоисключающих мнения, точно так же основанных на наблюдениях. Я подсчитал: обе точки зрения имеют примерно одинаковое количество сторонников.

Одно мнение высказано известным французским исследователем Жоржем Блоном и поддержано еще более известным океанологом Жаком Ивом Кусто. Жорж Блон писал: «На вопрос европейца индейцу: «Отдашь ли ты мне за это ружье шкурок бобра высотой в ружье», получил положительный ответ»[1]. Сторонники такой точки зрения исходят из того, что человек на любой стадии развития был всегда потребителем и ничто не ограничивало его потребительской деятельности[2]. Об этом же говорит известный специалист по землепользованию А. Кауфман, когда сообщает о фактах хищнического отношения к лесу приехавших в Сибирь украинцев, белорусов, эстонцев, латышей, вятичей[3]. Федор Соймонов в своих описаниях приводит случай, когда в 1753 г. в 25 верстах от г. Нерчинска местными жителями (25 человек) в заграждение было загнано в один день четыре тысячи двадцать семь диких коз[4].

Противоположные примеры приводит В.К. Арсеньев, когда говорит о своем спутнике Дерсу Узала, который обходился минимумом, необходимым для физического существования[5]. О рациональном, щадящем отношении к природе сибирских народов пишут многие этнографы[6]. Необходимо отметить, что щадящее отношение к природе большинство

---

[1] *Блон Ж.* Великие кочевья. М., 1974. С. 43.

[2] См.: *Тихонов С.С.* Об этнографо-археологических исследованиях и их достоверности // Интеграция археологических и этнографических исследований. Москва; Омск, 1999. С. 47–51.

[3] См.: *Кауфман А.* Земельный вопрос и переселение // Сибирь: ее современное состояние и народы. СПб., 1908. С. 119.

[4] См.: *Котионов О.Н.* «Сибирь – золотое дно» Федора Соймонова // Человек – текст – эпоха. Томск, 2004. Вып. 1. С. 117.

[5] *Арсеньев В.К.* Сквозь тайгу. М., 1972. С. 128.

[6] См., например: *Алексеенко Е.А.* Кеты. Л., 1966. С. 66; *Василевич Г.М.* Эвенки. Л., 1969. С. 40–60.

исследователей считают результатом высокого индивидуального сознания. Естественно, такое понимание вошло и в учебные пособия по экологии, природопользованию, эстетическому и нравственному воспитанию. Известный антрополог В.П. Алексеев также апеллирует к личному сознанию: «…современный уровень экологического сознания большинства россиян еще не достиг той черты, за которой начинается ясное осознание персональной ответственности за сохранение природной среды в региональном, тем более в планетарном масштабе»[1].

В данной статье нет смысла детально излагать метод исследования этого далеко не простого вопроса, которое было осуществлено мною благодаря специально разработанной программе. Однако схематически я его опишу. В разных населенных пунктах, среди разной профессиональной и возрастной категории населения я ставил несколько десятков (112) вопросов, например:

- Как вы относитесь к распространенному на Украине обычаю собирать плоды шиповника стальной проволокой?
- Как вы относитесь к глушению рыбы?
- Полномочия и права экологов должны быть широкими или совсем малыми?
- Может ли человек существовать, не используя современной техники?
- Деревня должна быть изолированной или соединенной хорошей дорогой с большим городом?

Ответы были получены удивительно разные, но все же поддающиеся группировке.

Оказалось, что средства контроля воздействия человека на природу находятся не в сознании каждого человека, а в самой культуре как системе отношений. Там, где традиция, обычай, сакральное ослаблены, человек действует в меру своих материально-технических возможностей и собственной фантазии. Наоборот, там, где культура сохраняется как система традиционных отношений, вторжение человека в природу контролируется существующим этикетом.

В монографическом исследовании В.А. Зибарева выпукло показано изменение системы наказаний за проступки, вызванные нарушением так называемого обычного права[2]. Собственно говоря, ис-

---

[1] *Алексеев В.П.* Очерки экологии человека. М., 1993. С. 180.

[2] См.: *Зибарев В.А.* Юстиция у малочисленных народов Севера. Томск, 1991. С. 30–66.

следование данного вида отношений – это исследование разных вариантов конфликта старое – новое, обусловленного контактом старое – новое. Этот конфликт – контакт осложнен многими обстоятельствами. Во-первых, роль индивидуального сознания не столь уж зависима от материальной основы. В целом ряде случаев я фиксировал очень большие усилия человека, связанные с затратой времени на какое-нибудь изобретение или усовершенствование, которое он не видел, а только слышал от очевидца, а то и вовсе от случайного проезжего. Это фиксирует и фольклор. В одной хантыйской сказке речь идет о многократных попытках построить нарты, в которые можно запрячь оленя и которые якобы кто-то видел у ненцев Ямала. Во-вторых, сложна и не исследована роль общего мировоззрения, религии. В ряде случаев они налагают существенные ограничения на использование человеком природных ресурсов и включение их в хозяйственный оборот, а в ряде – способствуют разрушительной деятельности, так как стимулируют преобразование природы.

Полученные мною в ходе исследования материалы позволяют выделить четыре типа отношений человек – природа. Они представляются целыми мировоззренческими пластами, поскольку охватывают почти все сферы жизнедеятельности. Самым древним, но все-таки поддающимся исследованию является пласт так называемого фетишистского мировоззрения. В нем человек, явления природы, окружающие искусственные и естественного происхождения вещи, животные уравнены. В мире отношений нет никакой иерархии. Пришедшие в негодность вещи закапывают, как и человека; по вещам предсказывают будущее; животные, деревья способны мыслить, поэтому отвечают или не отвечают взаимностью. Представления о душах, духах, определяющих бытие человека, наказывающих его за неправильное отношение к природе, сформировались позднее, но до складывания мировых религий.

Следующий мировоззренческий пласт связан с православным христианством и является результатом христианизации народов Сибири. В первой главе Святого Писания: «И сказал Бог: «Сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему; и да владычествует он над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всей землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (Быт. 1:26). В христианстве человек как бы приподнят над вещами, природой, но он ниже Бога, исполнитель Божьей воли, поэтому человек – не тиран, но равенства тем не менее в

общем мироздании нет. Смысл политики христианизации был в том, что без нее невозможно было хозяйственное освоение Сибири; включение ее в общую культурную, политическую, экономическую жизнь России. Все это было сопряжено с развитием земледелия и скотоводства. Необходимостью являлось многое: раскорчевка леса под пашню, строительство мостов, мельниц, проведение дорог.

Языческое мировоззрение налагало большие ограничения на хозяйственное освоение территории, так как предполагало щадящее отношение к природе: нельзя копать землю, разводить в лесу костры, строить дороги, перегораживать реку, тревожить лесных обитателей. Язычество было нейтрализовано христианизацией. Распространение земледелия рассматривается в научной литературе как величайший триумф, однако этот триумф был связан с нарушением прежнего состояния окружающей среды.

Научное (материалистическое) мировоззрение отрицает существование сверхъестественных существ и сил. Человек рассматривается находящимся на вершине иерархической лестницы, венцом природы, поскольку бога как такового нет. За нарушение правил охоты и отношения к природе в целом человека не наказывают духи – хозяева леса (их нет); человека не наказывает бог (бога тоже нет). Человека наказывает закон. По мнению этнографов, закон является контролирующим механизмом (работает) лишь в том случае, если он вырастает на смену традиции. Однако в данном случае при коренной ломке представлений о мироздании закон, основанный на научной картине мира, не начал действовать как рабочий механизм. По каким-то причинам (это требует специальных исследований) научно-материалистическое понимание мироздания не охватило бытовую сферу. Оно прежде всего коснулось представлений о Вселенной. Таким образом, человеческая деятельность оказалась вне контроля, поэтому очень быстро получил распространение принцип: государственный план прощает все. С развитием рыночных отношений, которые постоянно стимулируют возможность реализации личных планов, богом сделались деньги. Деньги стали основным ценностным ориентиром, отодвинув природу на задний план.

Однако в этих условиях не могла не дать себя знать консервативность культуры. Остатки старшего поколения и присоединившаяся к ним часть молодого поколения положили начало движениям в защиту национальных культур, которые, как правило, всегда начинаются с требований экологического порядка. Характерно, что возрожден-

ческие движения не только не игнорируют, но даже опираются на языческие верования своих предков; в этой связи отмечается ревитализация фетишистских, анимистических, шаманистических, политеистических воззрений. Сторонники возрожденческих движений исходят из того, что человек должен поставить под контроль свою разрушительную деятельность, пусть даже над ним стоят иллюзорные и эфемерные силы (божества, боги, духи). Практически дело обстоит куда сложнее. Общество оказалось разобщенным: одна часть – сторонники индустриального освоения, другая – противники.

В социальной психологии существует положение, согласно которому если система теряет устойчивость – ее поведение становится непредсказуемым. Сложившаяся ситуация не может не беспокоить исследователей, науку в целом. Этим и объясняется интерес к проблеме взаимодействия общество – природа, который охватил сферу естественных и особенно гуманитарных наук. Теперь существует два взаимоисключающих подхода в оценке традиционного природопользования: часть ученых полагает, что традиционные культуры – это образец, к которому следует стремиться. Им противостоят ученые, утверждающие, что опыт прошлого неприменим в современных условиях ни в каком виде. Имеется компромиссная точка зрения, которая исходит из того, что исторический опыт прошлого нельзя игнорировать – это часть наследия, необходимого для дальнейшего развития. На таком понимании основываются международные организации по правам человека и разрабатываемые ими документы.

Итак, культура североамериканских индейцев, о которых писал Жорж Блон, была несколько больше деформирована, чем культура нанайцев, хотя, справедливости ради, надо сказать, что и Дерсу Узала обменивал соболей и панты у китайцев на порох и свинец. Однако, как помнит читатель, поведение арсеньевского героя было отнюдь не свободным в отношениях с природой, поскольку заметно ограничивалось его собственным мировоззрением, верованиями, бытующими в среде нанайцев даже в начале XX в. Для русских переселенцев этих ограничений не было, и они добывали соболей, как пишет В.К. Арсеньев, китайским, корейским, удэхейским способом[1].

[1] См.: *Арсеньев В.К.* Сквозь тайгу. С. 115.

П.Е. Бардина

РУССКИЕ И ХАНТЫ ВАСЮГАНЬЯ (ИЗ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ РОДОСЛОВНЫХ)*

Васюганские ханты являются сравнительно изолированной группой и к концу XIX – началу XX в. в меньшей степени, чем, например, соседние александровские ханты или нарымские селькупы, вступали в контакты с русским населением. Однако к 1970-м гг., когда начались полевые этнографические исследования Томского университета, оказалось, что они к этому времени, за сравнительно короткий срок, практически полностью утратили традиционную материальную культуру[1] и свободно владели русским языком[2]. Возможно, что разгадке этого процесса и прослеживанию судеб и путей васюганских хантов в современном мире поможет исследование истории этнических и родственных связей, родословных конкретных семей на примерах родственников и знакомых моего мужа, ханта по отцу – Бардина Сергея Георгиевича, родившегося в 1950 г. в п. Озерное Каргасокского района Томской области.

Самый старший из родословной Бардиных, о котором помнит Сергей, – это дед отца Федор. Он жил с семьей в самом верховье Васюгана, в Тарской стороне, где была лесостепь, примерно во второй половине XIX в. Потомкам он стал памятен потому, что держал большое количество скота – 75 лошадей, много овец, коров.

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 07-01-64107 а/Т.

[1] См.: *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977. С. 216.

[2] См.: *Лукина Н.В.* Ханты от Васюганья до Заполярья. Т. 1: Васюган. Томск, 2004. С. 27.

Отец Сергея, Георгий (или Егор) Васильевич Бардин, 1917 г.р., говорил про деда: «Кулаком он был, а я на него батрачил». Поэтому в конце 1920-х гг. он уехал от деда и поселился вначале в д. Кунтики. О сыне деда – Василии, отце Георгия, практически ничего не известно. Кроме Георгия, у Василия были сын Николай Бардин – старший брат Георгия и дочь Ульяна, которые тоже уехали и жили в пос. Тимельге.

Бардиных называли по-хантыйски *«Тушки», «Тушкины»*. Что это обозначало, никто точно не знал, но мать Сергею говорила, что это значит «душа». Бардины считались южными, так как вышли с верховий Васюгана, но по языку они не отличались от других васюганских хантов. Почти все Бардины были высокого роста, крепкие, например, дед Александр был почти 2 метра ростом. Отец Сергея ещё до Отечественной войны, в 1930-е гг., женился на русской – Санниковой, имени её Сергей не помнит. Они жили тогда в д. Кунтики, и в 1940-м г. у них родился сын Саша. Там же, в Кунтиках, жили мать отца – бабушка Ульяна и её мать, каждая своим домом. Отец вскоре ушел сначала в армию, а потом на фронт. Он был в армии 9 лет, служил на Дальнем Востоке, участвовал в войне с Японией, был снайпером Советского Союза и имел такой специальный значок. В войну жена отца умерла, и Сашу воспитывала бабушка Ульяна. После войны отец женился на Таисии Ивановне Тагаевой (Синицыной), русской из спецпереселенцев с Алтая. Её первый муж – Тагаев Василий Иванович, тоже хант, погиб на фронте, и двоих их сыновей – Володю (1936 г.р.) и Виктора (1938 г.р.) – отец усыновил, хотя фамилии и отчества они сохранили по своему родному отцу.

Отец с Таисией поселились в с. Озерном, где в 1950 г. родился Сергей. Вскоре, когда Сергею было около двух лет, мать умерла, официальный диагноз – заражение крови. Сергей помнит, как отец таскал его с собой в урман – в тайгу в *кынте* – берестяном кузове за плечами. Через год отец женился на Анне Ивановне Тагаевой, хантыйке, родной сестре Василия Тагаева – погибшего на фронте первого мужа Таисии. Таким образом, она была родной тётей Володе и Виктору. Своих детей у Анны Ивановны не было. Всех четырех сыновей отец с матерью воспитали как родных, и они сами себя считают родными братьями. Все четверо рождены русскими женщинами от отцов хантов, а воспитывались в чисто хантыйской семье, хотя старшим братьям, при усыновлении, было уже по 15, 13

и 11 лет. Родители очень любили детей, так, Сергея в детстве называли *«йем-Серкий»,* что значит «хороший Сергей». Также называли паука-письмоносца, которого по поверьям нельзя было бить, так как он приносит хорошие вести. Сергей считает его своим тёзкой.

В середине1950-х гг. отец со всей семьей переехал в д. Тимельгу, где уже жили его старший брат Николай и дед Александр. Отец построил себе дом, баню, стайки, вместе с Лучининым – начальником участка, русским – они построили почти все дома в Тимельге. Зимой они заготавливали лес, возили бревна, а летом строили склады, магазин, клуб, кинобудку, общественную баню. Отец построил, кроме того, охотничью избушку в Пёноровском урмане (по р. Пёноровке), в 40 км от Тимельги. Он работал штатным охотником в промхозе и по заданию председателя промхоза строил охотничьи избушки в других местах. Отец умел делать всё: был охотником, рыбаком, плотником, даже библиотекарем год отработал, когда болел. Мать рыбачила в артели, ходила с отцом на охоту. Весной рыбачили по озерам, летом заготавливали сено, осенью собирали клюкву, орех. Отец даже купил лошадь, чтобы вывозить зимой заготовленное. Потом лошадь заставили в промхоз сдать, так как по тогдашним законам лошадь дома нельзя было иметь. Отец купил её за 80 рублей, а продать в промхоз пришлось за 60 рублей.

В Тимельге отец построил избушки двум своим бабушкам и перевез их из Кунтиков. Это его мать – Ульяна Федоровна Бардина, 1900 г.р., её называли «зырян», она была родом с р. Зырян-Пёх, притока Васюгана. Мать Сергея говорила, что там все живут зыряне, они все как артисты, как цыгане наряжались, веселые были. Вторая бабушка – прабабушка Сергея, мать Ульяны – Устинья Николаевна, была родом Кучугова. Кучуговых называли *«карни»,* что значит «бык», «упрямый», упорный человек. Они же были *«кочурги»,* что значит «бурундуки». У прабабушки был спокойный характер, а молодые Кучуговы были *«карни»,* упрямые. Мать всё время говорила: «А, карни», значит – упрямый.

В Тимельге жил дед Николай, который был «пегим», т.е. у него волосы поседели прядями и на лице были пятна, но его никто не дразнил «пегим», так как боялись. У деда Николая было в амбаре много интересных вещей, например целый *кынт* – берестяной короб – бумажных царских денег и *юнхи* – деревянные идолы. Жена у деда Николая была, кажется, Синарбина.

Ещё в Тимельге жил с семьей дед Александр Бардин, тоже родня, но кем приходится точно – Сергей не знает. У деда Александра были сыновья Юрий и Саша, старше Сергея, они считались ему двоюродными братьями. Юрий служил в авиации механиком, потом возил почту на Васюгане, например, в 1961 г. привез деньги на обмен. А потом он утонул в Васюгане: поплыл с Милимовой на тот берег, где черемуха хорошо цвела, оба были пьяные и утонули. Его брат Александр Бардин женился на русской из пос. Катальга – Гусевой.

В Тимельге жил Милимов, он был хант, а женился на русской староверке из пос. Золотые Юрты на р. Парабель, где он жил какое-то время. Он её оттуда привез, и сам принял старую веру, отрастил бороду. Жена его была дородная, крупная женщина, умела очень хорошо рыбачить и ловила на удочку много язей. Всего часа два на обласке «плавежом» рыбачила и привозила полный обласок язей. Все этому завидовали, но она долго не раскрывала своего секрета. Потом все-таки узнали, что она ловила язей на личинки майских жуков, а все умели ловить только на червей. Тогда тоже попробовали ловить на личинки, и оказалось, что их язь с жадностью брал, а больше никакая рыба на них не клевала. Так некоторым приемам рыболовства учились и ханты у русских.

У Милимовых были сыновья Никифор, Степан, Григорий, две дочери, младшая из которых утонула с Юркой Бардиным. В Тимельге у Сергея были друзья – Гришка Милимов и Юрка Мыльджин, сын Елены Мыльджиной, которая «прославилась» тем, что срубила шаманское дерево. Девчонка в поселке была всего одна – Пачельгина из Пестово.

Из Тимельги умерших хоронили на другой стороне Васюгана – на Могильном мысе, в 1,5–2 км от поселка. Сергей в детстве видел, как везли хоронить: связали два обласка, на них поставили гроб, а ещё на нескольких обласках ехали провожать. Сначала плыли просто вниз по течению, грести начали только тогда, когда стали подъезжать. На этом кладбище похоронены все, кто жил ранее в Тимельге. А потом, когда начали нефтяной промысел, там, прямо на могилах, поставили буровую вышку.

В 1957 г. Сергей пошел в первый класс из Тимельги в интернат в Айполово. Отец за год до этого забрал брата Сашу из интерната, потому что тот должен был окончить школу в седьмом классе, а так он на следующий год мог проучиться вместе с Сергеем и помогать ему.

В интернате в Айполово были ребятишки разных национальностей, из сосланных – чеченцы, эстонцы (дети Калисмы), немцы, украинцы, мордва и, конечно, русские. Про свою национальность дети рассказывали сами, но при этом никто никого не дразнил. И взрослые были разных национальностей. Портниха эстонка в интернате шила форму для всех детей. Повариха Устинья Николаевна Забей-Ворота, украинка, прекрасно готовила в интернате обеды, так что её до сих пор все вспоминают добрым словом. Из хантов в младших классах училось несколько человек, а к десятому классу Сергей остался один.

С поступлением в школу с Сергеем был такой курьезный случай. Проучившись один день, они вчетвером с друзьями – Колей Милимовым, Толей Тунуспаевым и ещё одним парнем решили, что уже достаточно поучились, и ушли в лес на 4 дня. Там жгли костер, ели клюкву, бруснику, орехи, а хлеба с собой набрали полные карманы из столовой. Тем временем в деревне всех подняли на поиски, а они через 4 дня сами вышли. В детстве Сергей разговаривал на хантыйском языке с бабушками, с матерью и отцом, с друзьями, а в школе, среди русских, стеснялся говорить по-хантыйски. В Айполово была школа-семилетка, а когда закончили четвертый класс, всех перевели в Новый Васюган, где были школа-десятилетка и интернат. В интернате учились дети немцев из пос. Майска. Там был немецкий совхоз, а в интернат детям они привозили «хорошие продукты», например сало, сок из ягод. Из немцев Сергей, например, помнит Машу Филиппи.

В 1961 г. отца как коммуниста отправили в Забегаловку председателем рыбартели, а семья оставалась в Тимельге. Он год поработал, уволился и вернулся в Тимельгу. Снова охотничал, а потом, примерно в 1964 г., переехали в Айполово. Отец с матерью жили дружно, вместе ходили на деревенские гулянки, хорошо пели. Вместе ходили на охоту, рыбалку, ягоду брали. Друг к другу обращались по-хантыйски: *«ряч»* – старик и *«ими»* – мать, старушка. Мать и отец в паспортах были записаны остяками. В Айполово в 1960-е гг. председателем сельского совета был русский, которого все очень уважали за то, что он знал хантыйский язык. Фамилию его Сергей не помнит. У него был сын Юрий, на год старше Сергея, они как-то вместе косили сено. Сергей с детства хорошо рисовал и обладал музыкальными способностями, мог подобрать мелодию на любом инструменте.

В 1966 г., осенью, отец Сергея с двумя собаками и нартами улетел на вертолете на промысел в пос. Майск. Охотился на Власов-

ской заимке, а в напарники взял себе Санникова, русского. Тот плохо охотничал, ходил в деревню за водкой и пил. Отец вёл на охоте дневник, в котором последняя запись была сделана 4 декабря 1966 г. Отец добыл много соболей, по-видимому, напарник ему завидовал. Как потом выяснили на суде, отец подошел с охоты к избушке, снял одну лыжу, а тот пьяный вышел из избушки и выстрелил картечью в затылок. Потом сбросил отца в прорубь вместе с одной лыжей. Нашли отца только в январе 1967 г., хоронили 11 января. В этот же день пришла телеграмма от брата Саши, который жил в г. Беговате, что родился сын Юрка – внук отца. Убийцу задержали в Якутской области. Санникову дали 10 лет, он их даже не досидел – земляки столкнули его на стройке с девятого этажа.

Старший брат Сергея, Владимир Васильевич Тагаев, 1936 г.р., в паспорте он записался русским, окончил Томский политехнический институт по специальности нефтеразведка. Работал на Среднем Васюгане геологом в нефтеразведочной экспедиции, в Каргаске инструктором райкома партии, в Томске в Геологоуправлении. Женился поздно, почти в 40 лет, в 1971 г. на Галине, украинке. В 1975 г. у них в Томске родился сын Виктор, а потом они переехали на Украину. Володя нашел по объявлению работу по специальности – стал главным геологом в Сумской области в г. Ровны, где они живут по сей день. А в 20 км от Киева, в Гореницах, жили родители Галины. Уже на Украине у них родился второй сын – Максим. Оба сына говорят на русском и украинском языках, а хантыйский не знают. Сейчас сыновья окончили институт и работают, как и отец, в геологии.

Второй брат Сергея, Виктор Васильевич Тагаев, 1938 г.р., в паспорте записался русским, после окончания школы-семилетки поступил в Самусьское ремесленное училище, потом окончил «мореходку» – техникум в Новосибирске. Работал в Моряковской РЭБ – ремонтно-эксплуатационной базе флота. Там женился в 1959 г. на Смакотиной Надежде, русской. Она работала в Моряковке, а ее родители жили в другой деревне, куда брат Саша ездил с Виктором её сватать по русскому обычаю. В Моряковке у Виктора и Нади родился в 1960 г. сын Андрей. Потом Виктор завербовался бурильщиком на Семипалатинский полигон, там заработал на квартиру и переехал в подмосковный поселок Селятино, где они живут до сих пор. Жена Надя – женщина очень активная, энергичная, предприимчивая, перевезла под Москву родителей, брата и сестру.

Сын Андрей служил в армии, окончил институт по строительной специальности, в 1990-е гг. работал на восстановлении Храма Христа Спасителя в Москве. Андрей женат на русской, у них две дочери, живут в г. Солнцево Московской области. Виктор, выйдя на пенсию, часто уезжал из дома – то к Володе, то в Ханты-Мансийск к Саше, приезжал и в Томск, благо у него, как сына репрессированной, были льготы на проезд по всей стране. Такие же льготы были у Володи, а у Сергея нет, так как в 1943 г. мать была уже снята с поселения.

Третий брат Сергея, Александр Георгиевич Бардин, 1940 г.р., в паспорте был записан остяком, после окончания школы-семилетки учился в томском музыкальном училище, в 1970-е гг. окончил Кемеровский институт культуры. После училища был направлен в с. Парабель преподавателем по классу баяна. Здесь он женился на Римме Петровне Ураловой, родом из Казани, её предки происходили из татар. Когда Сашу забрали в армию в Хабаровск, Римма поехала с ним, там у них родился сын Валера. Отслужив в армии, Саша работал сначала преподавателем, а затем стал директором детской музыкальной школы в г. Беговате Ташкентской области Узбекской ССР. Там родился сын Юрий. Потом Саша переехал в г. Талицу Свердловской области, где преподавал музыку, а с 1980 г. – в г. Ханты-Мансийск, где работал в окружной администрации. По поводу национальности в паспорте Сергей спорил с Сашей, что неправильно он записан остякам, нет такой национальности и надо записаться хантом. Саша вначале не соглашался, а потом, когда поехал в Ханты-Мансийск, тоже записался хантом. Его сын Валера по специальности охотовед, работает в Ханты-Мансийске в Комитете по делам народов Севера. Он женат на Раисе (Партановой) – манси по национальности. Жена второго сына – Юрия – русская.

С определением национальности у Сергея был конфликт в паспортном столе в Каргаске, когда он в 1967 г. получал свой первый паспорт. Сергей отказался его получать, так как его записали остяком. Дело дошло до начальника УВД. Сергей доказывал, что он *«Ханта-касы»,* что значит «человек-хант», и что есть Ханты-Мансийский округ, а Остяко-Вогульского нет. Наконец начальник согласился и велел записать его хантом.

Сергей в 1967 г., после смерти отца, должен был окончить школу, но его, как он считает, «завалили» на экзамене по русскому языку, потому что он не захотел ехать поступать в Ленинград в Институт народов Севера. Осенью в 1967 г. Сергей уехал к брату Са-

ше в Среднюю Азию, в г. Беговат Узбекской ССР, где два года работал художником на металлургическом заводе и окончил вечернюю среднюю школу. В 1969 г. Сергей пробовал поступать в художественное училище в Красноярске, не поступил и поехал в пос. Средний Васюган к брату Володе – геологу нефтеразведовательной экспедиции. Сергей год работал такелажником, а летом во время отпуска в Айпалово познакомился с этнографами Томского университета. Надежда Васильевна Лукина пригласила его на работу художником в Лабораторию истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ. Он выполнял рисунки, таблицы для научных изданий этнографов и археологов – Н.В. Лукиной, В.М. Кулемзину, В.И. Матющенко, Л.М. Плетневой, Ю.Ф. Кирюшину, О.М. Рындиной и мне.

В Томске Сергей жил первое время у родственника – Александра Степановича Тагаева. У него часто останавливались земляки с Васюгана, хотя сам он давно уже переехал в Томск, работал на заводе, хантыйский язык практически забыл. Жена дяди Саши, Зина, была русская, у них было трое сыновей – Александр, Сергей и Алексей. Александр и Алексей женились на русских и работали в городе, а Сергей – на хантыйке, вместе с которой переехал в с. Новый Васюган.

Мы с Сергеем Бардиным познакомились в этнографической экспедиции. Мои предки – русские, из староверов с р. Парабели, т.е. соседнего с Васюганом района. Мои родители Елизвой Игнатьевич Потрепалов, 1914 г.р., и Васса Александровна (Зарубина), 1913 г.р., приехали в Парабельский район Томской области со своими родителями в 1928–1929 гг. в связи с коллективизацией, угрозой раскулачивания и для сохранения старой веры. Родители отца – Игнатий Фомич Потрепалов и Евгения Михайловна (Федоровская) приехали из д. Широково Ялуторовского р-на Тюменской области, где жили все их предки чуть ли не со времен раскола Русской православной церкви. По семейной легенде, наш предок получил свою фамилию «Потрепалов» потому, что скрывал от властей свою настоящую фамилию, а староста из староверов потрепал его по плечу и сказал: «Будешь Потрепалов». Родители матери – Александр Иванович Зарубин и Наталья Ивановна (Князева), русские, из староверов, приехали из д. Усть-Уролки Чердынского района Пермской области. Жили на заимке Коробейниковой Парабельского района, а родители, поженившись, поселились с 1935 г. в посел-

ке Боровом, в трех километрах от заимки, где был колхоз из спецпереселенцев.

У родителей нас было восьмеро детей: Ирина, 1934 г.р.; Афанасий, 1936 г.р., Мин (или Михаил), 1938 г.р.; Иван, 1941 г.р.; Роман, 1943 г.р.; Нестер, 1946 г.р.; Прасковья (или Пана), 1949 г.р.; Александра, 1952 г.р. Всех детей родители вырастили, дали образование, только Роман погиб в возрасте 18 лет. Отец – инвалид Отечественной войны, всю жизнь работал в сельском хозяйстве и охотничал. В 1950-е гг. он помогал охотоведам разводить на Парабели соболей, которых привозили сюда в клетках, а отлавливали их, возможно, как раз на Васюгане, так как Сергей вспоминает, что его отец ловил живых соболей и их куда-то отвозили. Я с детства ходила с отцом за ягодами, плавала с ним на обласке, умела ловить рыбу на удочку. Братья все любили охотничать. В целом наш семейный уклад немногим отличался от хантыйского, так что каких-либо национальных предубеждений у нас не было, несмотря на то, что мы происходили из староверов. Отец на охоте и просто по жизни часто встречался и общался с остяками – местными селькупами, с эвенками – тунгусами.

В 1971 г. мы поженились, родился сын Андрей, и для получения хоть какого-нибудь жилья Сергей устроился на работу в закрытый город Томск -7 (или Пятый почтовый). Там почти сразу получил квартиру с подселением, в которой мы жили 9 лет, а после рождения дочери Анны в 1980 г. получили двухкомнатную квартиру, в которой живем до сих пор. Сергей работал сначала слесарем на ТЭЦ, окончил вечерний техникум по специальности «монтаж и ремонт промышленного оборудования», работал нормировщиком в Сибэлектроремонте, затем мастером в Проммеханомонтаже. В 1990-е гг., в связи с общим развалом промышленных предприятий, работал некоторое время в частной фирме, которая обанкротилась. Сейчас работает слесарем-сантехником в заводоуправлении Сибирского химического комбината.

Я работала с 1974 по 1993 г. в Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета, сначала лаборантом, потом младшим и старшим научным сотрудником. Занималась изучением этнографии русских сибиряков, собирала полевой этнографический материал в экспедициях по всей Томской области. В 1987 г. защитила в Ленинграде кандидатскую диссертацию по этнографии русских сибиряков. С конца

1993 г., в связи с отсутствием финансирования в ТГУ, перешла на работу в Музей г. Северска старшим научным сотрудником отдела археологии и этнографии, где и работаю сейчас. За все время работы написала более 70 научных статей, книги «Быт русских сибиряков», «Жили да были. Фольклор и обряды томских сибиряков» и много научно-популярных статей в областных и местных газетах и журналах. В Музее г. Северска собрала в экспедициях экспонаты по русским сибирякам и оформила этнографическую часть (с русской избой и усадьбой) постоянной историко-краеведческой экспозиции «По реке времени». Одна из форм моей работы – это экскурсии по экспозиции и лекции по этнографии русских сибиряков и народов Сибири, в частности, одна из лекций называется «В гостях у хантов».

Сын Андрей окончил биолого-почвенный факультет Томского университета по специальности «ихтиология». С детства любил общаться с животными, бывать на природе, работал несколько лет ихтиологом в Северском зоопарке, но из-за маленькой зарплаты ушел на другую работу. Интересуется своей родословной, историей, староверами, коллекционированием. Внешне он похож на моего отца – деда Елизвоя, такой же высокий, худощавый, темно-русый. Дочь Анна, 1980 г.р., хорошо рисует, как и отец, окончила художественный лицей по специальности «преподаватель ИЗО и черчения» и вечерне-заочное отделение политехнического университета по специальности «менеджмент». Работает в Музее г. Северска художником, лаборантом. Внешне и по характеру очень отличается от брата и более похожа на родню Сергея – небольшого роста, черноволосая, симпатичная, с миндалевидным разрезом глаз, в школе её называли «японочкой».

Когда мы поселились на «Почтовом», нас разыскали земляки Сергея. Это Галина Устиновна Земцова (Тагаева), 1947 г.р., и Галина Басова (Тунуспаева). Первая Галина даже доводится родней, так как дед Костя – общий родственник, с его дочерьми Светой Тагаевой и Галей Бардиной она переписывалась, высылала их детям вещи. Мать Галины – Устинья Тагаева – родила её вне брака от русского, а отчество Галине дали по матери, которая рано умерла. Сама Галина воспитывалась в детском доме в Среднем Васюгане, потом закончила томское культпросветучилище, работала в Северске в театре оперетты, пела в хоре. У неё хороший голос, а кроме того, она хорошо рисует. Вышла замуж за русского Земцова, но

быстро разошлась. Дочь Юля, 1970 г.р., инвалид с детства (церебральный паралич, глухонемая), сейчас живет в Северске, полностью себя обслуживает, даже одно время работала портнихой.

Галина в паспорте была записана остячкой, и мы с Сергеем объяснили ей, что правильнее записаться хантыйкой, так как есть Ханты-Мансийский округ. Она пошла в паспортный стол и через начальника добилась, чтобы исправили национальность. Ей предложили вначале записаться русской, но она отказалась, сказав, что воспитывалась в детском доме, русские дразнили её остячкой, поэтому русской она быть не хочет. Вторая Галина – Басова (Тунуспаева) – была замужем за русским, разошлась, воспитывала сына, работала на стройке, потом кондуктором на автобусе. Погибла (ее убили) примерно в 1980 г. на Черемошниках в Томске, где была в гостях. На похороны приезжала сестра (Тунуспаева) из Красноярска и забрала её сына к себе.

В 1970-е гг. мы несколько раз ездили в отпуск в Айполово и Новый Васюган. Бабушка Ульяна очень радовалась правнуку Андрею, ради него тут же бежала на болото и приносила свежей голубики. Сергей собирал рыбацкие снасти, и мы вместе с Андреем ходили ловить рыбу на речку Мостную. На обед кипятили по остяцкому обычаю чай на костре, жарили на *тяпсах* – деревянных шампурах рыбу, собирали ягоду, орехи, грибы. Ханты раньше не употребляли грибы в пищу, поэтому я даже научила тетю Шуру мариновать маслята, что ей очень понравилось. В городе мы варим, по рецепту Сергея, «остяцкую» уху без картошки и наливаем её в кружки для питья. Также «остяцкими» называем пресные лепешки, которые иногда печет сам Сергей. В семье не обходится без конфликтов, например, у нас разные представления о необходимости делать запасы. Сергей не любит что-то оставлять про запас, откладывать, вообще планировать. У нас уже много лет есть мичуринский участок, Сергей построил домик, теплицу, сарай, но работать на земле не очень любит, особенно копать землю, зато охотно ходит в лес за ягодами, грибами и на рыбалку.

Еще мы поддерживаем связи с родственниками родной матери Сергея, рано умершей Таисии Ивановны Синицыной, русской. Они живут недалеко от Томска, в пос. Рассвет, и мы познакомились с ними через брата Володю. Семья Синицыных – мать, отец, сестры Физа, Лида, Шура, Надя, Таисия и брат Сергей были сосланы на Васюган с Алтая в 1930-е гг. На Алтай они приехали по Столыпин-

ской реформе из д. Комары Макарьевского уезда Костромской губернии, и у Сергея сохранился документ – «царский паспорт» бабушки. В 1943 г. их «сняли с поселения» и родители с дочерьми уехали в деревню Корнилово под Томском. Осталась только Таисия, так как уже была замужем за Василием Тагаевым. Её брат Сергей Синицын жил в Новом Васюгане до 1957 г., там умер и похоронен. Жена после его смерти уехала в Тогур, где сейчас живет их сын, двоюродный брат Сергея Александр Синицын, 1950 г.р. Из остальных Синицыных сейчас живут в пос. Рассвет Надежда Ивановна Арцимович (Синицына), ее дочь Люда и сын Петр с семьями. У Надежды Ивановны муж был по национальности литовец, он умер в 1980 г. В 1950-е гг., когда Володя учился в политехническом институте, он часто бывал у них в гостях. Володя впервые и познакомил Сергея, когда он приехал в Томск, с родней по матери, те встретили его очень приветливо, всегда рады приезду, приглашают в гости. Тетя Надя и её сын Петр были в гостях в Северске. Брат Володя, когда звонит с Украины, обязательно спрашивает про тетю Надю и передает привет.

У второй матери Сергея – Анны Ивановны Тагаевой, 1911 г.р., хантыйки, было три брата – Василий Иванович, Прохор Иванович, Селиверст Иванович и сестра Ольга Ивановна. Кроме того, в Айполово жил дед Костя Тагаев – *Кёста-ряч,* который тоже был какой-то роднёй. За него, уже в возрасте, когда у него была дочь Света Тагаева, вышла замуж сестра отца Сергея – Ульяна Бардина, и у них была ещё одна дочь – Галя Бардина. По рассказам, первый Тагаев очень давно приехал с юга, с Тарской стороны, женился на остячке и от него пошли все Тагаевы. Все трое братьев погибли в войну, о чем есть запись в «Книге памяти», т. IV (дополнительный список). Причем Василий Иванович – отец Володи – погиб в бою в Киевской области, Лысянском районе, д. Вотылевка. Володя, когда переехал с женой на Украину, нашел там могилу отца. Прохор Иванович учился перед войной в Ленинграде, в Институте народов Севера, оттуда и ушел на фронт. Мать всё жалела о том, что погиб «неженатик», холостым. Дочь деда Кости – Галя Бардина – вышла замуж за чуваша Волкова, у них 8 детей. Одна дочь утонула в Васюгане в возрасте 18 лет.

В Айполово жила Ольга Ивановна Синарбина (Тагаева), 1908 г.р., родная сестра матери Анны Ивановны. Она вышла замуж за Павла Синарбина, у них были сын Валерий и дочь Александра.

Валерий в свое время служил в армии, после демобилизации по дороге домой с кем-то подрался в Колпашеве и попал в тюрьму. Отсидев, вернулся в Айполово и пьяным убил человека за бутылку водки, снова попал в тюрьму на 10 лет. Так и не женился, сейчас доживает век в Новом Васюгане. Александра Павловна Синарбина, 1935 г.р., двоюродная сестра Сергея, работала кассиром в аэропорту, была очень строгой и уважаемой среди односельчан и своих родичей. Бывало, что они в аэропорту пытались пройти без очереди, тётя Шура их осаживала, говорила, что ей стыдно за них. Сейчас она на пенсии, живет в Новом Васюгане. У её сына Алексея Георгиевича Синарбина, 1956 г.р., отец был поляк. Алексей отслужил в армии в Подмосковье, учился в Москве на трубоукладчика, а потом вернулся домой и сейчас работает в аэропорту диспетчером. Жена Алексея русская, работает в Новом Васюгане медсестрой. У них трое детей. Сын Павел и дочь Светлана закончили Томский инженерно-строительный институт, живут и работают в Томске, где отец купил им квартиру. Младший сын учится в школе в Новом Васюгане.

Сергей хантыйский язык понимает, разговаривал на нем, когда ездил в гости к брату в Ханты-Мансийск, там они участвовали в медвежьем празднике. Когда ездил в экспедицию в Заполярье с Н.В. Лукиной, язык женщин-хантыек понимал, так как они казымские, а язык мужчин не мог понять. Сейчас Сергей часто просматривает Словарь хантыйского языка, составленный М.К. Могутаевым, вспоминает знакомые слова, даже находит некоторые упущения слов, например *«пяй-ирмянек»* – «всяко-разно», так говорила мать, когда он что-либо учудит. Когда проходит перепись населения, Сергей удивляет переписчиков, говоря, что знает иностранный язык – это русский, а родной язык у него – хантыйский. Когда по телевизору показывают финских или эстонских спортсменов, Сергей любит комментировать, переводя их фамилии, например фамилию хоккеиста Нуминен переводит как верхний, высший человек.

По мнению Сергея, на Васюгане все давно перероднились друг с другом. Был случай, когда двоюродные брат и сестра поженились и у них родились дети с заячьей губой. Не зря считалось, что от близкородственных браков рождаются уроды. Может быть, поэтому часто женились на русских. По внешнему виду, как считает Сергей, ханты на Васюгане были разные – сероглазые, голубоглазые, черноглазые. Самыми красивыми на Васюгане считались «щу-

чьи глаза» – *«сарт-оки»*, как у нашей Анютки, зеленые. Тунуспаевы были все смуглые, Полумогины – белые. Бардины были и смуглые, и белые, а дед Николай был пегим.

Сейчас из васюганцев в Томске в районе Черемошников живут Кучуговы, с которыми Сергей учился в интернате, дети Маркела Кондратьевича Могутаева, Тагаевы, Полумогины, Синарбины. Разбросало хантов с Васюгана и их потомков по всей Томской области и даже по всей России. Они не вымерли, хотя, как видим, зачастую трагические смерти преследовали их не только на Васюгане, но и в городе. Можно сказать, что васюганские ханты разделили судьбу многих народов в истории нашей родины, они также воевали и гибли на фронте, может быть, больше в пересчете на душу населения в силу своей малочисленности. Многие из них так или иначе приспособились к современным условиям жизни. Они внесли свой вклад в современную культуру, поскольку многие из них наделены художественными, музыкальными способностями. По-видимому, их потомкам передалась также особая любовь к природе и окружающему миру.

II. ИССЛЕДОВАТЕЛИ СИБИРИ

Е.В. Сизова

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА АЛТАЙЦЕВ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА Г.Н. ПОТАНИНА)*

Устное народное творчество – богатейший источник, в котором содержится много информации по истории того или иного народа. Фольклорный материал помогает исследователям понять, как жили люди в прошлом. Он является отражением быта, чаяний и ожиданий народа на той или иной стадии его развития. В XIX в. в России начинается процесс сбора сказок, былин и других образцов устного народного творчества разных народов, населяющих нашу страну. Записи и публикации героического эпоса, народных сказок тюркских племен, населяющих Алтай, были начаты В. Радловым, который в 1866 г. издал книгу «Образцы народной литературы тюркских племен»[1]. Вслед за ним продолжил сбор алтайских, монгольских и казахских сказок и преданий Г.Н. Потанин, посвятивший собиранию фольклора большую часть своей жизни.

В ходе собирания и изучения устного народного творчества Г.Н. Потанин приходит к понимаю того, что необходимо как можно больше внимания уделять фольклорному материалу. В 1898 г. он пишет статью, посвященную необходимости собирания сказок, в которой дает следующее обоснование: «Нужно спешить собирать сказки, потому что они быстро исчезают с наступающими новыми

---

* Исследование выполняется при поддержке РГНФ, проект № 06-01-64109а/Т.

[1] *Образцы* народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунганской степи / Собраны В.В. Радловым. Ч. 1. СПб., 1866. 419 с.

условиями народной жизни»[1]. Выход из сложившейся ситуации он видел в привлечении народных учителей к сбору фольклора среди жителей деревень и сел. Потанин считал, что научные экспедиции не смогут «собрать того, что соберет народный учитель, живущий года бок о бок с населением, сжившийся с ним и пользующийся у них доверием – особенно в той области фольклора, которая имеет сокровенный характер, как, например, заговоры. Для записывания сказок нужна подготовка, но ее приобресть не так трудно, как для записывания песенных мотивов. Народные учителя могли бы оказать неоцененную услугу в этом деле, нужно только призвать и сплотить их в кружки»[2].

Благодаря Г.Н. Потанину многие молодые люди из сибирской интеллигенции увлеклись изучением истории своего края, начали собирать различные этнографические материалы. Между молодыми исследователями и Потаниным возник творческий союз, где первые производили сбор и запись необходимой информации, а второй – обрабатывал ее, делал примечания, находил средства для издания собранного материала. Кроме того, Г.Н. Потанин считал, что для того, чтобы поощрить «в самоучках и самородках любовь к собиранию научных фактов, нужно завести провинциальные ученые издания, где бы поменьше предъявляли требовательности»[3]. Именно поэтому большинство собранного фольклорного материала было напечатано в сибирских изданиях.

Среди многочисленных корреспондентов Г.Н. Потанина можно выделить Н.Я. Никифорова, молодого алтайца, который записал более десятка эпических произведений своего народа, исполнявшихся сказителем Чолтошем Куранаковым, который жил на Алтае в д. Аскат. На основе собранного материала совместно с Потаниным был издан в 1915 г. «Аносский сборник», который до революции считался лучшей книгой алтайских сказок.

Николай Яковлевич Никифоров (1874–1922) – грамотный алтаец, собиратель алтайского фольклора. Биографического материала о нем в литературе практически нет. Большую часть информации мы черпаем из писем Г.Н. Потанина к разным лицам: А.Н. Седельникову, С.Ф. Ольденбургу, Б.П. Вейнбергу, а также из писем

---

[1] *Потанин Г.Н.* О необходимости собирания сказок // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. Т. 7. С. 243.

[2] Там же. С. 245.

[3] *Потанин Г.Н.* Письма. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. Т. 5. С. 41.

М. Зятькова. Небольшое количество биографических данных было найдено в исследовании «Алтайские героические сказания» (Новосибирск, 1997) и работе Н.А. Майдуровой[1].

Н.Я. Никифоров всю жизнь прожил на Алтае; здесь началась его трудовая и творческая деятельность. Он закончил Катехизаторское училище при Алтайской духовной миссии в с. Улала, которое готовило учителей для миссионерских школ из детей инородцев. В дальнейшем он работал преподавателем при этой миссии. Из отчетов Алтайской духовной миссии и из его писем мы видим, что первоначально он учительствовал в разных селах Алтая: Барагаш, Ильинское, Каган и др. В связи с тем, что заработная плата была невысокой, Николай Яковлевич подрабатывал писарем, псаломщиком при церкви[2]. Из писем Г.Н. Потанина видно, что в 1908 г. Никифоров уже занимался сбором фольклорного материала. Большинство сказок было записано им у сказителя Чолтоша Куранакова, который славился в долине Катуни как мастер-исполнитель героического эпоса. Мысль о сборе алтайских сказок возникла у Потанина еще в 1907 г. В одном из писем к С.Ф. Ольденбургу он пишет: «Я хочу взять в долг денег и на лето поехать на Алтай; если удастся перевалить на монгольскую сторону, то я пособеру сказки у монголов, а нет – так у алтайцев»[3]. В апреле 1908 г. он говорит уже о том, что в д. Анос у него образовалась компания, которая поможет ему в соборе алтайских сказок. В состав этой группы входили Г.И. Гуркин и Н.Я. Никифоров, которые к этому времени начали работу по сбору устного народного творчества своего народа. В письме к Ольденбургу Потанин пишет: «Одну уже сказку об Алтай-Буши мои друзья аносские записали как текст. Если они не будут ленивы, то надеюсь довести дело до того, чтобы можно было представить в Этнографическое отделение Географического общества целый сборник алтайских сказок в тексте и в переводе с именами собирателей на обложке: «Гуркин и Никифоров». Такое закрепление издаваемого сборника за именем собирателей мне кажется средством поощрения инородцев к дальнейшей работе и как

---

[1] *Майдурова Н.А.* Горный Алтай в 1917 – первой половине 1918 г. (от Горной Думы к Каракоруму). Горно-Алтайск, 2002. 188 с.

[2] *Отчет* об Алтайской духовной миссии за 1911 г. Томск, 1911. С. 29.

[3] *Потанин Г.Н.* Письма. Т. 5. С. 85.

средство вызвать подражание у других»[1]. В дальнейшем Н.Я. Никифоров собрал более десятка сказок своего народа.

В заслугу Никифорову, хорошо владевшему алтайским языком, и Потанину, сделавшему с его помощью русский перевод, может быть поставлено и то, что они во время работы над текстами сказок всячески стремились приблизить перевод к тексту оригинала[2]. Так, например, текст сказки «Алтай-Буучай» был переведен ими почти дословно. Н.Я. Никифоров плохо знал русский литературный язык, поэтому он не решился переводить сказки без посторонней помощи и обратился к Потанину, который в период сбора этнографического материала жил на Алтае. Собранные Никифоровым алтайские сказания не сохранились, но тексты, переведенные им на русский язык, с примечаниями Потанина вошли в состав Аносского сборника. В архиве Потанина хранится несколько рукописей сказок на татарском и русском языках, которые были написаны Никифоровым. Так, здесь можно встретить следующий фольклорный материал на татарском языке: «Ӧскӱс-Уул» на 8 листах, «Кара-Кӱбек» на 50 листах, «Тэмир-бий имеющий коня железного цвета» на русском языке на 123 листах, «Темир боро атту Тэмир-бий» на 124 листах, «Мааны» на 1 листе и «Боро номонла Боро кучкаш» на 6 листах[3]. В конце первых трех сказок Никифоровым были сделаны записи о времени, месте, где тексты были записаны, здесь же указывалось имя сказителя. Так, первая сказка была записана 23 ноября 1909 г. в д. Аскат у Чедека Куранакова, вторая – 4 сентября 1910 г. в д. Аскат у Чедека Комдоша, а третья – 30 декабря 1910 г. в с. Барагаш у сказителя Коружека. Чедек Куранак – это простонародное имя сказителя Чолтыша Куранакова, а Комдош – указание на его род. Здесь же мы находим перевод второй сказки на русский язык, который был осуществлен Н.Я. Никифоровым 24 сентября 1910 г. и рукописи ряда алтайских сказок и легенд, которые написаны рукой Потанина. Можно сказать, что Потанин стал не только инициатором публикаций сказок, но и самым активным их составителем.

---

[1] *Потанин Г.Н.* Письма. Т. 5. С. 93.

[2] *Суразаков С.С.* Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучай. Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1961. С. 5.

[3] НБ ТГУ. Архив Г.Н. Потанина Рукописи. № 134е, 20а, 20в, 20г, 134г, 134д, 20б соответственно.

Таким образом, основной сбор материала и его перевод был осуществлен Н.Я. Никифоровым, а редактирование, издание и составление примечаний взял на себя Г.Н. Потанин, он же начал поиски той организации, которая могла бы издать алтайские сказки и обратился в Западносибирский отдел Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО) за помощью. Проследить процесс создания этой книги можно на основании переписки Г.Н. Потанина с А.Н. Седельниковым, относящейся к 1912–1915 гг. Седельников был одним из активнейших членов этого отдела, а также в разное время его секретарем, председателем, активно участвовал в сборе и публикации краеведческого материала в Записках и Известиях ЗСОИРГО.

В письме от 28 февраля 1912 г. Г.Н. Потанин пишет А.Н. Седельникову: «Труд Николая Яковлевича Никифорова, которому я желал бы дать название «Аносский сборник», состоит из двух частей: 1) алтайские тексты песен и 2) русский перевод их. Первая часть может быть напечатана только в Томской епархиальной типографии, которая имеет нужный для этого шрифт. Перевод песен на русский язык займет 9 листов… я желал бы к переводу приложить свои комментарии, небольшие»[1]. В ходе переговоров ЗСОИРГО решил печатать этот сборник в Омске в типографии Омского окружного штаба.

Вся работа по подготовке к изданию алтайских сказок и легенд продолжалась более трех лет. Книга вышла в Омске в конце 1915 г. как отдельный 37-й том «Записок ЗСОИРГО». На титульном листе значится: «Н.Я. Никифоров. «Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г.Н. Потанина»[2]. Объем сборника составил 293 страницы с примечаниями на 15 страницах. В предисловии был помещен небольшой отрывок из письма Григория Николаевича к А.Н. Седельникову от середины марта 1914 г., в котором говорилось, что «Сказки г. Никифоровым записаны на татарском языке; для этого он уходил из Аноса в Аскат и проживал в юрте Чолтыша два, три дня или же Чолтыш приходил в Анос и несколько дней жил в доме у Никифорова. Записав сказку, Н.Я. Никифоров переводил ее на русский язык. Он приходил ко мне (я жил в это время в Аносе) рано утром и оставался до позднего вечера; мы вдвоем и

[1] НБ ТГУ. Архив Г.Н. Потанина. Письма. № 1571.

[2] *Никифоров Н.Я.* Аносский сборник: Собрание сказок алтайцев / Примеч. Г.Н. Потанина. Омск, 1915. 293, 15 с.

переводили; он передавал на русский язык смысл фразы, а я исправлял слог. К сборнику я приложил свои примечания»[1].

После издания сборника Потанин постарался, чтобы оно было разослано заинтересованным людям. Так, в письме к А.Н. Седельникову от 16 ноября 1915 г. он пишет: «Исходатайствуйте из Совета Отдела 20 экз[емпляров] «Аносского Сборника» в дар собирателю Ник[олаю] Як[овлевичу] Никифорову. Кроме того, не может ли Отдел послать даровые экземпляры Петербургским ориенталистам: Сергею Федоровичу Ольденбургу, Андрею Дмитриевичу Рудневу, Борису Яковлевичу Владимирцеву, г-ну Бартольду и г-ну Рамстеду (все эти экземпляры можно послать по адресу: Академия Наук, ее непременному секретарю С. Ф. Ольденбургу с просьбой раздать по принадлежности), и еще один экземпляр Михаилу Нестеровичу Сперанскому (Москва)»[2].

Дальнейшую историю жизни Н.Я. Никифорова реконструировать не удалось, но на основании работы Н.А. Майдуровой и писем его самого мы можем проследить его деятельность в 1916–1917 гг. После Октябрьской революции Н.Я. Никифоров становится активным участником политической жизни на Алтае. Во время существования Алтайской горной думы он был ее активным членом. В работе Н.А. Майдуровой подробно показаны первые месяцы его работы в этой организации. 4 июля 1917 г. делегатами инородческого съезда он был избран кандидатом в члены Горной думы. В ней Никифоров возглавлял административно-судебный отдел, временно руководил финансовым отделом, потом его сменил А.Н. Плеханов. 5 июля он был избран членом Земельной управы, созданной на съезде. На первом заседании Горной думы 11 июля на него были возложены обязанности, выполнявшиеся К. Егуековым (Тудашевым), т.к. последнему был дан отпуск из-за болезни членов семьи и он вынужден был уехать домой в с. Кебезень. 19 июля Никифоров стал старшим инструктором Думы, а 21 июля, в связи с поездкой Г.И. Гуркина на курорт, исполнял обязанности председателя. 7 августа он был послан в качестве представителя от Алтайской горной думы вместе с Д.М. Тобоковым в Бийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с правом решающего голоса, 9 августа был делегирован на конференцию эсеров в Барнаул с И.А. Евсениным, где им было поручено «добиваться включе-

---

[1] *Никифоров Н.Я.* Указ. соч. С. 1.

[2] Государственный архив Омской области. Ф. 86. Оп. 1 Д. 201. Л. 62–63

ния в избирательные списки социалистов-революциолнеров кандидата от населения Алтая»[1]. В середине августа он принял руководство сразу двумя отделами Горной думы. Н.Я. Никифоров заведовал Каракорум-Алтайской окружной управой и отделом народного образования (просвещения). По инициативе этого отдела было проведено совещание с предстателями творческой интеллигенции, где была сформирована литературно-художественная комиссия. Ее основной задачей стали подготовка первых изданий учебников и другой литературы на алтайском языке, а также создание алфавита для алтайского народа.

В рукописном архиве Г.Н. Потанина в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета хранятся шесть писем Н.Я. Никифорова. Одно письмо относится к 1911 г., а остальные к 1916–1917 гг. Первое было отослано им из с. Барагаш, где он работал в местной школе и подрабатывал писарем, одно из с. Улаган, а остальные из г. Бийска, в тот период, когда Никифоров являлся членом Алтайской горной думы. Письма эти содержат в основном материал о его творческой деятельности. Первое письмо написано в 1911 г. В нем говорится о том, что Никифоров посылает Потанину вещи, ранее заказанные последним, в том числе говорится о покупке всего необходимого для пошива «маньяка». Предположительно речь здесь идет о тех вещах, которые Потанину заказал А.Н. Седельников для музея ЗСОИРГО. Григорий Николаевич советовал Александру Никитичу обратиться к Г.И. Гуркину, а так как Григорий Иванович был дружен с Николаем Яковлевичем, то первый мог попросить второго заказать пошив шаманского костюма для музея ЗСОИРГО, который, кстати, был сшит Анной Куранаковой, снохой сказителя Чолтоша. В письме от 1916 г. Никифоров демонстрирует свое желание издавать собранные им сказки на алтайском языке. Три письма от 1917 г. (точнее, одна телеграмма и два письма) освещают деятельность Никифорова в Алтайской горной думе. В них он советуется с Потаниным по вопросу создания собственного алтайского алфавита, а также говорит о своем желании издать собранные им сказки на родном языке. К сожалению, оно тогда не исполнилось.

Материалы этих неопубликованных писем обогащают наши представления о творческой деятельности грамотных алтайцев. Особенную ценность эти письма имеют потому, что освещают

[1] *Майдурова Н.А.* Указ. соч. С. 60.

жизнь одного из образованных представителей алтайского народа, показывают его стремление сохранить для потомков культурное наследие алтайцев.

В первые десятилетия советской власти считалось, что сделанные дореволюционными собирателями устного народного творчества записи были неточными, а многие эпические поэмы записывались прозой; в большинстве записей сказок применялся лишь краткий пересказ их содержания[1]. Кроме того, подвергалась сомнению правильность воспроизводства текста сказителями, из уст которых были услышаны записанные сказки. Так, например, Чолтоша Куранакова в советской литературе характеризовали как малоопытного рассказчика. А. Коптелов во введении к «Сказкам алтайского народа» 1937 г. так описывал его: «По свидетельству знатоков алтайских сказок, среди своего народа Чолтош не пользовался репутацией сказителя. Рассказывают, что хорошие сказители пели сказку «Алтай-Бучий» в течение трех ночей и заканчивали с восходом солнца на четвертые сутки. В «Аносском сборнике» «Алтай-Бучий» занимает 29 страниц. Это свидетельствует о том, насколько неполны записи Никифорова»[2]. Несмотря на такую оценку, деятельность дореволюционных фольклористов не пропала даром. Уже с середины XX в. начался новый этап собирания и публикации алтайского эпоса. Это, прежде всего, связано с открытием в 1952 г. в Горном Алтае научно-исследовательского Института истории, языка и литературы. Труд Н.Я. Никифорова активно используется современными исследователями в написании статей, монографий, диссертаций, в подготовке лекционных курсов, в издании учебных пособий и т.д. В 1995 г. в Горно-Алтайске был переиздан «Аносский сборник», что подтверждает, насколько он остается востребованным учеными, исследователями и многими ценителями устного народного творчества.

Ниже воспроизводятся письма Н.Я. Никифорова к Г.Н. Потанину, которые хранятся в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. Текст передан по правилам современной орфографии и пунктуации с сохранением некоторых авторских особенностей. Редакторские

---

[1] *Коптелов А.Л., Суразаков С.С.* Вводная статья // Алтайская литература. Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1955. С. 13.

[2] *Коптелов А.Л.* Сказки алтайского народа // Алтайские сказки. Новосибирск, 1937. С. 8.

конъектуры даются в квадратных скобках. В конце каждого письма приводится его порядковый номер.

№ 1

28 июня 1911 г.

с. Барагаш

Многоуважаемый Григорий Николаевич!

Посылаю Вам вещи: јанк в средине зайчина на лапках (которых Вы увидите) есть пришитые ленты – белая и красная, Кечкил, который одинаков почти что с јанком, она относится к Алтаю, т. е. реальному богу – земле, тепкиш – это квадратные дощечки на углах с ножками, дощечка представляет вид опрокинутого столика, шанкар – это птицы, сопровождающие кама во время его путешествия на небо, сандеп – это изображение камки, другое изображение с двумя деревянными оботками камов шатуя, все это стоит мне 4 руб[ля] 13 к[опеек].

Мною куплено для маньяка разного товара, кроме тех 7-00 коп[еек] (+), что взято Г[ригорием] Ив[ановичем] [Гуркиным][1].

9 шоркунцов – 63 к[опейки]
72 плинбаша раков[ин] – 52 к[опейки]
3 колокольца 1-05 к[опеек]
1 арш. черн. молеск – 25 к[опеек]
2 нитки бисеров – 20 к[опеек]
6 колокольцев – 2-40 к[опеек]
½ ф. набору (82 ш) – 40 к[опеек]
2 лука саадака – 30 к[опеек]
2 бляхи солнце и луна – 30 к[опеек]
6-05 к[опеек]
4 козлины шкурки 2-80 к[опеек]
За шитье Анне Чолтошевой[2] того сказочника снохе, что в Аскате
1 чай – 1-40
1). Деньгами 1-25
2). Деньгами – «- 75
3-40 к[опеек]

---

[1] Гуркин Григорий Иванович (псевд. Чорос; 1869–1937) – сибирский художник. В последние годы жизни занимался собиранием этнографических материалов о народах Сибири.

[2] Куранакова Анна – сноха, сказочника Чолтоша Куранакова, живущего в д. Аскат.

Бубн заказан через Степана Сергеевича Тозыякова[1], который живет в Узнезе, ему отдано в задаток мастеру 5 руб[лей], и того мною израсходовано 21 руб[ль] 38 коп[еек].

Я взял у Вас:

1 й раз – 20

2 раз – 5

25 руб[лей]

Поэтому значит я не дорасходовал 3 руб[ля] 62 коп[ейки], что обязан Вам представить деньгами или вещами.

Мастерице маньяка нужно будет додать плату смотря по работе и 3 рубля за рысью шкурку. Это Вы подождите меня и я сам лично рассчитаюсь.

Меня задержало жалование, которое я надеялся получить и скоро вернуться обратно домой, но не тут-то было.

Жалование и то малое, да не всегда ее получишь. Хочу наняться здесь в писаря, иначе учительского не будет хватать, а того и другого вместе, пожалуй, ничего. Желаю Вам всех благ.

К услугам всегда готовый п[окорный] с[луга] Ваш Никифоров.

_____

(+) первый раз взятый в Чемале в счет Гр[игория] Ив[анови]ча, Вам нужно будет деньги 7 руб[лей] с копейками (забыл) отдать Гр[игорию] Ив[анови]чу. Он отдаст Елесину.

№ 1120

№ 2

23/VI 1916 [г.]

Улаган

Дорогой Григорий Николаевич.

Не знаю, как выразить свою радость, получив столь трогательное от Вас письмо. Получил по некоторым обстоятельствам письмо поздно (только 23-го июня). Но спешу Вас приветствовать и пожелать всего лучшего. Делайте с экземплярами по Вашему усмотрению. Я ведь еще много собрал легенд и рисунков камней древних произведений (художников, пастухов), о чем Вам особо напишу.

Ваш Николай Никифоров

б/н

---

[1] Тозыяков Степан Сергеевич – друг А.В. Анохина, жил в Узнезе, Куюме.

№ 3

18 Окт[ября] 1916 г.

г. Бийск

Дорогой Григорий Николаевич.

Желательно мне было издать на алтайском языке сказки, которые Вы напечатали на русском. Для этого я переговорил с (подателем этого письма) моим знакомым Василием Феофановичем Цветковым, и мы здесь в г. Бийске сказки издадим, так как в типографии «Товарищества»[1] имеется шрифт «наследство Реброва»[2] издававшего и печатавшего для миссии некоторые книги на алтайском языке. У меня есть тоже собранные материалы, и вот, соединив их, я буду издавать и пусть тем возродиться наша Алтайская литература. Теперь пора алтайцам иметь свое все. Если возможно, то передайте сказки Цветкову. Вы посылали или нет те 20 экземпляров сказок моих, я и теперь их не получил. Где-то заблудились.

С уваж[ением] Ваш Н. Никифоров

Адрес мой птк. Кош-Агач, Улиган. Н.Я. Никифорову

№ 218

№ 4

[Телеграмма]

Принята 5. VI. 1917

Григорию Николаевичу Потанину Томск

Сообщение: «для будущего инородческого съезда Бийске дайте адрес Сергея Порфирьевича Швецова[3] на имя исполнительного комитета ИАНАПЧ инородцев Бийск член Никифоров»

№ 1363

---

[1] Типография «Товарищество» принадлежала В.А. Шпунтовичу.

[2] Ребров Иван Дмитриевич (?–1906) – личный почетный гражданин Бийска, предприниматель, просветитель, основатель частного газетно-издательского дела на Алтае. В 1885 г. открыл частную библиотеку, которую в 1897 подарил городу Бийску.

[3] Швецов Сергей Порфирьевич (1858–1930) – экономист, статистик, этнограф, публицист, общественный деятель.

№ 5

23/VIII 1917 г.

Бийск

Глубокоуважаемый Григорий Николаевич.

Собравшимся 1-го июля в г. Бийске съездом алтайских инородцев образован особый орган национального самоуправления алтайцев Алтайская Горная Дума, задачей которой является и содействие национально-культурному развитию алтайского народа.

Так как необходимым орудием культуры является письменность, алтайцы ныне встали перед вопросом об основах ее установления, перед задачею построения национально и исторически естественной транскрипции и алфавита.

Не имея в своем распоряжении достаточного материала для разрешения этого сложного вопроса, Алтайская Горная Дума позволяет себе обратиться к Вам с покорнейшею просьбою не отказать в ваших компетентных отзывах по следующим вопросам:

1) Какой алфавит должен быть принят алтайцами. 2) Транскрипция, преимущество академической перед остальными.

При этом Алтайская Горная Дума считает необходимым упомянуть, что совместное заседание членов Думы и инородческой секции при Бийском учительском съезде высказывалось за академическую транскрипцию.

Алтайская Горная Дума будет признательна и благодарна Вам за все Ваши советы и указания по затронутым вопросам, разрешение которых без Вашего участия, как авторитетного специалиста, является посильным.

За Председателя Алтайской Горной Думы Н. Никифоров

Секретарь Думы Иван Евсенин[1] (подпись)

Текст письма напечатан на машинке. Дата и подписи написаны чернилами. Перед датой стоит номер письма: № 389. В левой нижней части печать фиолетового цвета: «Печать Алтайской Горной Думы».

№ 219

[1] Евсенин Иван А. (? – после 1922) – этнограф, ссыльный, секретарь Алтайской горной думы.

№ 6

9/XI 1917 г.

Бийск ул. Граф[а] Толстого д. № 2–3.

Глубокоуважаемый Григорий Николаевич.

По указанному Вами адресу Княжеская ул. д. 38-3 Гусева я не мог найти, затем справился в адресном столе о Екатерине Григорьевой – адрес при сем прилагаю; но таковая, оказывается, уехала в Монголию. Может быть, еще есть другие Екат[ерины] Григ[орьевы]; все-таки еще попытаюсь поискать и сообщу Вам о результатах.

С уважением Н. Никифоров.

Григорий Николаевич, Григорий Иванович только что приехал из Петрограда. Токмашев[1] на Алтае. Дела, за неимением знающего земское дело, идут вяло. Статьи Анохина[2], Токмашева и Гуркина пока не читал – достану.

Свои сказки не издавал. Думаю издавать.

С уваж[ением]

Н. Никиф[оров]

№ 1121

---

[1] Токмашев Георгий Маркелович – телеут, просветитель, этнограф, фольклорист, участвовал в экспедициях Г.Н. Потанина и А.В. Адрианова, член Алтайской горной думы, член Сибирской областной думы и национального совета Временного Сибирского областного совета, с февраля 1919 г. возглавлял Главный алтайский комитет туземных народностей.

[2] Анохин Андрей Викторович (1874–1931) – этнограф, фольклорист, исследователь алтайских народностей, композитор, музыковед.

А. Видмер

У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОГО ХАНТОВЕДЕНИЯ[1]

(Перевод с немецкого Н.В. Лукиной)[*]

Вольфгангу Штейницу удалось сделать столько основательного во многих областях его занятий, что представители соответствующих областей считают его в первую очередь «относящимся к ним». Так обстоит дело и у финно-угроведов: для них Вольфганг Штейниц был, главным образом, финно-угроведом. Во времена, когда еще не было принято выдвигать на первое место междисциплинарность, Вольфганг Штейниц сумел соединить различные области гуманитарных и социальных наук и проявил себя одновременно в научной политике, народоведении, этнологии, русистике и в упомянутом финно-угроведении.

Это тем более удивительно, что финно-угроведение считалось специальностью с необычайно широкими связями, и Вольфгангу Штейницу действительно удалось открыть в финно-угроведении многие области.

Из отдельных языков, относящихся к финно-угорской языковой семье, тремя самыми известными – венгерским, финским и эстонским – он владел активно, другими языками в основном пассивно. В финно-угроведении важны его знание русского языка, поскольку это облегчало ему доступ к финно-угорским языкам Советского Союза как в общении с носителями языка, так и в отношении литературы об этих народах и языках, изданной на русском языке.

---

[1] Статья опубликована: *Widmer A.* Am Urquell der modernen Ostjakologie // Wolfgang Steinitz. Ich hatte unwahrscheinliches Glück. Ein Leben zwischen Wissenschaft und Politik / Hrsg.: Steinitz K., Kaschuba W. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2006. S. 181–200.

[*] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-01-00139а.

1. Обские угры (ханты и манси) и их современное положение

Исходным пунктом для Вольфганга Штейница в финно-угроведении стала сравнительная народная поэзия финнов и особенно карел, чей вариант *Калевалы*, составленный в середине XIX в. Элиасом Лённротом, получил известность не только среди финно-угроведов. Однако наиболее активно изучаемой им областью были языки и культуры наиболее близких к венграм народов – остяков, или хантов (по их самоназванию), и вогулов, или манси. Оба этноса живут вблизи Урала, в Северо-Западной Сибири, в бассейне Оби, между реками Вах и Васюган на востоке, Лозьвой на западе и Ледовитым океаном на севере и поэтому называются обскими уграми[1].

Географическими условиями и расселением среди других народов – в первую очередь среди русских, коми-зырян, ненцев и татар обусловлено то, что носители обско-угорских языков живут на большой территории очень разрозненно. Этим объясняется выраженное диалектное членение их языков; некоторые исследователи говорят о различных хантыйских и мансийских «языках», так как общение между представителями различных диалектных групп практически невозможно. Разделению на диалектные группы, согласно основным научным критериям, мы обязаны Вольфгангу Штейницу; он представил действующий еще и сегодня метод диалектологии, который опирался на несколько оснований: фонетический, морфологический и лексикологический критерии. Он практически работал уже с методом изоглосс (например, в его изложении изменения хантыйских k > M и l > t) – модель, которая предполагает, что внутри языковой области появляются точечные нововведения, которые затем распространяются концентрическими образованиями, занимая большую или меньшую область.

Что же касается духовной и материальной культуры обских угров, то она, независимо от языковых и диалектных границ, относительно однородна.

---

[1] Вторая составная часть, Югра, – это историческое обозначение области, в которой жили манси и ханты, а также венгры (мадьяры). По этому географическому термину венгерский, хантыйский и мансийский языки получили название «угорские языки». В чужом обозначении *Ungar* сохранилось название *(J-)Ugra*; современная форма с *-n* основана на смешении с названием гуннов (см. также англ. *Hungarian* и т.д.) – соединение, которое по историческим причинам может быть исключено. Другая ветвь финно-угорских языков обозначается как финно-пермская (раньше – финская).

Численность обских угров составляла во времена Штейница около 27 000 чел., по переписи 1989 г. – около 33 000 чел. Их них ханты составляют почти три четверти: около 25 000 чел., вогулы – одну четверть, около 8 000 чел., при этом владение языком сильно сократилось. За 50 лет число хантов в первоначальной языковой области снизилось с 13 до 2 %, а манси с 6 до 0,6 %.

Что же касается знания родного языка, то наряду со всеобщей тенденцией, по которой старшее поколение владеет хантыйским или мансийским языком активно, среднее – пассивно, а младшее не владеет вообще, наблюдается перепад между городскими и сельскими жителями: в городах говорят почти исключительно по-русски, а в сельской местности еще частично говорят на родном языке своих предков, в том числе и дети. Очень часто встречаются смешанные браки; тогда дети говорят только по-русски[1]. Одновременно резко сократилось разнообразие диалектов.

Значительное убывание численности носителей языка имеет несколько причин. После подъема национального чувства, благодаря благоприятным мероприятиям первых лет советской власти, вскоре последовали различные репрессии, которые привели, во-первых, к ослаблению национального самосознания, во-вторых, к ограничению природных ресурсов.

1. Обучение в школе и вузе велось (и ведется) на русском языке, способствуя тем самым утрате престижа родного языка. К сожалению, это имеет не только прагматические, но и идеологические основания; представителям меньшинств во время обучения внушается, что их родной язык, якобы, не является «культурным языком», так что даже учителя с родным хантыйским и мансийским языком склоняют детей к русской речи. В интернатах, обязательных в некоторых регионах, даже наказывали физически детей, разговаривавших на родном языке. Родной язык преподается в общеобразовательной школе только как отдельный предмет и только если имеются подготовленные учителя[2].

---

[1] *Gugán K.* A nyelvváltás sajátosságai az obi-ugoroknál [Резюме доклада Е. Шмидт о ситуации с обскими уграми, сделанного в Институте языкознания ELTE (Будапештский университет) 19.02.2002] // Finnugor Világ. 2002. Március. 41–43.

[2] *Csepregi M.* Az osztjákok (hantik) általános ismertetése // Tanulmányjok a szurguti osztják kultúráról. Budapest, 1997; *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Bd. 2: Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Kommen-

2. В 1930-е гг. во вновь построенные города были насильственно переселены целые хантыйские и мансийские деревни. В настоящее время около 90 % коренных народов живут в городах и только 10 % в поселениях сельского типа.

3. Хищническая разработка ресурсов, добыча нефти и газа ведут к существенному ограничению возможностей традиционных занятий[1]. Древние отрасли хозяйства – охота, рыболовство и сбор ягод – сохраняются только при особых обстоятельствах. Число оленей в данной области в течение примерно 70 лет снизилось от 70 000 до 27 000, рыболовство сократилось примерно на две пятых, в то время как общая численность населения Западной Сибири возросла. С этим связана потеря рабочих мест (почти каждый четвертый – безработный[2]), социального престижа и социальной сети. Без сомнения, с этими факторами связана также высокая степень алкоголизации хантов и манси.

И все-таки, несмотря ни на что, появился проблеск надежды. За два последних десятилетия стали заметны тенденции к самостоятельности: была основана организация для спасения Югры, «коренные жители» создали политические программы, которые оказывают разнообразное влияние и в целом указывают на то, что обские угры находятся в новом процессе образования нации[3]. Эта активность показывает, что осознаны существенные предпосылки для сохранения обско-угорской культуры. Так, носителей языка обязательно убеждают, что забота о языке и культуре – это необходимо и хорошо; достаточно подкрепленная социальная, политическая и экономическая основа является дальнейшей предпосылкой для передачи языка и заботы о нем; и наконец, нельзя отказываться от охраны природного окружения, являющегося предпосылкой для сохранения культуры, обычаев и связанного с этим языка.

---

tare. Für die Herausgabe wissenschaftlich bearbeitet von G. Sauer und B. Schulze. Budapest; Berlin; Den Haag, 1976.

[1] *Günther M., Heidel H.-G., Wollenteit U., Hack M.* Strafanzeige gegen Verantwortliche der Firma TotalFinalElf Deutschland GmbH wegen des Verdachts der Beteiligung an Umweltstraftaten bei der Förderung und dem Transport von Erdöl aus russischen Fördergebieten insbesondere dem Ölfeld von Samotlor bei Nizhnevartovsk und Surgut in Westsibiriern (Autonomer Kreis der Chanten und Mansen) vom 29.01.2001. (www.archiv.greenpeace.de/ GP_DOK_3P/ BRENNPUN/F0011L.PDF); *Wein N.* Sibirien. Gotha; Stutgart, 1999.

[2] *Lehtinen I.* Voiko Siperiassa selvitä (Доклад на заседании Финно-угорского общества 20.09.2002 в Хельсинки).

[3] *Csepregi M.* Az osztjókok (hantik) öltalönos ismertetüse… S. 10.

2. Об этнографии и мифологии обских угров

Благодаря своему образованию, широким этнографическим и лингвистическим знаниям, а также собственным полевым исследованиям Вольфгангу Штейницу удалось по-новому и убедительно интерпретировать обширные области хантыйского и мансийского языка и культуры. Большей частью наших знаний о народной поэзии обских угров – о предпочтительной тематике, членении текстов, литературных средствах, метрических единицах и языковой характеристике народной поэзии, о социальной организации из двух фратрий[1] и не в последнюю очередь о результатах исследований русских ученых мы обязаны Вольфгангу Штейницу.

Из материалов, собранных предшественниками Вольфганга Штейница в хантоведении, вырисовывалась следующая картина: в отношении звуков хантыйский язык чрезвычайно, до странности сложен; чередования в диалектах неясны. Сами хантыйские тексты переведены надлежащим образом, за единичными исключениями, вызванными неправильной фонологической интерпретацией или неправильным переводом отдельных лексем. Отсутствовал также надежный материал по мифологии (хотя многое было собрано и опубликовано), потому что обские угры, как позднее узнал Штейниц, либо не хотели обсуждать с чужими свои священные дела, либо сами уже не знали их или, во времена Советского Союза, стыдились говорить о суевериях своих предков и отсталых родственников. Вольфгангу Штейницу удалось внести ясность благодаря тому, что он, во-первых, с помощью скрупулезного изучения текстов и прежних описаний выяснил имеющиеся лакуны и несогласования; во-вторых, долгое время контактировал со своими информантами, прежде всего с хантом Маремьяниным. С этнологической точки зрения интересно одновременное появление тотемизма и культа предков. Он объясняет это необычное смешение как результат столкновения двух народов, «из которых один […] находился на стадии тотемизма, в то время как другой обладал явно выраженным культом предков, соответственно, культом героев»[2]. Итак, можно

---

[1] Это означает, что представители этноса причисляли себя к одной из двух социальных единиц. Принадлежащие к одной из этих фратрий считались родственниками и не заключали между собой браков.

[2] *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Bd. 4: Beitrдge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Für die Herausgabe wissenschaftlich bearbeitet von E. Lang, G. Sauer und R. Steinitz. Budapest; Berlin; Den Haag, 1975, S. 103.

заключить, что в принципе не было покорения одного народа другим, а царил плюрализм.

Обские угры верили в верховного бога, но его подробного описания в фольклоре нет. Дети «верховного небесного бога» выполняли различные функции. Важная роль отводится самому младшему ребенку верховного бога – медведице, которую почитают в тотемизме обских угров. Она считается праматерью всех обских угров, поэтому медведя нельзя убивать без проведения церемоний. Имеются всеобщие божества, а также духи дома, леса, воды, земли – с местными различиями; важную социальную роль играют родовые духи. Часть нуминозных существ различается в разных диалектах обских угров только именами, а в остальном они имеют одинаковые описания и выполняют идентичные функции.

Описания и названия этих обско-угорских божеств обеспечивают большую возможность ознакомиться с техникой адаптации, которая проявляется в одновременном существовании тотемизма и культа предков. В глубоких пластах сохраняются признаки религиозных представлений многих народов. Северомансийский «*За миром наблюдающий человек*» имел до христианизации (более или менее глубокой) черты иранского *Митры*, впоследствии его приравнивали к Христу. У иртышских хантов он был «верховным духом […], ему поклонялись все остальные, даже русские боги»; по другим представлениям, он держит в правой руке бутылку с вином, в левой – табакерку, упоминается и о его склонности к мухомору. Показательно, что «*За миром наблюдающему человеку*» соответствует в западно- и восточномансийском, а также в южнохантыйском языке слово, заимствованное из татарского[1].

Несмотря на сильное чужое влияние, обские угры ни в этническом, ни в языковом, ни в духовном отношении все-таки не растворились в иранцах или впоследствии в соседних народах. Очевидно, обские угры придерживались стратегии – не отклонять чужого влияния, а интегрироваться в существующую программу.

---

[1] *Futaky I.* Etymologisches zur obugrischen Mythologie // Wusa wusa – Sei gegrüßt! Beiträge zur Finnougristik zu Ehren von Gert Sauer, dargebracht zu seinem siebzigsten Geburtstag. Hrsg. v. Helimski E./Widmer A. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 57). Wiesbaden, 2002. S. 105 etc.

3. О народной поэзии обских угров

Что касается знания литературных средств, то благодаря публикациям, вышедшим до появления трудов Штейница, создается впечатление, что богатая в количественном отношении народная поэзия обских угров будто бы качественно примитивна – как тогда выражались, оформлена без формальных средств, таких как рифма или метрика.

Многочисленные свидетельства стихотворной поэзии были записаны почти во всех районах обско-угорской языковой территории на рубеже XIX–XX вв. При этом имеются в виду эпические, медвежьи и героические песни, которые могут состоять из нескольких тысяч стихов, а также песни о зверях, духах, песни судьбы и многие другие. В медвежьих песнях они поют о жизни священного в их глазах медведя. При этом любовно описываются различные отрезки жизни медведя: его жизнь на небе, где ему со временем становится скучно, потому что он чувствует себя в одиночестве из-за ежедневных охотничьих походов его небесного отца; о его стремлении быть спущенным на землю, которую он открыл через глазок между разными слоями неба; о его путешествии на землю привязанным к концу золотой цепи, о его знакомстве с лесами и болотами, о встречах с людьми и, наконец, о «помещении в туманную хижину» – описание смерти медведя от рук обско-угорских охотников. Подобным же образом в героических песнях описываются жажда приключений и тяга к дальним странствиям подросшего героя, его выход в широкий мир, приключения, которые состоят по большей части из мести за ближайших родственников, битвы с противниками, включая завоевание города своей будущей невесты, и, наконец, о его поселении в определенном – географически реальном и еще сегодня идентифицируемом – месте, где он становится местным духом, почитаемым обскими уграми в качестве духа-защитника. Эти песни, как и множество песен зверей и духов, обычно исполняются на медвежьем празднике, чаще всего старыми мужчинами. Интересны и так называемые мухоморные песни, исполняемые шаманами и шаманками после употребления галлюциногенных грибов. В песнях судьбы излагаются индивидуальные биографии отдельных личностей, например поется о неизбежном коварстве выбора партнера в прошлом.

Певцы во время исполнения, особенно эпических песен, пользуются разновидностью речи, отличающейся от обычной; песни

являются свидетельством хорошо упорядоченной поэзии ранних времен, отточенной в языковом отношении, с явным тонким вкусом, в метрически связанной форме, со значительным импровизированием. Вольфганг Штейниц изложил свои познания в форме статей о параллелизме[1], поэтических формулах, об отдельных морфемах, появляющихся в стихотворной поэзии, и в содержательных комментариях к публикациям своих текстов[2]. При этом он остановился также на вопросе о табуированном «медвежьем языке»[3].

Наряду с песнями хорошо представлены также сказки (о животных, волшебные, героические и т.д.) и родственные им шутки, саги и т.д. При этом автохтонные мотивы переплетаются с мотивами международного фольклора. Перу Вольфганга Штейница принадлежит многое из исследований сказок, прежде всего, в комментариях записанного им хантыйского материала; он освоил работы А. Аарне и С. Томпсона и, во-первых, показал, что является международным, а что – чисто хантыйским (или обско-угорским); во-вторых, что жанры, в отличие от европейских культур, не так четко отделяются друг от друга.

Драматическую часть медвежьего праздника образуют веселые до фривольности сценки, когда переодетые мужчины входят в дом медвежьего праздника и показывают небольшие сценки, в которых оригинальным образом переплетаются повседневность и мифология.

Итак, Штейницу удалось доказать, что речь идет совсем не о примитивной, однообразной народной поэзии.

4. Успехи хантоведческой лингвистики

В центре работ Вольфганга Штейница по обско-угроведению находился язык: фонетика и грамматика обско-угорских языков. Он изучал эти языки в их связи с соседними: с коми (зырянским) –

---

[1] *Lang E.* Biographische Kohärenz in der Wechselwirkung von Philologie und (R-) Emigration // Wolfgang Steinitz. Ich hatte unwahrscheinliches Glück. Ein Leben zwischen Wissenschaft und Politik / Hrsg.: K. Steinitz, W. Kaschuba. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2006.

[2] Лучше всего доступны: *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Bd. 2: Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Kommentare. Für die Herausgabe wissenschaftlich bearbeitet von G. Sauer und B. Schulze. Budapest; Berlin; Den Haag, 1976.

[3] Ср. также: *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Bd. 4. S. 334–341.

финно-угорским языком, на котором говорили западнее обских угров; с татарским, относящимся к тюркским языкам и имеющим контакты с южными диалектами обско-угорских языков, и русским, оказавшим и продолжающим оказывать наибольшее влияние по всей языковой области.

Когда в 1934 г. в Институте народов Севера он впервые вступил в контакт с хантами, то, очевидно, был прекрасно подготовлен по фонетике и фонологии. Ему удалось объяснить фонетически и тем самым сделать пригодным для дальнейшего исследования детальные описания хантыйского языка, сделанные К.Ф. Карьялайненом, финским лингвистом, который в 1898–1902 гг. был у хантов и имел хороший слух, однако, как дитя своего времени, не был готов к фонологически точной интерпретации звуков, т.е. к различению в произношении существенных и несущественных для значения отличий[1]. Точно так же он раскрыл результаты исследований других фонетистов обско-угорских языков, таких как Б. Мункачи, С. Патканов, Х. Паасонен, Й. Папай, А. Каннисто и др., в фонологическом, а во многом и в этнографическом и филологическом отношении. Только благодаря его фонологически корректной, упрощенной транскрипции стало, например, ясно, что хантыйский язык, так же как венгерский, финский и прамансийский, является языком с упорядоченной гармонией гласных[2], т.е. что качество гласного первого слога определяет качество гласных непервых слогов, благодаря чему он появляется в двух (или более) вариантах также и в суффиксах производных слов и флексий, всегда в зависимости от гласного основного слога. Историко-фонетические и основанные на этом этимологические исследования, как и работы по исторической морфологии, тоже стали возможны только благодаря фонологизации, так же как и разработка адекватного письменного языка, который был создан Штейницем в латинице, а затем, после идеологического поворота советского правительства, в ходе которого Штейниц был абсурдно обвинен в намеренной разработке слишком сложной письменности для затруднения ликвидации неграмотности! – в кириллице. Он тщательно редактировал собственные тексты, придавал большое значение филологической точности и одновременно читабельности

---

[1] *Steinitz W.* Geschichte des ostjakischen Vokalismus (Finnisch-ugrische Studien 1). Berlin, 1950.

[2] *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Bd. 4. S. 3–4.

переводов. Комментарии, несмотря на их краткость, богаты объяснениями в различных областях: по фонетическим вариантам, по ситуациям с обозначениями, по информантам, по языковым особенностям, применяемым стилистическим средствам, по фону, в основе которого лежит особая материальная культура, по социальным импликациям, по мифологическому фону.

Поразительно, как глубоко он проник в хантыйский язык за сравнительно короткий срок: в декабре 1934 г. в Институте народов Севера он вступил в контакт с носителями остяцкого языка, записал сказки и песни. В конце июля 1935 г. он поехал в районы распространения обско-угорских языков и уже через три месяца вернулся с записями, ставшими основой для его дальнейших публикаций по остяцкому языку.

Его учебник *Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis*[1] является трудом, наиболее подходящим для вхождения в хантоведение. Небольшой по объему и ограниченный в основном одним диалектом, он очень полезен для начинающих изучение. Он дает ясное изложение фонетики и морфосинтаксиса хантыйского языка, дидактически хорошо подобранные отрывки для чтения и словарь, который содержит этимологические ссылки на другие финно-угорские языки и указывает на заимствования.

При изучении финно-угроведческих трудов Штейница бросается в глаза экономичность описаний. Без громких слов, многословных высказываний или излишних метарассуждений сочинения Штейница постоянно обнаруживают ясную, стройную структуру. Начинающий спрашивает себя, приходилось ли ему бороться с трудностями, которые обычно преодолевают начинающие, – какая логическая структура подходит лучше всего, насколько детально следует изложить свои мысли, сколько потенциальных контраргументов нужно предварительно опровергнуть, какую насыщенность должен иметь текст, чтобы не стать ни слишком избыточным, ни слишком насыщенным. И если он все-таки писал: «Сюда относится также другое критическое замечание в рец[ензии] П. Лако […]. Он цитирует мою формулировку: “3 редуцированные гласные неопределенной степени открытости (например, *о* […])” и говорит: “Что здесь обозначает ‘например’, ав-

[1] *Steinitz W.* Ostjakische Grammatik und Chrestomatie mit Wörterverzeichnis. 2. verb. Auflage. Leipzig, 1950.

тор не говорит”. – ‘Например’ должно указывать на то, что написание ш […] и т.д. ввиду иррелевантной степени открытости является безразличным, не имеющим значения. […] но я счел бы необходимым это объяснить»[1], то дело скорее в том, что он хотел пойти навстречу своим коллегам, у которых было другое мнение относительно исторического языкознания[2].

Рукописные статьи и рабочие экземпляры Штейница показывают, как точно и систематически рассматривал он материал словно под лупой. В его заметках, сделанных во время полевых исследований, имеются многочисленные комментарии, такие как «совершенно ясно» (например, о фонетических единицах), «проверено», примечания о вариантах, которые используются информантами с различной скоростью речи в разных ситуациях или моментах. Все это говорит об очень тщательном подходе и при публикации его сочинений; только от соответствующих метазамечаний он избавляет читателя. Такой подход характерен для всей его деятельности. Без громких слов он излагает результаты своих размышлений, не обременяя читателя детальными высказываниями о пути, который ему пришлось пройти.

5. Яблоко раздора: финно-угорский вокализм

Фонологические описания Штейница привели его к изучению истории звуков. На основе признаков (гармония звуков, переход *k*>М в окружении гласных заднего ряда и т.д.) Вольфганг Штейниц набросал картину истории хантыйского и мансийского языков[3], которая в сфере происхождения языка и междиалектной сфере до настоящего времени модифицирована только в деталях. Так, еще и сегодня восточнохантыйский язык по многим значениям считается самым архаичным диалектом хантыйского, южномансийский по многим пунктам – самым архаичным диалектом мансийского, как это комментировал Штейниц, однако без догматического провозглашения древним всего, что свойственно этим диалектам. Штейниц точно описал, какие диалекты в каких областях обнаруживают новшества, а в каких сохранили архаичные черты – отнюдь не три-

---

[1] *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Bd. 4. S. 275, 2.

[2] Вероятно, рецензент понял *etva’*например’ как *приблизительно*.

[3] *Steinitz W*. Geschichte des ostjakischen Vokalismus…; *Idem*. Geschichte des wogulischen Vokalismus. (Finnisch-ugrische Studien 2). Berlin, 1955.

виальный взгляд для того времени. Так, при сверке своего труда «История финно-угорского вокализма» он пишет о финском языке:

«Тот факт, что финский язык за последние 2000 лет, со времени принятия древнейших германских заимствований, мало изменился в звуковом отношении, конечно, ничего не говорит о предыдущих временах. Хорошо знакомый нам финно-угорский консонантизм, как известно, изменился в финском очень существенно, сильнее, чем в каком-либо другом финно-угорском языке. Итак, с точки зрения доныне сомнительного финно-угорского вокализма, финскому языку априори нельзя придавать больше значения, чем какому-нибудь другому финно-угорскому языку»[1].

Особое внимание он уделял чередованию гласных, выступающему в определенных морфологических категориях обско-угорских языков, чем оба эти языка отличаются от других финно-угорских языков. При этом он пришел к выводу, что имеющее место в восточнохантыйском языке в основном качественное чередование полных долгих гласных и, соответственно, полных кратких гласных представляет собой, с одной стороны, неполные редуцированные гласные, с другой стороны, также и в обско-угорских языках ту основу, из которой затем в мансийском языке образовалась синхронная, главным образом, количественная система чередования гласных, в которой, благодаря различному развитию звуков, гласные средней степени открытости, но различной долготы чередуются друг с другом и тем самым создают образец для других случаев чередования[2].

Теория чередования гласных Вольфганга Штейница вызвала много шума. Чередование гласных, так считал Штейниц, могло бы быть первоначально и на других ступенях финно-угорских языков. Основание для этого дали парные фразеологизмы в венгерском (*h**a**l* ‘умирать’ ~ *h**o**l-t* ‘умерший’; *v**a**la* ‘был’ ~ *v**o**l-t* ‘бывший’; ***a**l-szik* ‘спать’ ~ ***o**l-t* ‘гасить’ = ‘вести ко сну’) и финском (*p**a**laa* ‘гореть (непереход.)’ ~ *p**o**l-ttaa* ‘гореть (переход.); оставлять гореть’) и не в последнюю очередь кажущиеся нерегулярные соответствия гласных во всевозможных финно-угорских языках. Штейниц намеревался проверить свою гипотезу о чередовании гласных на отдельных финно-угорских языках. Горячий методологический спор раз-

---

[1] *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Bd. 4. S. 256.

[2] Важные возражения, относящиеся ко времени после Штейница, принадлежат Л. Хонти и Е. Хелимскому.

вернулся по вопросу пермской и марийской (черемисской) исторической фонетики, которую известный финский финно-угровед Еркки Итконен пытался объяснить с помощью так называемого «необусловленного расщепления»[1]. Штейниц критиковал этот образ действий как круговой, так как условия для различного развития одного и того же звука постулировались из результата.

Не в последнюю очередь из-за этих разногласий у Штейница в финно-угроведении были не только друзья. Немногие осознают, что Штейниц уже в середине 1960-х гг. пересмотрел обратную проекцию обско-угорского чередования гласных на прафинно-угорский язык: на подготовительной стадии II Международного конгресса финно-угроведов (1965) он публично сообщил о своем понимании того, что его прежнее предположение не подтвердилось: признаки чередования гласных в других финно-угорских языках остались единичными случаями, которые можно объяснить спорадическим развитием:

«Относительно финно-пермских языков я в своей статье, вышедшей в 1944 г., предполагал, что количество приведенных там мною случаев чередования гласных “несомненно может быть значительно увеличено специалистами по этим языкам […]”. Я не мог полагать, что я, как не специалист по этим языкам, при первой попытке […] должен был найти все имеющиеся чередования гласных. Но мои ожидания не оправдались. Специалисты не нашли других доказательств. Если это не изменится и в дальнейших исследованиях, то мои соответствующие построения по финно-пермским языкам следует исправить»[2]. Действительно, последующими исследованиями не выявлено других признаков подобного чередования гласных в исходном финно-угорском языке[3]. Соответственно, противоречива оценка трудов Штейница и в кругу современных специалистов по финно-угроведению: с одной стороны, как это часто

---

[1] *Itkonen E.* Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen // Finnisch-Ugrische Forschungen 31. Helsinki, 1954.

[2] *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Bd. 4. S. 275.

[3] Попытка Хартмута Катца подтвердить теорию Вольфганга Штейница в своей докторской диссертации об индо-иранских заимствованиях в финно-угорских языках не может считаться удачной (несмотря на использование материала, которое говорит об очень хороших знаниях в области как финно-угорских, так и индо-германских языков).

бывает в истории исследований, так же и с Вольфгангом Штейницем – исследователя на основании оспоренной теории складывают в выдвижной ящик научного интермеццо». С другой стороны, бесспорно, что он – несмотря на критику коллег его научных сочинений и его (к сожалению, вызывающих возражения и в этом контексте) политических представлений – еще и при жизни по праву считался крупным финно-угроведом. Многие его результаты передаются как естественное состояние знаний в нашей специальности, и в сознании научного сообщества не фиксируется, что мы обязаны этим Штейницу.

Сотый день рождения дает нам желанный повод вновь обратить взор на заслуги Штейница в других областях, кроме финно-угорского вокализма.

6. Значение Вольфганга Штейница для хантоведения

Благодаря моему тогдашнему академическому учителю Хартмуту Катцу (1943–1996), которому самому не было суждено учиться у Штейница, но который в определенной степени рассматривается как ученик Штейница, так как он тщательно изучал его труды и был признан в соответствующих областях, я сразу, с первого семестра своего обучения, т.е. с семнадцати лет, столкнулась с трудами Вольфганга Штейница. Основой для преподавания хантыйского языка в Мюнхене была его уже упомянутая *Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis*[1].

Из первой встречи с Хрестоматией Штейница у меня появилось со временем все более детализируемое представление о его трудах. Я отнюдь не собиралась развивать свои знания о финно-угроведении по сферам деятельности Штейница, и все-таки получилось, что я снова и снова соприкасалась с его трудами, невзирая на то, что с течением времени уделяла свое внимание тому или иному направлению.

Вряд ли случайно, что долгие годы я вообще не думала о Вольфганге Штейнице как о человеке, занималась только его трудами. Он в своих работах полностью отодвигал свою личность на задний план – очевидно, для него речь шла только о деле, а не о его незаурядности, собственных знаниях или заслугах. Его труды излучали спокойствие, концентрированность и целеустремленность, что и в научной литературе встречается лишь изредка. Во время подго-

[1] *Steinitz W.* Ostjakische Grammatik und Chrestomatie mit Wörterverzeichnis…

товительного этапа к моей магистерской работе над текстами из научного наследия Штейница я с большим почтением рассматривала копии его рукописных заметок, которые мне дружески выслал Герт Зауер – несомненно, самый продуктивный ученик Штейница из «Берлинской группы», работавшей над DEWOS (*Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*)[1]. Еще более волнующей была встреча, во время получения ученой степени доктора наук, с картотекой из наследия Штейница, в которой находились заметки в виде собрания карточек по поэтическим формулам хантыйского языка. На карточках были также дополнения и корректура, из которых можно было видеть, что Штейниц постоянно вынимал свои работы и критически пересматривал. Очевидно, он делал это и с уже опубликованными работами, в которые добавлял чистые листы и снова отдавал в переплет, чтобы можно было внести свои дальнейшие размышления, исправления и т.д. – привычка, говорящая о систематической проверке, которая в такой форме также непривычна для ученых.

Прошло почти десять лет занятий финно-угроведением, прежде чем в один из дней у меня возникла мысль повесить фотографию Вольфганга Штейница в своем кабинете финно-угорского семинара в Гёттингенге – это был единственный портрет исследователя, который там висел; незаметно и его личность также закрепилась в моем сознании. Возможно, из-за его ранней смерти я долго, до 100-летия со дня его рождения, не отдавала себе отчета в том, что все-таки для меня эта не-трансцендентальная личная связь – насколько это возможно с умершим – была явно противоречивой: вплетенная в DEWOS между столбцами 224 и 225 страница с датой смерти Вольфганга Штейница, в остальном пустая, почти ежедневно показывала мне, что он умер за полгода до моего рождения, и это придавало мне, очевидно, рационально едва ли исполнимое, провоцирующее скрытую ярость чувство, что он для меня «упущен», тем более, когда при работе над хантыйским материалом постоянно появлялись вопросы, на которые он, по всей вероятности, мог бы ответить, если бы у него было время.

В день коллоквиума к 100-летию Штейница, организованного Эвалдом Лангом в Берлинской Бранденбургской академии наук, я

---

[1] *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch des ostjakischen Sprache. Unter Mitarbeit von L. Böhnke, G. Sauer und B. Schulze. Berlin, 1966–1973.

вдруг задумалась над тем, что никого не удивляло, но для меня стало своего рода открытием: Штейниц был не только ученым, но и личностью и оставил след помимо своих трудов. Коллеги, ученики, двое его детей и другие члены семьи присутствовали на коллоквиуме и подтверждали, что за все годы моего виртуального знакомства перед моим внутренним взором был не кто-то наподобие Зандмана или Шерлока Холмса, а реальный человек «со своей землей и водой», компетенцией, идеалами, человеческой силой и слабостью, чувством ответственности и очевидно необычным шармом. Между тем я спрашивала себя, передается ли исходившее от него удивительное излучение – часто описываемое людьми, которые знали его лично, – не только через его потомков, с которыми я смогла познакомиться на коллоквиуме, но также и через его научные труды. Чем бы это ни было – силой притяжения личности Вольфганга Штейница, проникающей причудливыми путями, или научным качеством его трудов, реализованным благодаря его одаренности, работе, воодушевлению наукой и объектом его исследовательских интересов, – но и через сорок лет после его смерти, в наше быстротекущее время ни один путь не ведет мимо его трудов по хантыйскому и мансийскому языкам.

III. СИБИРЯКИ И СИБИРСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

В.Н. Большаков

РОЛЬ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Освоение азиатской части России – многосложный процесс, имевший особенные черты, но подчинявшийся общим закономерностям. Наиболее рельефное проявление последних – миграции населения в связи с разными формами относительного перенаселения в коренной, издавна заселенной части страны в период, который принято называть эпохой капитализма. Миграции населения явились объективно необходимым условием социально-экономи-ческого развития окраины, постепенного ее подтягивания до общероссийского уровня. В притоке населения нуждались абсолютно все области жизни края. Естественно, в преимущественно аграрной России подавляющее большинство переселенцев поглощало сельское хозяйство, а меньшая часть поступала в сферу неземледельческих индустриальных (в широком смысле слова) занятий, т.е. в промышленность, строительство, торговлю, горнодобывающую отрасль, на транспорт и т.д.

В научной литературе преимущественное внимание обращено на аграрные переселения. При этом крестьянские переселения в азиатскую часть страны изучены даже лучше, чем аналогичные переселения на другие окраины. Между тем, как это справедливо отметил Б.В. Тихонов, автор монографии о переселениях в России, социально-экономическая значимость неземледельческих переселений крайне велика, так как они способствовали вовлечению населения в сферу наиболее развитых и зрелых социально-экономических отношений[1]. Б.В. Тихонов обработал данные переписи

[1] См.: *Тихонов Б.В.* Переселения в России во второй половине XIX в.: По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978. С. 3–4.

населения, проведенной в 1897 г., использовал материалы паспортной статистики, т.е. его работа отражает результаты переселений в России за ряд предшествующих десятилетий. Отчасти поэтому хронологические рамки настоящей статьи ограничиваются концом XIX – началом XX в. В значительной же мере обращение к этому периоду обусловлено научно-исследовательской проблематикой, привлекавшей наше внимание раньше[1].

Миграционные процессы являлись необходимым условием формирования рынка наемного труда и тем самым создавали почву для социальной мобильности населения, его дифференциации. Объективной причиной, вызывавшей миграционные процессы в России, выступали пролетаризация населения и связанное с ней относительное перенаселение. Различие форм относительного перенаселения обусловливало и многообразие форм миграций. Скрытое перенаселение характеризовалось наличием относительно избыточного населения, жившего крестьянским трудом. Главнейшие проявления миграций сельского населения в России – это сельскохозяйственный и несельскохозяйственный отход на заработки, аграрные переселения и переселения индустриального характера в процессе обращения крестьян к несельскохозяйственным занятиям. По мере экономического развития страны все отчетливее выступало текучее перенаселение (безработица промышленных рабочих), а также застойное перенаселение (наличие главным образом городских и сельских ремесленников, не имевших регулярных заработков).

Существование при капитализме относительно избыточной части трудового населения во всех ее формах – это одна из закономерностей, отмеченных марксистским учением[2]. С высоты времени можно спорить по поводу политических выводов в данном отношении и особенно в связи с неудачным опытом перевода их в практическую плоскость, реализацией в России. Однако в экономическом плане данная закономерность представляется аксиомой, получающей подтверждение в основных чертах и в настоящее, постсоветское время (нетрудоустроенность, обнищание значительной части населения и т.п.).

---

[1] См.: *Большаков В.Н.* Роль миграций населения в процессе формирования рынка индустриального труда в Сибири в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1982. 20 с.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 30 т. М., 1960. Т. 23. С. 645–646, 655–659.

В конце XIX – начале XX в. относительное перенаселение в России достигло огромных размеров. Число «лишних рабочих рук» в сельской местности в 1900 г. составляло 23 млн чел., в 1913 г. – 30 млн чел[1]. Известная часть этой резервной рабочей силы перераспределялась из трудоизбыточных районов в слабозаселенные, осваиваемые. В рассматриваемое время именно азиатская часть России, и Сибирь в первую очередь, представляла главный район поступления трудовых ресурсов.

Имеющиеся в этом отношении данные рисуют отчетливую картину обращения к наемному труду крестьян-переселенцев на родине до их прибытия в Сибирь. В частности, в 1895 г. специальной переселенческой статистикой была детально обследована достаточно репрезентативная группа переселенцев, состоявшая из 6,9 тыс. хозяйств или семей[2]. При этом выяснилось, что не обращались к заработкам по найму только в 19,3 % хозяйств, но и среди последних более половины совмещали земледелие с промыслами. Конечно же, эта группа хозяйств давала в основном ремесленников. Еще нагляднее характеризует отрыв от земли остальная большая часть (80,7 %) семей рассматриваемого переселенческого потока. Все эти хозяйства имели отношение к наемному труду и поставляли на рынок рабочей силы 12,2 тыс. чел. Заметную часть этой группы хозяйств (14 %) составляли семьи, «не имевшие запашки». Таким образом, данные специального обследования служат наглядной иллюстрацией относительного перенаселения в России, имевшего следствием переселение за Урал. Вообще же, заключая этот пример, необходимо подчеркнуть, что свыше половины рассматриваемых хозяйств (3,6 тыс.) обращались к неземледельческим заработкам, поставляли рабочую силу на рынок индустриального труда еще на родине.

В целом отмеченная тенденция имела необратимый характер, поскольку и на местах вселения новоселы обращались, где это было возможно, в первую очередь к неземледельческим заработкам. В частности, в отчетах и донесениях чиновников отмечалось в отношении переселенцев, направлявшихся на Алтай: «…значительное

---

[1] См.: *История* СССР с древнейших времен до наших дней. М.,1968. Т. 6. С. 304.

[2] См.: 1895 год: Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный в 1895 году статистическим переселенческим отрядом. М., 1898. Т. 1, ч. 2. С. 218, 232–236.

большинство, не будучи прочно связано с землей, не имея средств обзавестись необходимым хозяйственным инвентарем, поправляется плохо и постепенно увеличивает собой массы городского пролетариата…». Только в мещанское общество Барнаула и только в 1899 г. приписались 3,2 тыс. переселенцев. Отмечалось аналогичное причисление в мещанские общества существовавших городов – Бийска, Омска и др. и вновь возникавших, например Новониколаевска (Новосибирска). Обращалось внимание на то, что указанный контингент мещан пополняется исключительно из переселенцев[1]. Значительное число переселенцев устраивалось в сибирских городах, оставаясь в крестьянском сословии. По сведениям Томского губернского статистического комитета, на 1 января 1914 г. из 370,7 тыс. чел., населявших города губернии, 153,9 тыс. (41,5 %) составляли крестьяне[2]. Следовательно, социальный статус последних был формальным, не соответствовал действительному.

Рост численности городского населения Сибири происходил намного быстрее, чем в целом по стране. Историк А.Г. Рашин, изучавший вопросы народонаселения и формирования рабочего класса, представил динамику численности населения наиболее крупных городов России. Приведенные исследователем данные показывают, что с 1897 по 1914 г. население Омска увеличилось в 3,6 раза (с 37,3 до 134,8 тыс. чел.), Томска – в 2,2 раза (с 52,2 до 114,7 тыс. чел.)[3]. По темпам роста среди городов России Омск занял первое место и Томск – третье. Следует отметить, что в поле зрения автора попали не самые быстрорастущие города Сибири, поскольку крупными городами в то время считались те, численность населения которых составляла не менее 100 тыс. чел. Статистические данные за почти тот же период (1897–1911 гг.) свидетельствуют, что в Новониколаевске население увеличилось в 8,3 раза (с 8,5 до 70,6 тыс. чел.), в Чите – в 6,4 раза (с 11,5 до 73,1 тыс. чел.) и т.д.[4]

---

[1] РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 391. Оп. 2. Д. 352. Л. 521; Д. 776. Л. 54; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 371. Л. 260.

[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 33. Л. 110.

[3] См.: *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 93.

[4] См.: *Рост* сибирских городов // Сибирская жизнь. 1913. 11 сент.; *Музыкин А.П.* Предварительная записка к проекту Барнаул-Красноярской железной дороги. Красноярск, 1916. С. 27.

Рост численности городского населения – главный, но не единственный показатель формирования несельскохозяйственной, индустриальной части населения и рынка наемного труда соответственно. Существовали целые отрасли народного хозяйства, которые в административно-территориальном отношении не были всецело связаны с городами, т.е. функционирование этих отраслей происходило вне тесной зависимости от городских поселений. Это железнодорожный транспорт с его многочисленными пристанционными поселками, водный транспорт, плавсостав которого в течение навигации находился на судах и в затонах, горнодобывающая промышленность с ее таежными рудниками и приисками и т.д. Точно так же главный, но не единственный миграционный поток представляло переселявшееся в азиатскую часть страны крестьянство. Конечно, не крестьяне, а кадровые рабочие и служащие из Европейской России составили костяк отряда железнодорожников с проведением Транссибирской магистрали. Кроме крестьянских переселений, имели место прямые и скрытые, самостоятельные и по контрактам миграции рабочих за Урал. Известную административную категорию представляли ссыльнопоселенцы, сплошь и рядом вынужденные искать заработки.

Размеры прямых межрегиональных миграций рабочих зависели от ряда причин, главные из которых – потребность в рабочей силе, внешне- и внутриполитическая обстановка в стране, цикличность хозяйственно-экономического развития. В целом с середины 90-х гг. XIX в. и до Первой мировой войны налицо несомненная тенденция к возрастанию миграционного потока рабочих в Сибирь. Об этом свидетельствует увеличение емкости рынка рабочей силы в регионе, выразившееся в применении наемного труда. Так, по коллективным подсчетам исследователей, в 1897 г. в несельскохозяйственной сфере занятий в Сибири насчитывалось около 230 тыс. рабочих, а в 1913–1914 гг. 487,8 тыс.[1], т.е. менее чем за два десятилетия рынок наемного труда в Сибири увеличился более чем в два раза.

Какие же районы Европейской России отпускали наибольшее число рабочих для сибирского рынка труда? Выявление основной арены миграций рабочих в Сибирь позволяет связать формирование рынка труда в регионе с аналогичным процессом по стране в целом. Удобный однородный материал для определения основной арены выхода рабочих за Урал представляют данные их регистра-

[1] См.: *Рабочий* класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 185, 298.

ции в Челябинске в 1899–1907 гг.[1] Это вполне представительный источник, поскольку специальным обследованием были охвачены 64,1 тыс. чел. Материалы переселенческой статистики показывают, что в рассматриваемый период миграционным театром являлась практически вся европейская часть страны, но размеры переселений из тех или иных губерний за Урал существенно различались. Необходимо поэтому принимать в расчет в первую очередь губернии, давшие средний и выше среднего выход рабочих. В соответствии с этим критерием основной район переселений рабочих за Урал составляли соседние с Сибирью или расположенные поблизости от нее губернии (76,2 % рассматриваемого потока):

Вятская	Нижегородская
Симбирская	Пензенская
Самарская	Уфимская

С учетом некоторых дополнительных данных эпицентр миграций рабочих из этого района составляли губернии: Вятская, Симбирская и Нижегородская (32,4 %). К основному району примыкали второстепенные: Костромская губерния (2 %) и Саратовская (1,9 %). Еще один второстепенный район составляли более отдаленные украинские губернии: Полтавская, Киевская и Черниговская (8,8 %). Перечисленные 14 губерний поставляли за Урал подавляющее большинство рабочих – 86,6 %.

Значение основного района, отпускавшего рабочих за Урал проявляется и при анализе их территориального состава в той или иной отрасли хозяйства. Например, по переписи речников Обь-Иртышского бассейна в 1901 г., охватившей значительную часть плавсостава (более 3 тыс. чел.), прибывшие из Европейской России составили 57,3 %. Из них Вятская губерния дала 45,3 % и Пермская – 6,9 %[2]. Эти данные по территориальному составу не расходятся с предыдущими, так как необходимо иметь в виду специализацию населения тех или иных мест в определенном роде занятий, что приводило к образованию постоянных квалифицированных кадров рабочих, преемственности, складыванию трудовых

---

[1] Характеристику источника см.: *Большаков В.Н.* О размерах миграций в Сибирь рабочих из Европейской России в период империализма // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск, 1980. С. 96–99.

[2] *Служащие* на паровых и непаровых речных судах Европейской России и бассейнов рек Оби и Амура: По переписи 1901 г. СПб., 1904. Табл. 2. С. 86–91.

династий и т.п. Формировались своего рода традиции, в силу которых население таких мест обращалось преимущественно к одному виду занятий. В Вятской губернии рабочих и служащих для речного транспорта поставляли, в частности, большие села Истобенское и Слудка. Удельный вес выходцев из тех или иных губерний, по отдельным отраслям труда, различается, но в совокупности на рынке индустриального труда в целом основная арена выхода рабочих за Урал определялась такими факторами, как уровень экономического развития, демографический и географический.

Как показывают приведенные данные по территориальному составу проходивших в Сибирь рабочих, основной выход давали великорусские и частично украинские губернии. Славянская составляющая процесса освоения азиатской части страны имела превалирующее значение. По некоторым оценкам, в конце XIX – начале XX в. рост населения в Сибири и на Дальнем Востоке осуществлялся на три четверти за счет механического движения населения, т.е. путем переселений[1]. Особенное ускорение этот процесс получил с вводом в эксплуатацию Транссибирской железнодорожной магистрали и проведением в жизнь аграрной политики П.А. Столыпина. В 1906–1914 гг. за Урал переселилось 3 млн чел. К 1917 г. население Сибири с Дальним Востоком составило почти 11 млн чел.[2] Для освоения азиатской части страны такие масштабы по своему значению сравнимы с Великим переселением народов. Далеко не всегда народное стремление к поиску «земли обетованной» находило поддержку власти предержащей. Совсем не случайно писал в этой связи известный переселенческий статистик Д.М. Головачев: «…можно наблюдать, как не только без всякого содействия и поощрения, но и при полном пренебрежении и косвенном противодействии живая человеческая волна двигалась и размещалась в разных пунктах в зависимости от условий момента и с какими затруднениями создавалась жизнь там, где до сего времени было полное безлюдье»[3].

---

[1] См.: *Борзунов В.Ф.* К вопросу об экономическом значении Сибирской железной дороги в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 103.

[2] См.: *Воробьев В.В.* Формирование населения Восточной Сибири: (Географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 147.

[3] *Солдатов В.В.* Железнодорожные поселки по Забайкальской линии: (Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года. С предисловием и под ред. Д.М. Головачева). СПб., 1912. Т. 5, ч. 1. С. 2.

Н.И. Наумова

ПОЛЯКИ-ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ В ОСВОЕНИИ ТРАНССИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX в.)

Со второй половины XIX в. Сибирь вступила в период интенсивного хозяйственного развития. Рост промышленного производства поставил вопрос о форсированном транспортном освоении ее. Завершение строительства Транссибирской магистрали усилило политические, экономические и культурные связи Сибири с Центральной Россией. В 1896 г. была сдана в эксплуатацию Западно-Сибирская железная дорога от Челябинска до Новониколаевска (1422 км). Среднесибирская железная дорога от Оби до Иркутска (1899 км) сооружена в 1899 г. Сквозное железнодорожное сообщение от Челябинска до Тихого океана было открыто в 1916 г.

Великая Сибирская магистраль в административном отношении делилась на Сибирскую (от Челябинска до станции Иннокентьевской), Забайкальскую (от Иркутска до Сретенска с веткой до Маньчжурии), Амурскую (от станции Куенты до Хабаровска), Уссурийскую (от Владивостока до Хабаровска с веткой до станции Пограничная). В 1915 г. произошло разделение Сибирской дороги на Омскую и Томскую. Магистраль пролегала по западной части Оренбургской губернии, южной – Тобольской, северной – Акмолинской области, северной – Томской и проходила через южную часть Енисейской губернии и далее продолжалась до Тихого океана.

Построенная Транссибирская железная дорога в кратчайшие сроки вытеснила остальные виды транспорта и заняла ведущее место в развивающейся экономике Сибири. После открытия движения на железной дороге Сибирь приобрела значение важнейшего рай-

она крестьянской колонизации, способствовала росту населения Сибири. Возросший поток переселенцев привел к расширению посевных площадей, развитию скотоводства, товарного маслоделия. С 1901–1905 гг. по 1911–1915 гг. посевные площади Сибири выросли с 4,8 млн десятин до 7,6 млн Увеличился грузооборот. В 1895 г. из Сибири за границу было вывезено 5 тыс. пудов сливочного масла, в 1905 г. – свыше 5 млн. В 1907 г. из Сибири отправлялось сырья на 134 млн руб., а ввозилось промышленных товаров на 214 млн руб.[1] Возросла перевозка пассажиров. В 1897 г. перевезено 609 тыс. чел., в 1900 г. – 1,25 млн, в 1912 г. – 3 млн.

Сибирская магистраль повлияла на увеличение добычи угля, что было вызвано потребностями железной дороги, на развитие лесного дела и других отраслей. Сибирская железная дорога оказала большое влияние на развитие торговых отношений с другими государствами и особенно с Китаем. Магистраль сделала доступными богатые сырьевыми ресурсами районы. Наряду с ввозом и вывозом груза она выполняла функцию транзитного пути. Через Сибирь везли с востока на запад чай, табак, рыбу, спирт. Железная дорога с сетью депо и мастерских (сборочных, вагонных, кузнечно-литейных, слесарно-токарных) была крупнейшим предприятием. Кроме того, имелись мосты, сторожевые дома, казармы и дома артельных старост и дорожных мастеров, пассажирские здания, склады для товаров, водокачки, которые требовали постоянного обслуживания. На протяжении всего этого периода увеличился парк вагонов и паровозов. Только за 1906–1908 гг. было приобретено 2155 тыс. паровозов[2].

Крупными и технически наиболее оснащенными предприятиями были паровозо- и вагоноремонтные депо и мастерские в Тюмени, Кургане, Петропавловске, Омске, Новониколаевске, Тайге, Томске, Красноярске, на станции Иланской, в Канске, Нижнеудинске, Зиме, Иркутске, Верхнеудинске, Чите, Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Имане, Харбине, Владивостоке и ряде других станций. Для сборки получаемых из США паровозов и вагонов во Владивостоке в годы Первой мировой войны были построены большие железнодорожные мастерские, где работало до 6 тыс. чел.[3]

К 1917 г. население Сибири составило около 11 млн чел. Наемных рабочих здесь насчитывалось 600 тыс. чел., значительную часть их

---

[1] См.: *Залужная Д.В.* Транссибирская магистраль. М., 1980. С. 25.
[2] См.: Там же С. 29.
[3] См.: Там же. С. 52.

составляли промышленно-транспортные рабочие. В 1913 г. 18,9 % из них представляли железнодорожные рабочие. На Сибирской железной дороге перед Первой мировой войной имелось 45,9 тыс. чел. обслуживающего персонала, на Забайкалькой – 22,7 тыс., Китайско-Восточной – 12,1 тыс., Амурской – 18,7 тыс., Уссурийской – 6,8 тыс.[1]

Вместе с самой дорогой развивалась социальная инфраструктура – жилье, школы, библиотеки, больницы, церкви. Медицинское обслуживание было поставлено достаточно основательно. Дорога была разделена на 27 врачебно-санитарных участков. Врачи освидетельствовали служащих, членов их семей, заболевших пассажиров. В ведении старшего врача дороги находилась специальная санитарно-гигиеническая лаборатория, осуществлявшая анализ воды, источников водоснабжения, продуктов, напитков. Открывались инфекционные больницы. В распоряжении участковых врачей были фельдшеры, дезинфекторы, акушерки. На станциях и поездах имелись аптечки и носилки. К 1910 г. Сибирская дорога располагала пятью больницами на крупных станциях. В них насчитывалось от 20 до 80 коек. На маленьких станциях открывались «больнички», где число коек не превышало 15. Строились специальные «холерные» бараки[2]. В 1901 г. на озере Карачи открылся курорт для лечения профессиональных болезней железнодорожников.

Должное внимание уделялось подготовке кадров, которых обучали в технических классах, железнодорожных училищах, на телеграфных курсах. Строились школы для детей железнодорожников. В 1911 г. в ведомстве Управления железных дорог по Сибири обучалось 6720 детей, из которых 367 (5,46 %) являлись детьми католиков[3]. В 1899 г. в Томске открылась библиотека Сибирской железной дороги. Ее отделения имелись на всех крупных станциях. К 1911 г. в ней насчитывалось около 30 тыс. книг и 26 тыс. единиц периодических изданий[4].

Число работников железных дорог Сибири в 1916 г. достигало 93,5–95,5 тыс., в 1917 г. – 108–111 тыс., из них рабочих в мастер-

---

[1] *Мухин А.А.* Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1918 гг.). М., 1972. С. 159.

[2] *Вековой* путь на службе Отечества: Страницы истории Западно-Сибирской железной дороги. Новосибирск, 2001. С. 56.

[3] *Очерк* развития и деятельности Сибирской железной дороги за время с 1900 по 1910 г. Томск, 1912. С. 46.

[4] *Вековой* путь… С. 56.

ских в 1913 г. – 14,2 тыс., в 1917 г. – 22,2 тыс.[1] Осенью 1917 г. в Омских мастерских и депо трудилось до 5 тыс. чел., в Красноярске – свыше 3 тыс.[2], увеличилось их количество и на Томской железной дороге, что было вызвано возрастанием объема ремонтных работ износившегося подвижного состава.

Кадры квалифицированных железнодорожных рабочих комплектовались из железнодорожников и металлистов Европейской России. В начале эксплуатации на Сибирскую магистраль было командировано значительное число железнодорожников с Балтийской, Петербуржско-Варшавской, Псковско-Рижской, Орловской, Екатеринославской, Харьково-Николаевской, Рязано-Уральской и других железных дорог страны. В дальнейшем источником пополнения кадров железнодорожников становятся члены семей рабочих и низших служащих[3].

Наиболее опытным железнодорожникам доверялось провести первые поезда на вновь построенных ветках дорог и мостах. Так, машинист Г.И. Заневский одним из первых водил поезда по железнодорожному мосту через реку Обь у Новониколаевска.

Разнообразие районов выхода обусловило многонациональный состав железнодорожников. В 1910–1913 гг. среди постоянных рабочих и служащих русских было 92 %, татар – 1,4 %, литовцев и латышей – 1 %, все остальные (евреи, немцы, армяне, эстонцы, казахи, китайцы, корейцы и др.) составляли 1,6 %[4].

На территории Сибири самую большую группу железнодорожников после русских составляли поляки – до 4–6 % служащих. В конце XIX в. на Сибирской железной дороге трудилось 932 католика из 8 тыс. служащих (10,4 %)[5]. В январе 1910 г. работало 1440 поляков (6,59 %), а всего католиков – 1508 (6,9 %)[6]. Представление о количестве работавших поляков только на одном участке Сибирской магистрали даёт «Список служащих службы пути римского католического вероисповедания, проживавших в пределах Степного генерал-губернаторства на 20-е августа 1911 г.» (см. Приложение). Некоторые из них были

---

[1] *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири 1917 г. Новосибирск, 1969. С. 51.

[2] Там же. С. 69.

[3] *Мухин* А.А. Рабочие Сибири… С. 141.

[4] Там же. С. 146.

[5] *Очерк* развития и деятельности Сибирской железной дороги… С. 33.

[6] Там же. С. 34.

приглашены из европейской части России. В частности, после постройки Забайкальской железной дороги возникла острая необходимость в машинистах. С Привислинской железной дороги были приглашены машинисты Д.Я. Шиманский и Домбровский[1]. Притоку железнодорожников-поляков способствовала политика царской администрации. Так, в результате национализации в 1912 г. Варшавско-Венской железной дороги были уволены тысячи поляков-железнодорожников[2]. Это вынуждало их искать новые места работы, в том числе и в Сибири, где они были востребованы как хорошо подготовленные профессионалы.

Поляки работали в различных структурах на всех участках железной дороги. В 1911 г. на территории Степного генерал-губернаторства (от станции Зырянка до станции Белый Яр) трудилось 16249 железнодорожных служащих, из которых католики составляли 6,8 % (1105 чел.). В том числе в службе пути – 5,2 % (159 из 3052), в службе тяги – 8,44 % (542 из 6419), в службе движения – 9,76 % (246 из 2519), на телеграфе – 5,81 % (33 из 568), в бухгалтерии – 5 % (7 из 140), во врачебной части – 7,18 % (17 из 237), в материальной службе – 6,15 % (16 из 260), в лаборатории – 60 % (3 из 5), в службе сборов – 4,41 % (15 из 340), в коммерческой части – 5,42 % (7 из 129), в юридической – 8 % (2 из 25), в школьном отделе – 1,41 % (1 из 71), в механическом отделе – 12,5 % (12 из 170) и сооружениях второго пути – 7,06 % (12 из 170)[3]. Они работали инженерами, начальниками и помощниками начальников участков пути, дорожными мастерами, артельными старостами, ремонтными рабочими, путевыми и мостовыми сторожами, слесарями, плотниками, машинистами, токарями, кочегарами, котельщиками, смазчиками, осмотрщиками, проводниками и др.

В это же время достаточное количество католиков (преимущественно поляков) обслуживало отдельные участки железной дороги. Например, на Курганском участке тяги их было 45 из 656 штатных сотрудников[4], на Петропавловском – 22 из 241 штатных и 33 поденных из 476[5], на Омском – 42 штатных из 352 и 28 поденных

---

[1] Железнодорожник. 1908. 10 дек. № 248–46. С. 1–2.

[2] *Островский Л.К.* Численность, состав и размещение поляков в Сибири (1890–1930-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 75.

[3] Государственный архив Томской области. Ф. 215. Оп. 2. Д. 39. Л. 6–6 об. (Далее – ГАТО).

[4] Там же. Л. 16–16 об.

[5] Там же. Л. 19 об. – 20.

из 434[1], на Каинском – 28 из 560[2], на Новониколаевском – 33 из 692[3], на Боготольском – штатных 37 из 253, поденных – 34 из 318[4]. В депо Томска из 176 чел. железнодорожного персонала 28 являлись католиками[5], в главных мастерских Омска из 1521 служащего 122 принадлежали католическому вероисповеданию[6]. Следует отметить, что подавляющее большинство католиков составляли поляки.

Поляки-железнодорожники, специалисты с высшим образованием, были востребованы и в других областях. В первые годы после открытия Томского технологического института на преподавательские должности приглашались инженеры, сотрудники Управления Сибирской железной дороги и Томского округа путей сообщения. Среди них были инженеры путей сообщения Е.И. Владовский, С.Ф. Марцынкевич, М.Н. Олтаржевский[7].

В ноябре 1899 г. были изданы Правила о допущении женщин к занятиям в управлении железных дорог, где им предоставлялось не более 20 % мест. Циркулярные распоряжения 1900 и 1903 гг. расширили арену деятельности женщин на железной дороге. На Сибиркой магистрали стали работать женщины-католички: телеграфистками, сторожами, конторщицами, счетоводами. Как свидетельствуют архивные источники, на участке железной дороги от станции Зырянка до разъезда Белый Яр на должности конторщиц были приняты Меткевич Мария, Юсикевич Лидия[8], Григорьева Янина[9], Длугопольская Анна, Иванова Мария, Небосклонова Леонтина[10] и др., телеграфистками работали Милицис Регина, Скавинская Антонина, Захаревич Эмилия, Пиотровская Юлия, Туварт Антонина, Некраш Христина, Равинская Софья[11] и др. Трудились сторожами Яголковская Мария, Чернявская Валерия, Васильева Ма-

---

[1] ГАТО. Л. 23–23 об.

[2] Там же. Л. 25–25 об.

[3] Там же. Л. 29–29 об.

[4] Там же. Л. 35–35 об.

[5] Там же. Л. 37–37 об.

[6] Там же. Л. 40–41.

[7] См.: *Лозовский И.Т., Моисеенко Н.Б., Офицеров В.В.* «Польский след» в Томском политехническом университете // Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1999. С. 143.

[8] ГАТО. Ф. 215. Оп. 2. Д. 39. Л.43–44.

[9] Там же. Л. 57 об.

[10] Там же. Л. 62.

[11] Там же. Л. 49.

рия, Беликович Елена[1] и др. Служили они также обойщицами, чистильщицами, фельдшерами, санитарками.

Согласно циркуляру Министерства путей сообщения от 15 апреля 1906 г. количество женщин, принимаемых в конторы Управления дорог, не должно было превышать 10 % общего числа служащих в данном учреждении. В годы Первой мировой войны в апреле 1916 г. были утверждены новые правила, которые разрешали увеличить прием женщин на должности кассиров, весовщиков, проводников, сторожей, уборщиц. К концу года около 25 % путевой и мостовой стражи и около 10 % чернорабочих составляли женщины[2]. Специальным циркуляром Управления железных дорог от 19 апреля 1908 г. на железнодорожную службу разрешалось принимать женщин врачей и фельдшериц. Таким образом, это позволило увеличить количество профессий на железной дороге с использованием женского труда. Достаточно много поляков-врачей мужчин работало по всей Сибирской железной дороге. В частности, от станции Зырянка до разъезда Белый Яр состояли на должности фельдшеров А.Б. Билевич, И.Б. Лепницкий, Э.Ф. Витковский, И.Р. Адамский, И.К. Вашкевич, Ф.В. Макаревич, В.В. Борусевич, В.А. Витковский, Ф.И. Обукович, И.И. Родзевич, Ф.А. Миньчевский, врач А.С. Кузьмицкий[3].

Всего же в 1908 г. на железных дорогах России работало около 30 тыс. женщин. 10,3 % телеграфистов составляли женщины. Более всего они были заняты в охране пути – почти 50 % (21 105 из 55 660). Сторож обязан был следить за состоянием железнодорожного полотна, телеграфа и проходить в сутки не менее 16 км Оклад у мужчин сторожей составлял 177 руб. в год, а у женщин 41 руб. Меньше они получали и на других должностях. Женщины-врачи в железнодорожных больницах получали 2/3 зарплаты врача-мужчины. В первые годы функционирования Сибирской магистрали здесь трудилось не более 2 % женщин, а в 1913–1914 гг. – около 7 %[4].

Труд на железной дороге был сложен, тяжел, требовал особого внимания, специальной подготовки. Не случайно сибирские железные дороги работали с неполными штатами. В среднем ежегодно

---

[1] ГАТО. Ф. 215. Оп. 2. Д. 39. Л. 14–14 об., 10 об.

[2] *Вековой* путь… С. 62–63.

[3] ГАТО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 39. Л. 55–56.

[4] Железнодорожник. 1908. 25 дек. № 280–48. С. 3–5; *Мухин А.А.* Указ. соч. С. 144.

не хватало до 10 % рабочих и служащих[1]. И это несмотря на то, что заработная плата у железнодорожников была более высокой, чем у представителей многих других профессий, а штатные работники имели ряд льгот, получали пособия на погребение, крещение детей, на лечение и проезд. Например, в 1904 г. получил 4 руб. на крещение сына Юлиана ремонтный рабочий Людвиг Шинковский, 5 рублей на крещение сына Валентина – ремонтный рабочий Станислав Дылейко при окладе 218 руб.[2] 24 руб. было выдано на погребение жены Стефании конторщику Михаилу Кавецкому, который работал с 1897 г., имел оклад 720 руб. в год и у которого на иждивении было 3 дочери[3].

Самоотверженный труд железнодорожников был особо востребован в военное время. В годы Русско-японской войны Сибирская магистраль выполняла важную роль в перевозке военных грузов. На Забайкальской железной дороге особенно отличились в 1904 г. инженеры-поляки: начальник службы пути И.В. Лесневский и начальник службы тяги С.И. Твардовский. С их помощью была выполнена главная задача военного ведомства – ускорение военных перевозок за счет перекатки вагонов и паровозов по льду озера Байкал. И.В. Лесневский предложил вместо шпал укладывать на льду пластины, чтобы рельсы не скручивались. В результате под руководством И.В. Лесневского и С.И. Твардовского было переправлено свыше 2 тыс. вагонов и 65 паровозов. Паровозы переправлялись в облегченном виде – со снятыми котлами и тендерами. Затем шла их сборка на станции Танхой, тоже под руководством инженера-поляка.

В эти годы железнодорожники-поляки с Варшавско-Венской дороги были командированы в Сибирь. Самоотверженно работали кондукторы-поляки, отличаясь исполнительностью и аккуратностью на службе[4]. Железнодорожников-поляков постоянно представляли к государственным наградам за служебные отличия. В частности, в декабре 1894 г. за успешное производство работ по всей линии Западно-Сибирской железной дороги, давшее возможность открыть на

---

[1] *Земеров Б.И.* Динамика заработной платы железнодорожников Сибири (1900–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 102.

[2] ГАТО. Ф. 214. Оп. 1. Д. 38. Л. 258 об. – 259.

[3] Там же. Л. 265–266.

[4] См.: *Усов Н.А.* Поляки на сибирских железных дорогах // Железнодорожник. 1908. № 252–20. С. 8–9.

первом ее участке временную эксплуатацию через два года, начальник работ инженер К. Михайловский просил представить к награде начальника Управления по сооружению Сибирской железной дороги нескольких отличившихся работников, в том числе начальника участка инженера путей сообщения Антона Здзярского (орден св. Анны 3-й степени), производителя работ по постройке моста через Ишим Антона Литвинского (орден св. Станислава 3-й степени), начальника дистанции инженера путей сообщения Казимира Барткевича, начальника дистанции инженера путей сообщения, производителя работ по постройке моста через Иртыш Станислава Ольшевского (орден св. Станислава 3-й степени), начальника участка инженера путей сообщения Александра Конопчинского (орден св. Анны 3-й степени)[1].

Еще более сложной была ситуация на дороге в Первую мировую войну, когда промышленность перешла на выполнение военного заказа и обслуживала фронт. По этой причине сократились поставки новых паровозов и вагонов, железнодорожным служащим приходилось увеличивать грузоподъемность вагонов и платформ. Все же и тогда в Сибири продолжалось железнодорожное строительство, проводились ремонтные работы на транспорте.

К 1916 г. железнодорожные перевозки выросли более чем на треть по сравнению с 1914 г. за счет нещадной эксплуатации технических средств, введения новых линий (Кольчугинской и Алтайской в 1914–1915 гг.) и ужесточения дисциплины[2]. Война отразилась и на составе железнодорожных рабочих. Число их в мастерских сократилось из-за призыва в армию и отправки из тыловых в прифронтовые районы. В частности, на Забайкальской железной дороге в армию призвали 1260 рабочих (до 42 % рабочей прослойки службы пути)[3]. Призывали не только чернорабочих, но и слесарей, кузнецов, других квалифицированных работников и мастеров.

С возрастанием роли Сибирской магистрали в связи с войной призыв железнодорожников сократился уже в 1916 г. Правительство приняло меры к обеспечению дорог рабочей силой. Широко привлекали беженцев, вербовали рабочих из других районов. Возросло количество женщин-работниц на железных дорогах Сибири. По данным управления Томской железной дороги, в службе пути в апреле

---

[1] *Вековой* путь… С. 73–74.

[2] См.: Там же. С. 62.

[3] См.: *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири… С. 68–69.

1917 г. женщины составляли 25,7 % путевой и мостовой стражи, более 10 % чернорабочих. В 1917 г. увеличилось число добровольно пришедших на работу поляков, эвакуированных из прифронтовых зон[1]. В этот период возросла роль Владивостокских железнодорожных мастерских, которые отправили с военными припасами более 12 тыс. большегрузных вагонов[2]. На службу во временные мастерские принимались поляки в качестве и рядовых работников, и ответственных руководителей. Здесь работало 111 поляков (8 % всего состава). В апреле – мае 1919 г. было принято еще 19 чел.[3]

Особенно трудным был период Гражданской войны, когда вместе со всем хозяйственным механизмом стала разрушаться железнодорожная система. Поезда курсировали без всякого расписания, вагоны приходили в негодность, мастерские и депо работали в авральном режиме, угля не хватало, не обеспечивалась должным образом безопасность движения. В Боготольском депо, например, осенью 1919 г. стояло 30 пустых или замороженных паровозов, на рельсах образовался лед. Для приведения их в порядок сюда направили чешских железнодорожников[4].

На Омской ветке количество обслуживаемых поездов уменьшилось в 2 раза, на Томской и Забайкальской – в 1,5[5]. Ощущался недостаток разнообразных сплавов, материалов, вагонов, что сказывалось на перевозке войск, военных и казенных грузов. Особенно остро стояла проблема нехватки паровозов. Часто железнодорожное полотно разрушалось партизанами.

Роль железных дорог в период Гражданской войны была чрезвычайно важной. Вооруженные силы противоборствующих сторон и основные военные столкновения привязывались во многом к линиям железных дорог. Особенно это относилось к Сибири из-за ее огромных пространств. Правительства, действовавшие в регионе в 1917–1920 гг., осознавали важность восстановления нормальной деятельности этой отрасли хозяйства.

Транссибирская магистраль имела огромное экономическое, военное и политическое значение. Контроль над ней позволял держать все связи Сибири с Европейской Россией и внешним миром,

---

[1] См.: *Зольников Д.М.* Рабочее движение в Сибири… С. 73, 75.

[2] См.: *Дмитриев Н.И.* Министры-путейцы // Белая армия. Белое дело. 2002. № 10. С. 91.

[3] См.: Эхо. 1919. 1 июня.

[4] См.: *Вековой* путь… С. 88.

[5] См.: *Дмитриев Н.И.* Министры-путейцы… С. 92, 93, 96.

что понимали и советские, и антибольшевистские правительства, и союзники, организовавшие интервенцию на территории России.

Для улучшения работы железных дорог Сибири и увеличения производительности труда управляющий Министерством путей сообщения Сибирского правительства Г.М. Степаненко ввел систему сдельной и премиальной оплаты труда служащих, мастеровых и рабочих. При советской власти существовала окладная система. Стало действовать временное положение об увеличении на 100 % выдаваемых инвалидам пенсий, упорядочилась охрана железных дорог, были выработаны правила реквизиции на станциях скоропортящихся грузов.

Политика министерства была направлена на скорейшее восстановление магистрального хозяйства, поддержание и развитие существовавших и строившихся железных дорог Сибири, что сделать было достаточно трудно, особенно в прифронтовой полосе. Длина железнодорожной сети восточных районов в этот период составляла 14 708 км (на долю фронта приходилось 1800 км), общее количество паровозов равнялось 3159[1].

Л.А Устругов, министр путей сообщения Временного правительства, предложил усилить снабжение дорог необходимыми материалами, заказать за границей подвижной состав и техническое оборудование, развивать в техническом отношении станции и водоснабжение, в перспективе ввести диспетчерскую систему, число служащих и рабочих привести в соответствие с нормальной производительностью труда, восстановить единоличную ответственность в системе управления и др.

Контролирующие охранные функции пытались взять на себя союзники (Англия, Франция, США), а также Япония. Был создан Междусоюзный железнодорожный комитет (МЖК), состоявший из представителей держав, которые имели военные силы в Сибири, под председательством Л.А. Устругова. В его состав входили технический совет и совет по воинским перевозкам. Охрана дорог была «вверена союзным военным силам», в первую очередь США. Техническая эксплуатация железных дорог находилась под контролем американского инженера Дж. Стивенса. Он мог назначать помощников и инспекторов, командировать группы железнодорожных специалистов на самые важные станции. Власть таким образом пыталась решить задачу «по восстановлению русского транспорта», предполагая, что только путем «организации правильной рабо-

[1] См.: *Дмитриев Н.И.* Министры-путейцы… С. 96.

ты железных дорог Россия может возродить свое благосостояние и вернуть себе надлежащее место в ряду остальных стран мира»[1].

Самостоятельное значение приобрел вопрос о кадрах. Г.М. Степаненко и Л.А. Устругов предложили ряд мер, направленных на улучшение жизни обслуживающего персонала, от которого зависела во многом эффективность работы всей железной дороги. Они включали своевременную оплату труда, переход на сдельную оплату, что должно было поднять производительность труда и заинтересовать работников в его результатах[2].

Подобные меры были необходимы, поскольку ухудшилась не только материальная основа дорог, но и жизненные условия, финансовое положение железнодорожников и их семей из-за роста цен на промышленные и продовольственные товары, нехватки или исчезновения ситца, спичек, чая и других товаров первой необходимости.

На территории, подчинявшейся белогвардейским правительствам, разрешалось создание профсоюзов служащих и рабочих железной дороги, не запрещена была деятельность различных национальных организаций. В эти годы поляки имели различные национальные сообщества в поселках, уездных и губернских городах Сибири, включая организации железнодорожников. Так, в 1918 г. в Харбине существовал Союз поляков – служащих КВЖД. В 1919 г. в Красноярске (накануне Первой мировой войны здесь проживало 3958 поляков)[3] действовал Союз поляков-железнодорожников[4]. Подобную организацию предполагалось создать в Верхнеудинске, где в 1914 г. поселилось около 350 поляков, 200 из которых являлись железнодорожниками и членами их семей[5]. В 1910 г. поляки составляли почти половину работавших на станции Верхнеудинск[6].

Поляки-железнодорожники принимали активное участие в жизни польских общин, способствовали созданию Польских гмин для решения культурных и экономических проблем польского населения Сибири. В частности, в Красноярске и Верхнеудинске поляки-

---

[1] *Колчак* и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. Владивосток, 1995. С. 129–130.

[2] См.: *Дмитриев Н.И.* Министры-путейцы… С. 94–97.

[3] См.: *Островский Л.К.* Численность, состав и размещение… С. 76.

[4] См.: Вестник Маньчжурии. 1918. 27 февр.; Енисейский вестник. 1919. 5 (18) мая, (26) 9 мая.

[5] См.: *Поляки* в Бурятии. Улан-Удэ, 2003. С. 101–102.

[6] См.: Там же. С. 105.

железнодорожники участвовали в их образовании. В марте 1919 г. в создании Верхнеудинской польской гмины приняли участие машинисты Забайкальской железной дороги Феликс Войцицкий, Антон Шишко, Болеслав Рыдзевский, старшие слесари депо Станислав Бусс, Ян Крушинский, Томаш Кендзерский, слесарь депо Карл Коцемба, бывший начальник станции Дивизионная Мечислав Шестаковский, заведующий конторой службы тяги Иосиф Вайцеш, а также жены машинистов Мария Рыдзевская и Констанция Левко[1].

На положение поляков-железнодорожников Сибири оказывал воздействие и такой фактор, как образование независимого Польского государства. В этот период по всей Сибири создаются Польские военные комитеты (ПВК) и Польские национальные комитеты (ПНК), которые пытались брать на себя консульские обязанности по защите интересов сибирских поляков, рассматривая их как граждан Польши. Руководители этих организаций считали себя чиновниками Польского государства, находившимися на правительственной службе и выполнявшими указания власти.

Польское государство нуждалось в квалифицированных специалистах и через своих эмиссаров на местах – в первую очередь ПВК и ПНК – пыталось организовать возвращение на родину поляков-железнодорожников, число которых на Сибирской магистрали продолжало оставаться достаточно большим. Польское правительство потребовало прибытия на службу на польские железные дороги 500 опытных железнодорожных служащих из числа находвшихся в Сибири и на Дальнем Востоке[2]. Появились сообщения и о том, что польские власти призвали вернуться на родину всех поляков-железнодорожников[3].

В Министерство путей сообщения Временного правительства поступили массовые ходатайства от поляков об увольнении их со службы на российских железных дорогах. Это вызвало обеспокоенность российской администрации, поскольку наносило ущерб местному железнодорожному хозяйству, нарушая работу мастерских, поездных бригад из-за потери квалифицированных кадров.

Польский национальный комитет в Забайкалье обратился к полякам-железнодорожникам с предложением зарегистрироваться у уполномоченных ПНК с целью отправки на польские железные

---

[1] См.: *Поляки* в Бурятии… С. 104–105.

[2] См.: Отечественные ведомости. 1919. 28 мая; *Поляки* в Бурятии… С. 105–106.

[3] См.: Русь. 1919. 9 авг.

дороги, что предполагалось сделать после освобождения от большевиков железнодорожной магистрали Вологда – Петербург[1].

В свою очередь, ПВК предложил создать Союз поляков-железнодорожников для регистрации и отправки с Польшу и защиты общих интересов. В соответствии с этим эмиссар ПВК г. Верхнеудинска М. Шостаковский обратился со специальным заявлением ко всем полякам-железнодорожникам от станции Мысовая до станции Мозгон «срочно организовать просимые союзы» и отправить ему списки всех железнодорожников-поляков, включая в них сведения о роде службы, семейном положении, возрасте, месте рождения. При невозможности их организации он предлагал каждому явиться к нему для регистрации или подать письменные заявления[2].

Уже в марте 1919 г. в Омске был образован реэмиграционный Союз поляков-железнодорожников, желавших возвратиться в Польшу. Председателем правления на учредительном собрании избрали А.И. Ижицкого (служба пути), его заместителем и казначеем К.Р. Голавского (канцелярия управления дороги), секретарем – Л.Р. Боровского (главный бухгалтер). Членами правления стали Л.Р. Турецкий (главный мастер) и М.С. Савицкий (главный мастер)[3]. Все это свидетельствовало о том, что возвращаться хотели работники всех железнодорожных служб.

Представители ПВК пытались защитить интересы поляков-железнодорожников, выражая протесты по поводу арестов русскими военными властями польских железнодорожных служащих без уведомления ПВК. Специальные письма отправлялись в МИД колчаковского правительства, главнокомандующему союзными войсками Сибири генералу Жанену, американскому эмиссару Моррису, комиссару Великобритании сэру Элиоту, доверенному Чехословацкой Республики майору Кошеку с требованием при эвакуации польских железнодорожников военными властями не оставлять на местах без защиты их семьи и эвакуировать их вместе с главами семейств[4].

---

[1] См.: *Поляки* в Бурятии… С. 107.

[2] См.: Там же. С. 105–106.

[3] См.: Наша заря. 1919. 19 марта.

[4] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 200. Оп. 1. Д. 166. Л. 28–28 об.

Окончательно вопрос о возращении поляков на родину был решен после заключения в марте 1921 г. Рижского мирного договора. Это был длительный и сложный процесс массового возвращения поляков, когда репатриировались сначала бывшие военные, а затем – гражданские лица. И вновь особенно востребованными стали железнодорожники, поскольку Россия передала Польше по этому договору в общей сложности 555 паровозов, 695 пассажирских и 16 959 товарных вагонов[1].

В целом следует отметить, что поляки достаточно хорошо интегрировались в хозяйственную жизнь России на этапе ее индустриального становления, внесли значительный вклад в развитие железнодорожного транспорта Сибири, испытывая при этом все перипетии изменений в общественно-политической жизни страны, когда их судьбы кардинально менялись, особенно это касалось периода Первой мировой и Гражданской войн.

Приложение

Список служащих службы пути римско-католического вероисповедания, проживавших в пределах Степного генерал-губернаторства на 20-е августа 1911 г.[2]

Инженер для технических занятий Эрдман Антон Антонович, **помощник секретаря** Доманский Эварест Михайлович, **чертежник** Буяльский Вячеслав Антонович.

Начальники участков пути: Клочковский Евгений Евгеньевич (нач. 5 уч.), Морский Антон Владиславович (нач. 6 уч.), Питон Иосиф Маврикиевич (нач. 10 уч.).

Помощники начальников участков пути: Протасевич Роман Хризостомович (помощ. нач. 4 уч.).

Счетоводы: Марциновский Зигизмунд Францевич (старш. сч. упр.), Юшкевич Юлиан Владиславович (счет. упр.), Озембловский Владислав Антонович (счет. упр.), Грамзе Казимир Иосифович (счет. упр.), Смяловский Владислав Александрович (счет. 6 уч.).

---

[1] См.: *Широкорад А.Б.* Утерянные земли России: от Петра I до Гражданской войны. М., 2006. С. 164.

[2] ГАТО. Ф. 215. Оп. 2. Д. 39. Л. 8–11 об.

Смотрители зданий: Герцог Михаил Юлианович (смотр. зд. 2 уч.), Ляхович Бронислав Антонович (смотр. зд. 4 уч.).

Конторщики: Юркевич Бронивлав Людвигович (контор. упр.), Поплавский Александр Петрович (контор. упр.), Зайончкоский Павел Людвигович (контор. упр.), Долмат Иван Юлианович (контор. упр.).

Старшие дорожные мастера: Гриневич Людвиг Станиславович (старш. дор. маст. 2 уч.), Дзенциоловский Иосиф Мартинович (старш. дор. маст. 7 уч.), Плюро Петр Петрович (старш. дор. маст. 10 уч.), Видковский Михаил Антонович (старш. дор. маст. 11 уч.).

Дорожные мастера: Рабальчик Степан Михайлович (дор. маст. 4 уч.), Носко Иосиф Ипполитович (дор. маст. 4 уч.), Эймонт Иосиф Зигизмундович (дор. маст. 5 уч.), Лясота Юрий Иванович (дор. маст. 6 уч.), Янкевич Владислав Ксавельевич (дор. маст. 7 уч.), Милашь Онуфрий Бернатович (дор. маст. 11 уч.), Бернатович Юлиан Петрович (дор. маст. 11 уч.), Гржибовский Юлиан Антонович (дор. маст. 13 уч.), Новак Владислав Михайлович (дор. маст. 13 уч.), Василевский Казимир Иосифович (дор. маст. 15 уч.), Банбан Ян Касперович (дор. маст. 29 уч.).

Артельные старосты: Бесман Адам Михайлович (арт. ст. 2 уч.), Бесман Александр Михайлович (арт. ст. 2 уч.), Пиотрович Бронислав Станиславович (арт. ст. 3 уч.), Малевич Антон Иванович (арт. ст. 3 уч.), Бузановский Антон Петрович (арт. ст. 4 уч.), Синкевич Иннокентий Иосифович (арт. ст. 4 уч.), Белба Петр Александрович (арт. ст. 5 уч.), Ягелло Болеслав Осипович (арт. ст. 5 уч.), Грико Степан Иванович (арт. ст. 5 уч.), Горецкий Флориан Викентьевич (арт. ст. 6 уч.), Загаевский Людвиг Михайлович (арт. ст. 6 уч.), Барановский Казимир Францевич (арт. ст. 7 уч.), Рудковский Станислав Степанович (арт. ст. 7 уч.), Солярж Андрей Казимирович (арт. ст. 7 уч.), Богушевич Эзехиель Эузебиушевич (арт. ст. 8 уч.), Здановский Станислав Антонович (арт. ст. 13 уч.), Круминь Мартин Егорович (арт. ст. 13 уч.), Квятковский Иосиф Антонович Круминь Иван Егорович (арт. ст. 13 уч.), Прозво Иван Фомич, Крумень Иван Егорович (арт. ст. 13 уч.), Банковский Станислав Янович (арт. ст. 14 уч.), Круковский Нарцис Антонович (арт. ст. 14 уч.), Василевский Гавриил Зиновьевич (арт. ст. 15 уч.), Петрашкевич Адам Антонович (арт. ст. 29 уч.), Кампан Станислав Игнатович (арт. ст. 29 уч.).

Ремонтные рабочие: Высоцкий Константин Семенович (рем. раб. 2 уч.), Кгекило Николай Владимирович (рем. раб. 2 уч.), Рых-

лицкий Яков Осипович (рем. раб. 2 уч.), Бузановский Франц Петрович (рем. раб. 3 уч.), Эльксин Иосиф Николаевич (рем. раб. 3 уч.), Белба Петр Александрович (рем. раб. 5 уч.), Олекевич Александр Игнатьевич (рем. раб. 5 уч.), Бигуль Зигизмунд Осипович (рем. раб. 6 уч.), Кавинский Осип Адамович (рем. раб. 6 уч.), Шипаковский Людвиг Петрович (рем. раб. 6 уч.), Жогарь Иван Павлович (рем. раб. 7 уч.), Солярж Владимир Андреевич (рем. раб. 7 уч.), Банбан Антон Яковлевич (рем. раб. 8 уч.), Ивановский Владимир Юлианович (рем. раб. 8 уч.), Кош Павел Иустинович (рем. раб. 8 уч.), Куколь Адам Казимирович (рем. раб. 8 уч.), Шпаковский Станислав Иосифович (рем. раб. 11 уч.), Каменский Август Готфридович (рем. раб. 11 уч.), Эйсмонт Иван Николаевич (рем. раб. 11 уч.), Шидловский Антон Николаевич (рем. раб. 12 уч.), Шидловский Викентий Степанович (рем. раб. 12 уч.), Желепенис Адольф Филиппович (рем. раб. 12 уч.), Велично Степан Осипович (рем. раб. 13 уч.), Гржибовский Николай Донатович (рем. раб. 13 уч.), Кундель Станислав Иосифович (рем. раб. 13 уч.), Курсиш Август Егорович (рем. раб. 14 уч.), Малевич Осип Мартинович (рем. раб. 15 уч.), Макаревич Николай Семенович (рем. раб. 15 уч.), Свидрицкий Константин Михайлович (рем. раб. 15 уч.), Филиппенок Осип Антонович (рем. раб. 15 уч.), Ластовский Франц Павлович (рем. раб. 15 уч.), Кручас Антон Иванович (рем. раб. 16 уч.), Соколко Игнатий Мартинович (рем. раб. 29 уч.), Лясота Иван Антонович (рем. раб. 29 уч.)

Путевые сторожа: Надольский Иосиф Михайлович (пут. ст. 2 уч.), Чигинский Иван Варфоломеевич (пут. ст. 2 уч.), Валюк Казимир Михайлович (пут. ст. 3 уч.), Олекевич Степан Игнатьевич (пут. ст. 5 уч.), Домбровский Мартин Казимирович (пут. ст. 6 уч.), Ширин Карл Антонович (пут. ст. 6 уч.), Юрас Марциян Марциянович (пут. ст. 6 уч.), Жогарь Павел Филиппович (пут. ст. 7 уч.), Климчук Михаил Казимирович (пут. ст. 7 уч.), Карло Иосиф Францевич (пут. ст. 7 уч.), Ходзько Адам Матеушевич (пут. ст. 7 уч.), Бутан Алаизий Бернардович (пут. ст. 8 уч.), Дельвер Ян Станиславович (пут. ст. 8 уч.), Карапольский Казимир Викентьевич (пут. ст. 8 уч.), Калпуш Даниил Адамович (пут. ст. 8 уч.), Кадыш Осип Осипович (пут. ст. 8 уч.), Лоч Виктор Иванович (пут. ст. 8 уч.), Пилецкий Иван Викентьевич (пут. ст. 8 уч.), Гломбиевский Станислав Фелексович (пут. ст. 10 уч.), Княв Андрей Андреевич (пут. ст. 13 уч.), Пуке Иван Петрович (пут. ст. 13 уч.), Дереченник Матвей Осипович (пут. ст. 14 уч.), Жамойтин Осип Михайлович (пут. ст.

14 уч.), Кроман Евсей Иванович (пут. ст. 14 уч.), Кисляк Альбин Людвигович (пут. ст. 15 уч.), Шлейдерис Петр Иванович (пут. ст. 15 уч.), Глембоцкий Андрей Степанович (пут. ст. 15 уч.), Глембоцкий Антон Степанович (пут. ст. 15 уч.), Глембоцкий Фелициан Осипович (пут. ст. 15 уч.), Июзефович Михаил Петрович (пут. ст. 15 уч.), Юзафович Юрий Юрьевич (пут. ст. 29 уч.), Рабша Адам Томашевич (пут. ст. 29 уч.), Ивуль Андрей Донатович (пут. ст. 29 уч.), Утынан-Звидра Якуб Магулевич (пут. ст. 29 уч.), Рабша Донат Томашевич (пут. ст. 29 уч.).

Переездные сторожа и сторожихи: Устинович Франц Иосифович (пер. стор. 4 уч.), Забаровский Доминик Иванович (пер. стор. 6 уч.), Зданович Иван Викентьевич (пер. стор. 6 уч.), Липский Иван Петрович (пер. стор. 7 уч.), Стримич Алексей Яковлевич (пер. стор. 7 уч.), Красовский Мамерт Тимофеевич (пер. стор. 8 уч.), Шилиник Иван Казимирович (пер. стор. 8 уч.), Шилиник Мария Фаддеевна (пер. ст-ха), Барило Виталий Станиславович (ст. 10 уч.), Ярос Иосиф Викентьевич (ст. 12 уч.), Ярос Елизавета Устиновна (ст-ха), Княв Эда Гансовна (ст-ха 13 уч.), Пуке Дарта Яновна (ст-ха 13 уч.), Лях Осип Осипович (пер. стор. 14 уч.), Рудко Константин Алоизович (пер. стор. 14 уч.), Жамойтина Мария Августовна (ст-ха), Вирганович Станислав Антонович (пер. стор. 15 уч.), Ластовка Павел Станиславович (пер. стор. 15 уч.), Ластовка Елена Венедиктовна (ст-ха), Глембоцкая Адель Петровна (ст-ха), Данилович Анна Петровна (ст-ха 29 уч.), Данилович Антон Августович (пер. стор. 29 уч.), Шпилевский Сильвестр Осипович (пер. стор. 29 уч.).

Сторожа контор участка: Брылевский Ян Бореславович (стор. конт. 2 уч.).

Ночные сторожа: Скуя Франц (ночн. стор. 13 уч.).

Мостовые сторожа: Кекер-Урбан Иван Игнатьевич (мост. стор. 6 уч.).

Мостовые слесари: Тимук Петр Юрьевич (мост. слес. 5 уч.).

Столяры: Зелинский Феофил Андреевич (столяр 5 уч.).

Садовники: Гославский Петр Леонардович (садов. 15 уч.).

Банщики: Соленик Григорий (банщ. 9 уч.), Авзин Донат Францевич (банщ. 15 уч.).

Плотники: Горецкий Вацлав Осипович (плотн. 15 уч.).

Е.В. Иванцова

ТОПОНИМИЯ РУССКОГО СТАРОЖИЛА СИБИРИ: ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА*

Антропоцентрическая парадигма языкознания, выдвинувшая на первый план научных изысканий проблему исследования языка в его связи с человеком, ставит перед лингвистами глобальные задачи изучения реальных носителей языка во всем многообразии их типов – от представителей элитарной речевой культуры до рядовых говорящих. Представляется, что особое внимание при этом должно быть уделено носителям местных говоров, поскольку именно диалектная языковая личность является первоосновой русской национальной личности[1].

Учеными Томской лингвистической школы феномен языковой личности диалектоносителя изучается уже на протяжении четверти века. Отличительной особенностью предпринятого ими масштабного проекта является анализ данного социолингвистического типа через идиолект конкретного представителя традиционного сибирского старожильческого говора. Объектом наблюдения послужила речь В.П. Вершининой (1909–2004) – русской, малограмотной, всю жизнь прожившей в с. Вершинино Томского района Томской области (33 км от областного центра). Текстовый архив, отражающий дискурс информанта, сформирован в процессе включенного наблюдения над языковым существованием информанта в 1981–2004 гг. и насчитывает свыше 10 тыс. страниц. Ком-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-04-64403 а/Т.

[1] См.: *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие. М., 2001. С. 77.

плексное исследование речи сибирского старожила включает его отражение в системе разноаспектных словарей, выявление особенностей строения текста, метаязыкового сознания, системы концептов, характера лексикона, грамматикона, а также реконструкцию языковой картины мира[1].

Как показывают предварительные наблюдения, ономастикон индивида дает важные сведения для выявления специфики типа языковой личности говорящего в целом и особенностей его мировидения в частности. В данной работе топонимия диалектной языковой личности рассматривается как источник изучения пространственных представлений носителя народной речевой культуры.

1. Социализация индивида как условие развития языковой личности предполагает усвоение человеком определённой системы знаний и представлений об окружающей его действительности, в том числе – знаний и представлений о географических объектах. У диалектоносителя при отсутствии формирующего научные взгляды образования они складываются стихийно и отражаются в наивной картине мира.

Топонимия индивида формируется на базе узуальной топонимической системы, вбирая в процессе развития языковой личности актуальные для данного индивида элементы из ее различных подсистем.

Первичной базой формирования лексикона является исконная для субъекта форма существования национального языка.

Часть топонимов усваивается носителем традиционного старожильческого говора в процессе овладения родным диалектом. Объекты номинации в данном случае известны диалектоносителю из личного опыта. Большинство местных топонимов знакомо информанту с детства: *Всё бегали… бегали к Сухой речке [в Троицу], туды́, де ко́нплекс – веночки вили да… В реку пускали. Если утонет, дак умрёшь; И собирались все. Мы в Горёвке на своей, а там Садо́ва там где, около дома, как уж приют какой-то был, а-а… там. На горке, там собир**а**лись, а в тем краю т**о**же; Там березни́к был на Ела́ни на Ла́ринской. Бере́знику дополна́ было, ой! дополна́. А он большой… сена там только один стог ставили, однако, два ли…*

[1] См. обзоры: *Иванцова Е.В.* Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Филология. 2006. № 291. С. 5–11; *Томская* диалектологическая школа: Историографический очерк. Томск, 2006. С. 157–164.

сеять мало сеяли там, а это, бере́знику много было. А тут паи были на Ни́жном – хоро-оши, ой! таки́ травы ра́зны (из воспоминаний о молодости и времени единоличного хозяйствования). В более поздний период жизни информанта эта группа пополняется отдельными официальными и неофициальными наименованиями новых улиц и частей села, которые так и не переходят в активное употребление.

На протяжении всей жизни лексикон личности обогащался единицами иных топонимических подсистем: урбанонимами Томска, географическими наименованиями населённых пунктов Среднего Приобья, России и других стран. Большинство их являются общерусскими, отдельные топонимы (прежде всего в томской топонимике) типичны для городского просторечия.

Состав топонимов идиолексикона расширяется за счет нескольких источников:

а) обогащения личного опыта индивида. Ряд топонимов пополнил лексикон диалектоносителя в процессе освоения некоторой области жизненного пространства: поездок в Томск, Северск («Пятый почтовый») и соседние села в гости к родственникам, на базар, в больницу и т.п.: *Ну, а потом мы проводили своих-то [на фронт], были в райенкома'те, здесь Набережная Уша́йки, а потом нас отправили всех, мы пошли вместе, на Пе'рву… на Втору' То'мска. Мы пришли, а Елена [сестра] на Втору́ Томске жила; Ну хоро́ша квартира, я была у их, на Пятом-то; «Ты была в Ло́скутовой в больнице?» Я грю: «Неужели нет, была. Сколько раз была»; Смокотнино́й не стало чё-то. Хоро́ши дома́ были, двухэта́жны там были – я помню, раза два-три там бува́ла. В Смокотнино́й. На свадьбе гуляла ездила там, ешо чё-то я была, на переезды ездили. Она за рекой. Недалёко; У нас был пай у тя́ти – больше бере́знику было, это, а косить сено мало. Дак он покупал в Ла́риной. Косили мы там. Лога-**а**-лога, помню, косили всё. И там ночевала в Ла́риной ездили, там-ка мы ночуем. Косили всегда;*

б) сведений, полученных от собеседников. Общаясь с широким кругом родственников, односельчан, городских знакомых, зная в деталях их биографии, имея представление о месте рождения и постоянного проживания, поездках и переездах в связи с семейными обстоятельствами, военной службой и т.д., исследуемая языковая личность усвоила большой объём информации с топонимической составляющей. В этом случае говорящим через посредство чужой

речи осваивается личный опыт партнеров коммуникации: *У нас мальчик, мнук, уехал на Чёрно море, туды́. Ну, он по болезни; Она вышла взамуж, в Стрежево́м работала, та́мо-ка на вахте, и сошлась с одним; А он много наловил [рыбы], ездил в Белый Яр; Переводилась [племянница], Арзамас город, а он закрытый был; Куды́-то его далёко отправили [в армию]. На Сахалин куды́-то, ага; У ей сын сидит. Де-то в Красноя́рским они были – ну, у их кака́-то там шайка была; Здесь отец у его утонул, у Васи, на днях. В Зыря́нке он жил; Она [двоюродная сестра) Приморский край там, в Уссурийске, близко [живёт]…; А наш [о племяннике] как был в этой, в Черно́пыле, и он тоже как ветеран тепе́рича, ему удостоверение выдали, и всё…;*

в) сведений из средств массовой информации – радио и газет. При этом так же, как и в предыдущем случае, представление об объектах топонимической номинации получено субъектом только из чужой речи, однако речь эта официальная – публицистическая или рекламная: *Но́нче передавали, врач какой-то... Он это, и в Америке был, и у его там друг хороший в Америке, он ездит – он живёт в Москве; А сёдня передавали в Новосибирске дож или град; А передавали по радио, в Коже́вниковой рожь ши́бко хоро́ша, траву, это, заливало, это одно место там, луга – заливало водой; А счас передают! Даже сёдня передавали, по две́ с половиной тысячи де-то [продают масло]. Улица Луговая. Где она? Луговая улица, я тоже не знаю, где она;*

г) в редких случаях топонимы закрепляются в индивидуальном ономастиконе через посредство прецедентных текстов. Наименование *Ирусали́м / Русали́м* функционирует в дискурсе информанта только в составе молитвы, выученной со слов матери: *Ма́ти Маре́я, де спала ночевала? В городе Ирусали́ме, во по́льческой церькви, в алтаре на престоле…*

Крупные исторические и политические события, получающие широкий резонанс и в общественном сознании, и в СМИ, отражаются на частной жизни рядовых членов общества, поэтому многие топонимические единицы усваиваются языковой личностью на пересечении разных информационных каналов. Так, две войны с Германий, пережитые Россией в XX в., оставили след и в личной судьбе В.П. Вершининой, ее родственников и односельчан: отец участвовал в Первой мировой войне, а муж – в Великой Отечественной, погибли на фронте многие близкие ей люди; в ликвидации

чернобыльской катастрофы принимал участие племянник, процессы миграции на постсоветском пространстве затронули Вершинино, в котором появились переселенцы из Казахстана, Чечни, Украины и Китая; в зону боевых действий в Чеченской Республике отправляют призывников и т.д.: *А парень говорит: «Двадцать семь миллионов погибло – от Москвы до Берлина в четыре ряда только накла́сь надо было, гыт, так»; Наши-то ислободи́ли Ге́рманию-то, его взяли там уж, он после довоёвывал; А этот, Петю́ров – слыхал ты тоже? Поехали они туды́. Хотели его попроведовать. А его отправили, они его не захватили. Галя, гыт, ши́бко плакала. В Чечню отправили; А это Лида, вот туды́ с Мотей в ряд живёт, туды́ дом-то на' берег туда. [Она местная?] Не-ет. Из Семипалатинска.* Таким образом, большинство топонимов, освоенных языковой личностью, также входят в личную зону говорящего, связанную с условиями его жизни, интересами и чувствами.

2. Сформировавшаяся топонимическая подсистема в лексиконе сибирского старожила включает около 200 единиц. В ней отмечены географические наименования разных типов.

Среди названий макрообъектов – названия стран: *Россия / Росе́я, Советский Союз, Америка, Германия, Ирак, Китай, Армения, Казахстан, Литва, Укра́йна / Украина* (10)[1]. Имена менее крупных объектов (12) отражают территориальное деление в пределах нашей страны: *Бурятия, Восток* «Дальний Восток», *Кемеровская область, Красноярский край, Подмосковье, Приморский край, Сахалин, Сибирь, Томская область, Чечня, Чукотка, Южный Сахалин.*

Далее на «индивидуальной карте» диалектоносителя широко представлены города (36). Единичны названия столиц иностранных государств *(Берлин, Ирусали́м / Русалим)*, немногочисленны наименования городов некоторых союзных республик СССР: *Андижан* (Узбекистан), *Жинто́мир* и *Черно́быль* / *Чернобыль* (Украина), *Караганда, Павлодар* и *Семипалатинск* (Казахстан). В большинстве же своем это города Российской Федерации: *Москва, Абакан, Арзама́з, Барнаул, Владивосток, Горький, Грозный, Заго́рска, Красноярск / Красноя́рска, Ленинград, Новосибирск / Новосиби́рска, Сочи, Улан-Удэ, Уссурийск / Уссури́йска.* Отметим, что самую значительную группу из них составляют названия городов Томской и Кемеровской областей: *Томск, А́сина / Асино, Почто́вый / Пя́то*

[1] В скобках здесь и далее указано количество наименований без учета вариантных единиц, объединенных знаком.

почто́вый / Пя́тый почто́вый / Пя́тый (неофициальное обозначение закрытого города вблизи Томска), *Северск, Стрежево́е / Стрежевой, Ке́мерова / Кемерово, Бело́ва / Белово, Ленинск-Кузне́цка, Новокузнецк / Новокузне́цка, Прокопьевск, Тайга, Юрга́.*

Более дробное административное деление на районы (4) отражено в речи информанта только по отношению к тем же областям: *Асиновский, Кожевниковский* и *Молчановский* районы Томской обл., *Яшкинский* район Кемеровской обл.

Самым обширным классом (56) в лексиконе диалектоносителя являются наименования мелких населённых пунктов: сёл, деревень, поселков. Все они расположены в регионе средней части бассейна р. Оби, на территории Томской и граничащей с ней Кемеровской области: *Ала́ева, Бара́бинка / Бра́бинка, Басандайка, Бату́рина / Батурино, Белый Яр, Бобро́вка, Богашо́ва, Варю́хина, Верши́нина, Гео́ргевка, Зава́рзина, Зеледе́ева, Зона́льная*, *Зыря́нка, Ипа́това, Каза́нка, Калта́й, Канди́нка, Каргасо́к, Ки́словка, Ключи́, Кожев́никова, Кола́рова / Коларово, Косого́рова / Косогорово, Курле́к, Ла́рина, Ло́скутова, Луча́нова / Лучаново, Мага́даева / Магадае́во, Молодёжный, Надежда, Нары́м, Наумовка, Николаевка, Октябрьский, Откара́* «Иткара», *Пашко́ва, Первома́йка / Первомайское, Петровка, Петухо́ва / Петухово, Рассвет, Ры́балово, Светлый*, *Семилужки́, Синий Утёс*, *Смокотнина́, Сосновка / Усть-Сосновка / У́стье, Софро́новка, Су́йга, Сура́нова, Тёлга, Тимиря́зева, Фегульде́т / Фекульте́т* «Тегульдет?», *Чёрная речка, Яр / Ярско́е, Яшкино.*

Названия районов и улиц внутри населенных пунктов отмечены только для двух объектов – Томска и Вершинина.

Томская топонимии в речи информанта представлена наименованиями частей города (17), многие из которых являются неофициальными: *Академгородок, Бакти́н, Втора́ То́мска, Держи́нка / Дзержи́нка, За Истоком, Каменный мост, Каштак, Красные казармы, Линия, Ниверсите́тская роща, Пе́рво Томск / Первый Томск, Псих / Пси́ха, Свечной, Степановка, Черемо́шники, Ша́рики, Южная,* улиц, переулков и площадей (38): переулки *Банный, Путевой,* улицы *Алтайская, Батенко́ва / Батенко́вска, Белинская, Бе́ленцева, Верши́нина, Иркутский тракт, Каменная / Ка́менская, Комсомольская, Красноармейская, Кулагина, Лазо, Лебедева, Ленина, Луговая, Мокрушина, Набережная Уша́йки / Уша́йка, Нахи́мова, Ники́тина, Новосибирская, Обруб, Октябрьска(я), Олега*

Кошевого, Опекле́нко «Осипенко», Пирогова, Пушкина, Рабоча(я), Сибирска(я), Советска(я), Татарская, Тверская, Усова, Учебная, Фрунзе, Черны́х, Яковлева, площадь *Революции*.

В Вершинине зафиксированы неофициальные названия частей села (4) *Горёвка, Горка / На Горке, Татарский край / Татары, Чебоксары* и отдельные наименования улиц (3) – *Садова(я), Советская* и *Победа.*

Кроме того, в лексиконе информанта есть группа топонимов, обозначающих участки рельефа в окрестностях села (13). Наименования эти имеют, как правило, места, значимые в сельскохозяйственном отношении – возвышенные и низменные, отличающиеся наличием или отсутствием растительности на самом участке или вблизи него, находящиеся вблизи от лесных массивов, водных источников; все оронимы – неофициальные: *По́д бором, Грязну́шки, Ела́нь, на Ко́бысовой, на Кузнецо́вой / Кузнецо́во, Култы́к, На лугу, На Ни́жном, Перели́в / Перели́вы, На Сере́днем, Страшно́, Татарский ко́лок, За Чи́стым.* Примыкают к ним немногочисленные названия холмов (4) *(Шуми́ха, Ела́нная гора, Басанда́йска гора, Кола́ровска гора)* и островов (3) *(Кола́ровский остров, Казанский остров, Вершининский остров)*.

Большую группу единиц представляют гидронимы (18). Среди них – единственное название моря (*Чёрное море*), из крупных рек отмечена лишь *Обь* и впадающая в неё *Томь*, на которой стоит Вершинино; многочисленны наименования проток, рукавов, заливов и притоков Томи в окрестностях села (*Панько́ва, Светлая, Криу́лька / Криву́лька, Сухая речка, Капита́новка, Тугоя́ковка*), озёр (*Парме́ново озеро*, *Мочи́ще, Поло́е, Луговое*) и болот (*Мохово́е болото, Клю́квенное болото, Пова́рнишное болото, Торкма́ / Торкми́шно болото*). В дискурсе диалектоносителя встретились также отдельные томские гидронимы (3): *Белое озеро,* речки *Киргизка* и *Уша́йка,* непроточное ответвление Томи вблизи города *Сенна́(я) курья́.*

Как нетрудно заметить, наиболее многочисленны в идиолексиконе классы ойконимов, урбанонимов, оронимов и гидронимов. Соотношение различных групп географических наименований демонстрирует закономерное для диалектной языковой личности: преобладание названий деревень над названиями городов, наличие широкого круга микротопонимов и неофициальных обозначений.

Индивидуальная «географическая карта» отражает разную степень расчлененности пространства в языковой картине мира говорящего. В соответствии с принципом эгоцентрической организации последней центром такой карты является место проживания индивида. Членение пространства, отраженное в топонимии диалектоносителя, можно схематично представить в виде ряда концентрических кругов. «Ближние» круги (в данном случае – Вершинино, Томск, территория Томской и Кемеровской обл.) насыщены топонимами. Периферийная часть карты, к которой относятся другие регионы России, а также страны ближнего и дальнего зарубежья, отражена фрагментарно, со множеством лакун: отсутствуют наименования многих крупных российских городов и территориальных единиц, зафиксированы лишь единичные названия государств, причем Европа представлена, например, только *Германией,* Восток – *Китаем* и *Ираком*, а бывшие союзные республики СССР – *Украиной, Литвой, Казахстаном* и *Арменией.*

3. Топонимия зоны освоенного пространства отличается целым рядом особенностей.

а) Наиболее типичный для диалектоносителя способ членения пространства освоенной зоны – деление его на компактные участки. Этот способ представлен как в географических названиях территорий, примыкающих к селу, так и при маркировании территории внутри населенных пунктов.

С организацией колхозного хозяйства и исчезновением системы единоличных паёв, на которые делились угодья вершининской общины, топонимы *На Ко́бысовой, На Кузнецо́вой, На лугу, На Сере́днем, На Ни́жном, На Я́рской Ела́ни, По́д бором, Страшно́, Татарский ко́лок, За Чи́стым* устарели; в то же время наименования *Грязну́шки, Ела́нь, Култы́к, Перели́в / Перели́вы, Страшно́, За Чи́стым* сохраняются в непринужденной речи.

Вершинино, по свидетельствам старожилов, в прошлом состояло из не имевшей общего названия главной улицы, делившейся на отдельные части *(Горёвка, Горка / На Горке и Татарский край / Татары*), и небольшой параллельной ей улочки *Садовой,* соединённых безымянным переулком. Ныне эти наименования архаизировались. Существенно разросшееся в последние десятилетия село сменило традиционную неофициальную топонимию на новую, аналогичную городской: центральная улица получила название Советской, вторая стала называться улицей Победы, появились пере-

улки Лесной, Новый и др. Но пришедшие на смену старым топонимы не вошли в активное употребление диалектоносителя. Произошла их замена на иные виды обозначений, в которых сохраняется старый принцип деления села на участки. Дома, расположенные вблизи от места проживания информанта, именуются *наш край (Чё-то по́моха на наш край; Наша Горёвка была, наш вот этот край, Горёвка. До горки*); для обозначения отдаленного от него отрезка главной улицы используется словосочетание *в тем / том краю (Комар-то? Далёко, в том краю [живёт]; Ему дом оставила. Хорошенькый домик, в тем краю, и счас живой он; Там Никулины, в тем краю живут – ну де Татьяна Лексе́вна, за ими туды́ ешо́);* зона новых построек маркируется выражением *де монолитны дома, в монолитных домах* (*А больница у нас далёко, на той истано́вке там, в монолитных домах-то; Ну а эти живут, как сын-то Надежды – по этой улице. Де монолитны дома, ну, суды́);* в метатексте также отмечено название новой части села *Чебоксары.* Наименования улиц Вершинина в непринужденной речи почти не используются: топоним *Советская* упоминается только при необходимости указания полного официального адреса (*А она, у их газета выписана, а у их Со… это, ну, Сове́тска, как это… сорок, а она сорок шесь. Лёньке кладёт газеты и́хны; Ну а мы прописали: сорок, Сове́тска, сорок. Козлова Валентина Николавна, она прописала, паспорт, чем полученный, каким райво́ном полученный паспорт, кем выдан*); зафиксировано также несколько словоупотреблений топонима *Победа* «улица Победы» *(Пожар был, деревня горела в двадцать третьем году, этот Василий Иванович сгорел, та́к обгорел. После его увидали там, обгорел. Победа горела, а он всё там жил, на той улице. И он сгорел; А это… Вот эта Рая-то, она живёт на той улице счас, на Победе).* При упоминании переулков их названия не употребляются совсем: *Вот они жили тут от где Иван Иванович, как в переулок-то свёртывашь, и́хный дом; Я… кода́ я шла, от Гути по этой… заулку-то этому, переулку-то, а тут машина стояла; Дом на переулочке-то; Я поехала этим переулочком, где сельсовет; Лида-то пришла, Гончарова-то, за Мотей-то, в переулке-то живёт.*

Пространственная ориентация в Томске так же, как и в Вершинино, связана у информанта прежде всего с привычной для неё системой членения населенного пункта на отдельные участки. Наименования многих из них являются неофициальными: *А тут, все…*

все суды́, на большой [базар] попась трудно, а тут на автобусе приедут – раз! на Пе́рво То́мским счас, ли на Южной ли, на Держи́нке… ну тут дополна́; Близко тут, с АРЗом да с Линией рядом; Трёхко́мнатну получили, на Пси́хе. И вот она щас на Пси́хе живёт, девятиэтажка; Он на Каштаке́ живёт-то; В городе они живут. Я не знаю, де они живут. А гараж у их за этой… ну, там… За Исто́ком де-то. Вместе с тем исследуемой языковой личностью освоены и официальные названия городских улиц: *Батенко́ва* «Ба́тенькова», *Усова, Ленина, Новосибирска(я), Мокру́шина* и др., хотя это освоение зачастую носит неполный характер, а в дискурсе диалектоносителя они менее употребительны, чем наименования районов.

б) Высокая степень обобщенности территориального деления у носителя народной речевой культуры уравновешивается конкретностью его мировосприятия. Топоним нередко заменяется в тексте описанием, в котором ориентировочные функции берут на себя антропонимы, наречия с пространственным значением и нарицательные наименования объектов. Освоенное пространство предстает в сознании и в речи диалектной языковой личности как насыщенный деталями, зримый образ действительности: *А рядом с Физой Васильевной живут, суды́ поближе как переулок, один дом – в магазин идёшь, один дом, а второй они жили; Они пе́рво купили… жили здесь – как от от ид[ёшь]… Ну, сворачивать де в переулок, де Лекса́ндра Степа́нна-то. Де… Ну, в магазин свёртывать, а на переулке, Они в э́тем домике жили, низенькый такой домик…; Я говорю: «К Елене заедемте, к Тане? Они же по путе́ живут». Та на Новосибирской, а Таня живёт… как бы тебе сказать? <…> Иркутский тракт там это… Ну, там. Ну и, мале́нько в сторону. Ну и… пешком-то хорошо потти́, тут магазинчик ешо́ даже есь, и как остановка, так туды́ мале́нько; Она живёт близко: вот как… де старый уерма́г-то был, дак не доходя мале́нечко, и тут в переулочек, она тут живёт*; *А Коля Мотин, – ну, он это, живёт от где… у Каменного мо́сту, де транва́й останавливатся, и так, как отсэ́дова бы идёт транва́й, то на ле́ву… на пра́ву руку, а оттэ́ова, если из го́роду идёт транва́й, то на ле́ву руку. Таки́ голубы́ ставни. Я дом видела, ну я так не бува́ла у него. А дом-то знаю какой.*

в) Главные объекты зоны освоенного пространства воспринимаются как единичные, противопоставляемые всем остальным.

В силу этого обстоятельства официально существующий топоним в речи часто не упоминается, подразумеваясь по умолчанию. Так, вместо названия областного центра, куда чаще всего ездят в связи с покупкой или продажей чего-л., оформлением документов, посещением родственников и т.д., обычно используется нарицательное *город*: *А я была в городе, картóшки продавала; У ей тут внучата, дочка в городе, зять; В город тяжело ехать, автобусы счас не ходят; Анатолий не наладил машину-то? Меня бы свозил в город; Ну, чё в городе новенького?; Живёт-то в городе, а прописанный здесь; А я всё думаю: поехал бы в город, купил бы чё-нибудь так, чё надо бы – ну кого купишь?; Я говорю: «Зоя, ты не видала, кто тут шёл?» – сразу-то. Она: «А я в городе была». Ну и всё, «ничё не знаю»* (во всех случаях имеется в виду Томск). Подобное употребление регулярно и намного превосходит по частоте использование существительного «город» для обозначения крупного населённого пункта вообще: *Забыла, какой город, на букву «дэ» это там, в Германии-то; В городе бойкий народ; Неохота Гале там жить, в городе. Охота в деревне* (в картотеке «Полного словаря диалектной языковой личности» зафиксировано 230 высказываний против 32 соответственно). Топоним «Томск» актуализуется в речи, как правило, в ситуации противопоставления другим городам: *«А вы, – говорю, – из городу Томска или с Пятого почтового?»*. Вершинино также часто называется просто *деревней* (иногда с уточнением «наша», «у нас»«): *У нас сорок четыре человека погибло. С сельсовéту, наверно, с деревни да с Лáриной, с нашей деревни; И она переехала суды́ в деревню, рабóтат на почте кассиром; А потом у нас деревня-то тридцать первого мая сгорела; И котóры наши пели ходили по деревне* и др.

Редко используется топоним и для обозначения центральной улицы своего села Советской. В силу высокой общности информационных баз говорящего и слушающего[1] указания на имена жителей и отдельные объекты компенсируют его отсутствие: *Пришли к ей по деньги эти, ворьё-то тут жили, рядом-то, с Мотей, не доходя Моти, ко мне суды́ поближе; А Николай Васильич пóмер, это Валя Николай Васильича [живёт], железный дом, крыша-то; А потом им квартиру-то выстроили, той бабе, сельсовет-то, она*

[1] См.: *Гольдин В.Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 60.

*это Будо́линой, напро́ти школы… зн**а**шь ты, рядом с Волошиными <…>. Рядом с Волошиным, по ту сторону Волошиных.* Отмечена и замена топонима «улица Победы» нарицательным словосочетанием *та улица*: *У одной у нас тут-ка, у ей дочь есь, – Варвара Попова, ты её знашь, наверно, на той улице живёт.*

г) Топонимия освоенного пространства подвергается метаязыковой рефлексии. Прежде всего это касается местных микротопонимов, исконных для вершининцев, а также отдельных названий Томска и Северска. Носитель говора воспроизводит в метатекстах архаические онимы, вышедшие из живого употребления (*Т**а** называлась Садо́ва улица. Садо́ва. А наша [часть села] Горёвка. <…> А в том краю Тата́ры, а тут – На горке. Де Кузя-то жили, дак… «На горке» так звали, «На горке»; А называли «Банный переулок» его. Бели́нска так [улица в Томске], тут «Банный переулок» звали*), соотносит неизвестное собеседнику-диалектологу название с привязкой к определенной территории *([А Ела́нь – в сторону Ярско́го?] Не-ет, туды́ в лес. В лес, через лес. Туды́ вот поедешь туды́… ну вот, как счас… где сказать-то? Не доезжала до последней остановки там? И т**а**к туды́ дорога пойдёт в лес, через лес: пе́рва пойдёт сосновый лес, а там дальше березник пойдёт, и там Ела́нь называ́тся. И там на́ гору так, и там степь така́, больша́. Ну, там и лога тоже есь, и всё есь, и бере́зник есь, вся́ки. Ела́нь*), выделяет мотивировочный признак наименования (*Татарский ко́лок – лес, татары приехали давно, годо́в триста уж и жили; Торкма́ – там рядом с Торкмо́й, дак Торкми́шно болото и называют; Ну у нас вот называется: Клю́квенно болото. Клюква там родится: Клю́квенно болото называют*), сопоставляет старое и новое наименование (*А там на улице, там Садо́ва улица была, звали. Победа счас зовут; Потому что она не прописана в городе, на Пятом-то, в Се́верским теперь зовут. Она же в Томске прописана*).

Топонимы из зоны неосвоенного пространства в метатекстах не отмечены.

На основании выделенных признаков к области освоенного пространства исследуемой языковой личности можно отнести родное село с его окрестностями и областной центр. Неосвоенная область пространства – это в первую очередь территория за пределами среднеобского региона, охватывающая бо'льшую часть России, страны ближнего и дальнего зарубежья. Топонимы этой зоны воспринимаются диалектоносителем как абстрактные знаки, за кото-

рыми языковая личность не видит реального образа объекта. Пространственная характеристика неосвоенной территории не сопровождается наименованиями отдельных участков населенных пунктов, их улиц и переулков, отсутствует и конкретизация описания через относящиеся к ней топонимы или топообъекты: *Один сын в Красноя́рским живёт, все гра́мотны; У меня пять братове́й двоюродных погибло. <…> Два брата в Москве жили, один в Примо́рским крае, а тут в Ярско́м. Яков Лексе́ич, тоже брат; Де-то за Новосибирском ли где ли, мать у его; В Сочи ездила она. Третий раз в Сочи ездила; А тут они уехали с Игорем туды́, на Укра́йну-то; В Черно́пыле был. От недавно по́мер.*

Территория Томской и Кемеровской областей занимает промежуточное положение между зоной освоенного и неосвоенного пространства исследуемой языковой личности. Данный регион отличается самой высокой концентрацией топонимов на индивидуальной карте диалектоносителя; названия входящих в него сел и городов составляют почти половину в общей системе географических наименований идиолексикона. Вместе с тем упоминание этих объектов в дискурсе говорящего не сопровождается детализацией. Несмотря на то, что В.П. Вершинина неоднократно бывала и в ряде деревень среднеобского бассейна, и в закрытом городе-спутнике Томска Северске, в речи информанта не зафиксированы (за редкими исключениями) названия относящихся к ним участков местности, улиц, при описании отсутствуют зримые, конкретные детали, не отмечены случаи метаязыковой рефлексии, – все эти признаки характерны для области неосвоенного пространства: *Тут побли́жности ездит [проводница], в Белый Яр да в Андижан; Она взяла да в А́синой да купила дом!; А он работал шшэтоводом, в колхозе. А это… он в Курле́к убежал, от своей Палаге́и-то; Участок они взяли, де-то под Семилужками там, пятнадцать соток; Ходили раньше по́ миру. О-ой, из Бату́риной приезжали, ходили по́ миру здесь; Ехали через Луча́нову. Там они… в Ло́скутовой где ли у их мичу́ринскый-то; И Нину Васильевну завозили, она на Пя́то почтовом живёт тоже, одна; У меня родня в Яру́ были.*

Анализ топонимии русского старожила Сибири позволяет сделать следующие выводы об особенностях освоении им пространства, отраженных в языковой системе.

1. На протяжении жизни индивида пространственные представления обогащаются параллельно с усвоением топонимической сис-

темы узуса в процессе социализации языковой личности. При этом знания, полученные непосредственно из личного опыта, дополняются через присвоение опыта других членов социума, сведения средств массовой информации и прецедентных текстов. Большинство топонимов усваивается на пересечении различных информационных каналов, отражая как общественно-политические коллизии эпохи, так и условия жизни, интересы и чувства индивида.

2. «Географическая карта», отражающая представления носителя сибирского старожильческого говора о пространственном членении мира, включает различные виды топонимических номинаций – макро- и микротопонимы, названия стран, морей, городов, рек, сел, возвышенностей, болот, озёр, островов, покосов, частей населенных пунктов, улиц, переулков и др. Закономерна для диалектоносителя фрагментарность этой карты (чем дальше от места проживания информанта расположен регион, тем больше в нем топонимических лакун), преобладание названий деревень над всем остальными классами топонимов, широкое использование неофициальных наименований, употребление диалектных вариантов общерусских топонимических единиц.

3. Особенности мировосприятия языковой личности во многом определяются членением пространства на освоенное и неосвоенное.

4. Восприятие носителем традиционной народной культуры освоенной области пространства является, с одной стороны, весьма обобщенным, с другой – чувственно-конкретным. Преобладает архаическая модель территориального членения: как вне поселений, так и в населенных пунктах территория делится на отдельные участки, современные названия улиц привлекаются лишь как дополнительное средство координирования на местности. Типичная для диалектоносителя слабая пространственная расчлененность сочетается с наглядным представлением знакомых языковой личности объектов через их зримое, детальное описание. При этом роль географических ориентиров нередко берут на себя антропонимы и нарицательные имена.

С.А. Богомаз

РАЗЛИЧИЯ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТЕЙ, СМЫСЛОВ И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРЕХ ГОРОДОВ СИБИРИ*

Анализ научной и художественной литературы, собственный исследовательский опыт убеждают в том, что человеку для того, чтобы почувствовать себя успешным и благополучным, важно ощущение «включенности», сопричастности своей частной, индивидуальной жизни к процессам, которые разворачиваются в более крупном пространственном или временном контексте (например, в масштабах своего региона, страны, планеты или вечности). Как указывает философ Г.Л. Тульчинский, человек вторичен по отношению к своей позиции, «доле», своей включенности в мир[1]. Эта включенность (событийность), позволяет человеку обнаружить в жизни новые смыслы, расширяя его образ мира и придавая ему самому особую личностную значимость. В совокупности все это (сопричастность, новые смыслы, расширение образа мира, высокая самооценка) дает человеку дополнительные основания для простраивания (режиссирования) своей будущей жизни, переживания им позитивного чувства «живости» жизни, открытости миру и другим людям, готовности к личностным изменениям.

Данный ход мыслей, в частности, согласуется с мнением американского психолога Р. Эммонса, который на основании проведенных в последние годы исследований утверждает, что личное благополучие людей в значительной мере зависит от таких психологиче-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 06-06-80216).

[1] См.: *Тульчинский Г.Л.* Гуманитарность против гуманизма? // Известия ТРТУ. 2005. Вып. 7 (51). С. 47–52.

ских детерминант, как чувство вовлеченности человека в мир и витальность[1].

В качестве экспериментального подтверждения собственных гипотез-представлений о важности для человека переживания чувства событийности с масштабными процессами и связанного с ним чувства витальности приведу результаты психологического исследования, выполненного с участием жителей трех городов Сибири – Новосибирска, Томска и Барнаула. Различия в географическом и социально-экономическом положении этих городов дают основание для проведения сравнительного анализа психологических особенностей людей, проживающих в них.

Я склонен считать, что формирование у них этих особенностей, в частности особенностей структуры ценностей и смыслов, зависит от возникающего субъективного образа мира, который, в свою очередь, является продуктом избирательной перекодировки реалий объективного мира. Другими словами, эти реалии, перекодируясь у людей в субъективный образ, косвенно влияют на появление у них личностных особенностей, типичных для конкретных условий их жизнедеятельности. Эти условия во многом определяются спецификой исторического развития городских сообществ и степенью их «включенности» в разворачивающиеся в стране процессы регионализации и глобализации.

Все три города расположены в одном регионе Сибири, но удалены друг от друга на значительное расстояние. Центральное положение относительно других городов занимает Новосибирск, который является неофициальной столицей Сибири. Томск расположен приблизительно на 250 км севернее Новосибирска, а Барнаул – приблизительно на столько же, но южнее Новосибирска.

Одним из самых важных факторов, детерминирующих динамику возможных перспектив развития Томска и Барнаула, является их удаленность от основного транспортного пути – Транссибирской железнодорожной магистрали. Она, с точки зрения специалистов, является системообразующим фактором развивающейся Сибири и определяет экономическую и политическую дифференциацию сибирских городов. Принято считать, что строительство и эксплуатация магистрали в значительной степени предопределили современ-

---

[1] См.: *Эммонс Р.* Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности: Пер. с англ. М., 2004.

ный социально-экономический статус сибирских городов и тенденции их социально-экономического и политического развития.

К таким городам, в частности, относится Новосибирск, в котором с Транссибом пересекаются масса стратегически важных автомобильных дорог и крупный водный путь – река Обь, связывающие между собой в единую транспортную сеть восток и запад, север и юг Сибири (инфраструктурный сверхузел, «перекресток семи дорог»). Этот город-миллионник в 2003 г. отпраздновал 110-летие со дня основания. Большинство его жителей работает в сфере транспорта, услуг и промышленной индустрии (развивающейся в основном как важная часть военно-промышленного комплекса страны). В городе есть метро, что для России является ярким показателем высокого уровня развития инфраструктуры. Достаточно разнообразна в Новосибирске религиозная и культурная жизнь, о чем свидетельствует большое количество культовых учреждений, музеев и театров, среди которых самым известным является Новосибирский оперный театр. Большим разнообразием отличается образовательная сфера, которая представлена школами, лицеями, гимназиями, государственными и частными вузами. Именно здесь появился первый в Сибири Академгородок, объединяющий несколько научно-исследовательских институтов и знаменитый своими учеными и крупными научными открытиями. Как можно заметить, в Новосибирске налицо все основные признаки столичного города.

Важным в характеристике этого города является то, что в нем интенсивное развитие получили современные информационные технологии. Например, в статье мэра Новосибирска Владимира Городецкого, посвященной системе образования в этом городе, указывается, что проектную деятельность с использованием информационных технологий практикует треть образовательных учреждений и практически каждые две школы из трех (а всего их 245) имеют выход в Интернет. Как утверждает мэр, у городских властей есть понимание того, что разнообразная информационная среда реально предоставляет горожанам не меньше возможностей для получения новых знаний, умений и навыков, а порой и более эффективно влияет на изменение ценностных установок и моделей поведения, чем формальная система образования[1]. Это нашло свое отражение в «Стратегическом плане устойчивого развития Новоси-

[1] *Городецкий В.* Свой маневр в общем строю // Сибирская столица. 2005. №. 40. С. 5–13.

бирска», в котором поставлены задачи развития формальной и неформальной систем образования и намечены пути их интеграции.

Большие ожидания у новосибирского сообщества связаны с развитием современной инновационной сферы производства на базе сложившихся научных и высокотехнологичных производственных ресурсов, а также новых технопарков и бизнес-инкубаторов. В новосибирском Академгородке создан крупный проект парка информационных технологий. Новосибирская область стала одним из четырех регионов России, в которых будут созданы подобные технопарки.

В целом можно отметить, что Новосибирск в значительной мере соответствует современным реалиям мирового общественного развития, в нем в определенной степени «жизнь бьет ключом», что не может не отразиться на мироощущении и образе жизни его жителей. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на экспертную оценку В.Л. Глазычева, председателя комиссии по вопросам регионального развития и местного самоуправления Общественной палаты РФ, которую он дал относительно перспектив развития Новосибирска. Согласно этой оценке (а она достаточно типична) «город не изжил комплекса индустриально-оборонного центра военных времен. Потому что люди здесь не осознают необходимости либо приватизировать жилье (наименьшая из крупнейших городов доля приватизированного жилья), либо добиться грамотного коммерческого найма жилья (все еще надеются, что как-нибудь само образуется)… Не случайно в Академгородке все больше раздирают одежды и бранят власти, вместо того чтобы строить эффективный бизнес, как это делают в Томске, да и рядом – в Кольцово»[1]. Подобное экспертное «видение» Новосибирска, очевидно, и привело к тому, что он рассматривается лишь как кандидат «второй очереди» в инновационных проектах, разворачивающихся в настоящее время на федеральном уровне.

В противоположность этому часть сибирских городов оказалась в положении своеобразных «железнодорожных тупиков» (например, Томск, Кемерово, Барнаул). Однако следует учитывать, что «тупиковое» положение Томска в некоторой степени компенсируется его значительной «вовлеченностью» в сеть современных информационных коммуникаций региона, России и

---

[1] *Глазычев В.Л.* Нам бесконечно важно собрать страну // Следующий шаг. 2006. Вып. 3. С. 8–13.

международного сообщества. Динамику развития этого сибирского города и его уникальность во многом определяют наличие мощного научно-образовательного и научно-исследовательского комплексов со сложившимися многолетними традициями. Так, в 2008 г. старейшей в Сибири «кузнице» научных кадров, с которой началось интеллектуальное освоение Сибири, – Томскому государственному университету исполнилось 130 лет. В городе сосредоточено еще несколько крупных государственных вузов и научно-исследовательских институтов, часть которых входит в состав томского Академгородка. Благодаря имеющемуся образовательному и научному комплексу Томск называют «Сибирскими Афинами». В конце ноября 2005 г. в Министерстве экономического развития и торговли были подведены итоги конкурса на размещение «особых экономических зон (ОЭЗ) технико-внедренческого типа», и Томск (единственный в Сибири) вошел в число шести победителей. При организации ОЭЗ в Томске заложены в качестве основных направлений работы информационные технологии, нанотехнологии и биотехнологии. В проведении работ предполагается активное участие институтов всего Сибирского отделения Российской академии наук.

Другим важным достижением Томска и свидетельством признания его заслуг является победа в 2006 г. в конкурсе Министерства образования и науки РФ двух томских вузов. Федеральный центр выделил на внедрение инновационных образовательных программ Томскому государственному университету (ТГУ) 700 млн рублей, а Томскому государственному университету систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) — 600 млн рублей. Об интеллектуальном потенциале Томска говорит и такой факт: по данным рейтингового агентства @Astera, томская компания «Контек-Софт» в 2005 г. вошла в top-list наряду с ведущими российскими брендами (1С, IBS, Галактика и др.).

При этом самому городу Томску в 2004 г. исполнилось 400 лет. По мнению томичей и гостей города, он отличается своеобразным архитектурным изяществом, ухоженностью, некоторой притягательной аурой (хотя это в большей степени касается центра и университетской части города). Интеллектуальный и культурный потенциал Томска отражает и то, что, несмотря на его «миниатюрность», в городе в пересчете на количество жителей необычно высокое количество собственных газет, периодических изданий и те-

левизионных компаний. Особую гордость у некоторой части горожан вызывает то, что томская футбольная команда «Томь» играет в российской премьер-лиге.

Созданию у томичей позитивного образа города способствует постоянное (хотя часто и неосознанное) формирование официальными и неофициальными лицами, а также средствами массовой информации представления (образа, мифа) об исключительности и уникальности Томска, что способствует поддержанию чувства гордости у его жителей и сплочению их в единую общность. Пиком признания города Томска в глазах российской общественности, очевидно, можно назвать проходившую здесь в апреле 2006 г. встречу российского президента В.В. Путина с германским канцлером Ангелой Меркель.

Важной особенностью Томской области, отличающей ее от Новосибирской области и Алтайского края, является то, что на ее территории ведется добыча нефти и газа. И хотя эта добыча несопоставима с объемами других нефтяных территорий, тем не менее средства от нее, выделяемые в областной бюджет, позволяют области и Томску не только «удерживаться на плаву» в море экономики, но и осуществлять долгосрочную стратегию социально-экономического развития. В целом же Томск остается до сих пор современным провинциальным городом с окраинами, жилыми микрорайонами типовой застройки, малорентабельными промышленными предприятиями, типично российскими дорогами, тремя театрами и самым высоким уровнем преступности в регионе.

Специфика социально-экономического положения Барнаула (280 лет со дня основания) обусловлена тем, что он является крупным аграрно-промышленным центром, а по сути также провинциальным российским городом. Отличается он тем, что в нем менее развиты, по сравнению с Томском и Новосибирском, сфера образовательных услуг и сеть информационных коммуникаций. Высшие учебные заведения в городе возникли недавно, они намного моложе, чем новосибирские, а тем более томские вузы. Облик города ничем специфическим не выделяется. Степень развития сферы услуг в Барнауле во многом отстает от сферы услуг в Новосибирске и Томске. Культурная и религиозная деятельность также находятся на типично провинциальном уровне. Отсутствие здесь политической стабильности отражается в частой смене губернаторов и их команд. При такой нестабильности никому особого дела нет до формирования позитив-

ного образа города как места проживания его граждан. Как следствие, некоторые барнаульцы, с которыми мне довелось обсуждать их региональные личностные особенности, характеризуя себя, приводят такие типичные формулировки: «Мы крестьянского происхождения, и это все объясняет». Смысл подобного высказывания заключается в том, что, «оторвавшись от земли» и проживая в крупном городе, часть барнаульцев не чувствует себя истинными горожанами, их образ мира оказывается ограниченным потребностями, которые традиционны для сельских жителей.

Такое состояние дел в Барнауле, входящим в состав Алтайского края, очевидно, обусловлено тем, что местные власти после начала перестройки долгое время придерживались коммунистических убеждений, благодаря чему этот край относили к так называемому «красному поясу» России. В силу этого Барнаул, с одной стороны, с большим опозданием воспринял многие российские демократические преобразования, а, с другой стороны, никто из ведущих российских и западных «инвесторов» не был склонен стимулировать его развитие. В силу этого город оказался довольно поздно включенным в интернет-коммуникации и практически не вовлечен в разворачивающиеся в России и в регионе инновационные процессы.

Отмеченные различия между городами следует, очевидно, подкрепить статистическими индикаторами развития. Доступными для ознакомления оказались статистические данные, которые представлены в официальном барнаульском сборнике[1]. Так, по данным социально-экономического мониторинга регионов Сибирского федерального округа, в 2005 г. в Новосибирске проживало 1405, в Барнауле – 658, а в Томске – 487,4 тыс. чел. Число родившихся в 2004 г. на 1000 чел. населения составило 10,2 в Новосибирске, 10,7 – в Барнауле, 11,9 – в Томске. В то же время число умерших на 1000 населения составило 14,5; 13,5 и 12,3 соответственно. Объем промышленного производства в 2004 г. выглядел следующим образом: в Новосибирске – 66 536, в Барнауле – 25 643, в Томске – 24 806 млн руб. Оборот розничной торговли на душу населения составил 55 168 руб. в Томске, 54 833 руб. в Новосибирске и 51 507 руб. в Барнауле. Объем платных услуг на душу населения был равен 20 790, 20 491 и 13 001 руб. соответственно. Объем бытовых услуг на душу населения составлял 2 114 руб. в Том-

[1] *Барнаул* в цифрах. 2000–2004 гг.: Стат. сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. Барнаул, 2005.

ске, 1 801 руб. в Барнауле и 1 563 руб. в Новосибирске. Инвестиции в основной капитал на душу населения: 20 070 руб. в Томске, 12 036 руб. в Новосибирске, 8 705 руб. в Барнауле.

Интересный факт: численность работников крупных, средних и малых организаций в 2004 г. выглядела так – в Новосибирске 450,9, в Томске 358, а в Барнауле всего 235,8 тыс. чел. Среднемесячная заработная плата выражалась в таких цифрах: Томск – 8669, Новосибирск – 7502, Барнаул – 5211 рублей.

Дневных общеобразовательных (государственных и негосударственных) учреждений в 2004–2005 гг. было 255 в Новосибирске, 117 в Барнауле и только 87 в Томске. В их число входили высшие учебные заведения (включая филиалы, кроме заочных): 21, 18 и 8 соответственно. При этом численность студентов оказалась равной 135,1; 64,2 и 46,4 тыс. чел. соответственно.

Количество пенсионеров составило в Новосибирске 355 942, в Барнауле 162 803, в Томске 100 087 чел. Численность врачей всех специальностей на 10 000 чел. населения была равной 100,8 для Томска, 91,0 для Барнаула и 86,2 для Новосибирска. Число спортивных сооружений составляло в 2004 г. 1173 в Новосибирске, 750 в Барнауле и 296 в Томске. Число зарегистрированных преступлений на 100 000 чел. населения отражалось в следующих цифрах: 3451 в Томске, 3100 в Новосибирске, 2472 в Барнауле.

Судя по этим индикаторам социально-экономического развития анализируемых городов, условия проживания выглядят предпочтительнее для жителей Новосибирска и Томска. В то же время большинство индикаторов указывает на то, что жители Барнаула находятся в менее выгодных жизненных условиях.

В совокупности все представленные характеристики Новосибирска, Барнаула и Томска свидетельствуют о наличии существенных различий между ними. Можно предположить, что каждому из этих городов свойственна некая специфичная, исторически сложившаяся и развивающаяся структура ценностей и смыслов, которая будет оказывать влияние на специфику индивидуальной структуры ценностей и смыслов горожан, внося свой вклад в формирование у них индивидуального образа мира, трансформирующегося в их образ жизни[1]. Уточню, и идеальный «городской» (как некий

[1] См.: *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005.

совокупный исторический продукт ментальной активности многих горожан), и зависящий от него индивидуальный образ мира конкретного человека могут быть в разной степени включены в более крупный контекст общественных изменений. Эта включенность наполняет жизнь человека новыми смыслами, что, по мнению Д.А. Леонтьева, феноменологически проявляется, в частности, в его (человека) стеничности, энергии и жизнестойкости[1] (добавлю – в витальности). В противоположность этому отсутствие смыслов может выражаться у человека в депрессии, легкой подверженности психическим и соматическим заболеваниям, а также в склонности к аддикциям.

Анализ совокупности различий, наблюдаемых между Новосибирском, Томском и Барнаулом, позволяет думать о том, что в двух первых городах «идеальный» образ мира оказывается в какой-то степени включенным в более масштабные процессы, происходящие в регионе, в стране и в мире. Очевидно, что это может найти отражение в совпадающем образе мира и образе жизни жителей этих городов, несмотря на «тупиковое» географическое расположение провинциального Томска. Напротив, в Барнауле сложившийся «идеальный» образ мира, скорее всего, носит локальный, местечковый характер, детерминируя специфику психологических особенностей барнаульцев. Результаты психодиагностического исследования показывают, что психологические портреты новосибирцев и томичей немного похожи, хотя и имеют специфические различия, а портрет барнаульцев существенно отличается от них.

Это исследование проводилось в период 2003–2006 гг., в нем приняли участие жители Новосибирска, Томска и Барнаула в возрасте от 17 до 55 лет. Все они имели разный уровень образования (среднее, среднее специальное, высшее) и занимались различной профессиональной деятельностью (или еще не приступали к таковой). Общим для них было то, что они приняли решение об обучении на специальности «психолог» по очно-заочной форме и были зачислены на 1-й курс психологического факультета. Выборки, образованные в разных городах, оказались сопоставимыми по ряду параметров, причем большую часть составили женщины. Исследование проводилось в течение 1 года обучения, что, по моему мнению, помогло избежать искажений результатов тестирования, ко-

[1] См.: *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.

торые могли возникнуть вследствие знакомства респондентов с психологическими закономерностями восприятия, мышления и поведения человека.

Участникам исследования было предложено заполнить специальную матрицу, содержащую список «общечеловеческих» ценностей. Их необходимо было связать с «прошлым», «настоящим», «будущим» и «вечностью» в соответствии с субъективными критериями, которые заранее никак не обговаривались. Если респондент считал, что та или иная ценность связана с тем или иным периодом времени, то он в соответствующей ячейке матрицы проставлял галочку.

Ожидалось, что в результате соотнесения человеком собственных ценностей с временными периодами, выступающими своеобразными единицами организации, можно будет приблизиться к пониманию того, каким образом он способен структурировать и организовывать свой образ мира во времени. С одной стороны, можно было предположить, что степень синхронизации этих периодов будет отражать целостность его образа мира и меру интеграции его личности. С другой стороны, поскольку считаю, что жизнь человека всегда направлена в будущее, а сложившаяся у него структура ценностей, в моем представлении, – это своеобразная модель идеального будущего, к которой он устремляется, то можно было полагать, что наибольшая смысловая «нагрузка» будет получена для временной категории «будущее». Вместе с тем особо важным мне представлялся анализ ценностей относительно категории «вечность», поскольку она, по сути, является предельно абстрактным понятием, созданным в человеческой культуре и приобретающим в ней характер «предельной» ценности, относительно которой человек может соизмерять свои намерения и поступки.

Список ценностей был взят из книги Михаила Веллера «Все о жизни», под впечатлением от прочтения которой я находился в момент планирования исследования. В список вошли 19 ценностных формулировок: быть здоровым, иметь благополучную семью, быть материально обеспеченным, иметь хорошую работу, быть уважаемым, любить и быть любимым, достичь успехов в профессии, стать известным и знаменитым, достичь успехов в карьере, иметь власть, стать свободным, жить полной жизнью, достичь желаемой цели, все знать, найти смысл своей жизни, быть примером для других, быть справедливым, быть уникальным и оригинальным, самоут-

вердиться в жизни. Как можно заметить, часть этих ценностей можно отнести к категории конкретных (например, быть материально обеспеченным), а часть – к категории абстрактных (например, найти смысл своей жизни, быть справедливым).

Матрицы, которые заполнили участники исследования, после предварительной процедуры их перекодировки в двоичный код были введены в базу данных, и их факторно-аналитическая обработка проводилась методом главных компонент с поворотом факторных осей (Biqartimax raw); в качестве переменных также учитывались пол и возраст. Аналитическая часть исследования строилась с учетом работы В.Ф. Петренко и О.В. Митиной[1].

Анализ результатов по объединенной выборке (330 респондентов) позволил выявить 4 базисных фактора, объясняющих соответственно 11, 7, 6 и 4 процентов общей дисперсии. Только в двух из четырех выявленных факторов изучаемые ценности были представлены со значимыми весами факторных нагрузок (анализировались только те ценности, нагрузка которых составляла более 0,7). Для иллюстрации результатов факторного анализа я далее привожу таблицы, в которых представлены только ценности со значимыми весами факторных нагрузок.

Следует обратить внимание на то, что, по данным факторного анализа, в общей выборке отсутствуют общие ценности, которые бы были в большой степени связаны с «настоящим» и с «вечностью» (табл. 1). Как можно видеть, наиболее значимым фактором оказался фактор «будущее». С моей точки зрения, это согласуется с активностной парадигмой, согласно которой текущее поведение живого существа преимущественно определяется его представлениями о предстоящих событиях. В факторе «будущее» со значимыми весовыми нагрузками проявились ценности «любить и быть любимым» и «быть уважаемым». Очевидно, это означает, что в настоящей реальности наиболее общим (типичным) для жителей трех сибирских городов является стремление к переживанию чувства любви и уважения. Так и напрашивается мысль о том, что сейчас большинство из них, испытывая потребность в любви, фрустрированы ее дефицитарным состоянием. В данном случае следует

---

[1] *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания: На материале политического менталитета. 2-е изд. М., 1997.

учитывать, что в изучаемой выборке большинство респондентов составляют женщины, в силу чего могла оказаться значимой ценность любви. А может быть, ощущение ее недостатка и стремление к уважению было одним из веских оснований для обращения женщин к психологии, ожидающих в ее рамках получить новые возможности для их обретения? Ответить на этот вопрос можно, только организовав более «глубокое» исследование (например, используя оригинальную методику Р. Эммонса для изучения структуры устремлений), дополнив его сравнительными данными, полученными в группе респондентов, не обучающихся психологии.

Во втором факторе значимыми оказались две ценности, связанные с «прошлым», – достижения успехов в профессии и карьере (табл. 1). Создается впечатление, что респонденты оставили в прошлом эти ценности достижения, получив, вероятно, некий отрицательный опыт в своей жизни. Но нельзя исключить и того, что у обследуемых лиц (среди которых часть еще даже не приступала к профессиональной деятельности) кем-то, может быть неосознанно, была сформирована негативная установка на достижение успехов в профессии и в карьере. Кроме того, вероятной является возможность привлечения в ряды психологии людей, для которых профессиональная успешность и карьерный рост являются негативными ценностями. Но не будем торопиться делать выводы, а проанализируем особенности структуры ценностей отдельно в выборках трех сибирских городов.

Таблица 1

Общие ценности для всей выборки обследуемых лиц, полученные по результатам факторного анализа матрицы ценностей, соотнесенных с прошлым, настоящим, будущим и вечностью

Factor 1	Нагрузка	Factor 2	Нагрузка
В будущем:		В прошлом:	
Любить и быть любимым	0,720027	Достичь успехов в профессии	0,746044
Быть уважаемым	0,70470	Достичь успехов в карьере	0,724885
Expl. Var	11,01514	Expl. Var	7,517490
Prp. Totl	0,14122	Prp. Totl	0,096378

Примечание. 320 валидных случаев.

Анализ матриц ценностей, которые предоставили жители провинциального города Барнаула, привел к выявлению 3 факторов (табл. 2). Самым значимым из них, как и в общей выборке жителей сибирских городов, оказался фактор, связанный с понятием «будущее». Следовательно, и для барнаульцев характерна преимущественная типичная ориентация собственной жизни на будущее.

При этом барнаульцы с будущим связывают такую ценность, как «быть здоровым». Именно она в наибольшей степени направляют жизненную активность жителей Барнаула, участвующих в исследовании, и характеризует их специфичность. Ориентация на эту ценность действительно ощущается в аудитории барнаульцев, о чем можно судить по содержанию вопросов, которые они задают на лекциях. Однако интерес к проблеме сохранения здоровья и ценность «здоровья», скорее всего, отражают фиксацию барнаульцев на ценностях низкого (более «примитивного») уровня, который определяет направленность и «качество» их жизнедеятельности.

Интересно, что в выборке жителей Барнаула обозначился фактор, отражающий понятие «вечность». Это означает, что большинству из них свойственно наличие некоторого долгосрочного, стратегического (высшего) механизма регуляции собственной жизни, в котором мерилом адекватного, целесообразного («правильного») поведения оказывается предельная ценность «вечность». Как можно заметить (табл. 2), с этой абстрактной ценностью у барнаульцев оказывается связанной ценность «быть уважаемым». Подобная связь понятия «вечность» и стремления к уважению, с моей точки зрения, максимально оправданна, поскольку стремление человека стать уважаемым для других людей до такой степени, чтобы запомниться «в вечности», действительно может выступать в качестве одного из высших критериев позитивной направленности его собственной жизни.

Кроме того, барнаульцы с понятием «вечность» связывали и две ценности материального порядка – «быть материально обеспеченным» и «иметь хорошую работу». В этой связи между материальными ценностями и «вечностью» кроется специфика жителей Барнаула. Она характеризует их как людей конкретных, практичных и здравомыслящих, не склонных к фантазиям и ви-

танию в облаках, а также не склонных интересоваться абстрактными проблемами. Последняя склонность, как отмечают некоторые преподаватели факультета психологии, отчетливо проявляется в учебной активности барнаульских студентов-психологов. Они ориентированы на восприятие практически значимой учебной информации, но демонстрируют открытое сопротивление (словами, жестами) в учебных ситуациях, направленных на усвоение базисных, абстрактных знаний.

Примечательно, что для барнаульцев в «вечности» оказываются значимыми и две ценности достижения – «достичь успехов в профессии» и «достичь успеха в карьере». По моему мнению, это положительный факт, поскольку он свидетельствует об отсутствии тотальной негативной установки на достижение успеха.

Третий фактор, который был выявлен в выборке барнаульцев с помощью факторного анализа, отражал связь между понятием «прошлое» и ценностью «достичь успехов в профессии». Это свидетельствует о том, что у большинства жителей Барнаула, участвующих в исследовании, имеется некоторый отрицательный прошлый опыт профессиональной деятельности, который они тем не менее стремятся преодолеть в будущем, получив новую профессию и новые знания.

Специфичным для барнаульцев оказалось также то, что большинству из них не свойственна ориентация на «настоящее» – они не были склонны связывать с ним какую-либо из предложенных ценностей. Они как бы не «живут настоящим», а их повседневная активность нацелена на «будущее». Данный факт может свидетельствовать о десинхронизации структуры ценностей во времени у представителей Барнаула. Другими словами, во временном измерении у них отсутствует интеграция, связность ценностей. Думается, что любую десинхронизацию, фрагментарность, наблюдаемую у человека на каком-либо уровне его индивидуальности, следует рассматривать как негативное по психологическим последствиям явление, которое может препятствовать достижению чувства собственного благополучия и эмоционального комфорта. Подобная точка зрения приводит к неблагоприятному в психологическом отношении прогнозу для группы барнаульцев, участвующих в исследовании.

Таблица 2

Общие ценности для участвующих в исследовании жителей Барнаула, полученные по результатам факторного анализа матрицы ценностей, соотнесенных с прошлым, настоящим, будущим и вечностью

Factor 1	Нагрузка	Factor 2	Нагрузка	Factor 3	Нагрузка
В будущем:		В вечности:		В прошлом:	
Быть здоровым	0,76187	Быть материально обеспеченным	0,816875	Достичь успехов в профессии	0,759095
		Иметь хорошую работу	0,849120		
		Быть уважаемым	0,772873		
		Достичь успехов в профессии	0,850208		
		Достичь успехов в карьере	0,783336		
Expl. Var	13,16040	Expl. Var	6,130836	Expl. Var	7,518057
Prp. Totl	0,16872	Prp. Totl	0,078600	Prp. Totl	0,124649

Примечание. 86 валидных случаев.

В выборке томичей в результате факторного анализа, так же как и у барнаульцев, было обнаружено три значимых фактора (табл. 3). Причем в первом объединенными оказались две категории времени («настоящее» и «будущее»), а также ценности «любить и быть любимым» и «иметь хорошую работу». Как видим, «настоящее» оказывается значимым для респондентов. С ним они связывают ценность «любви», которая продолжает быть значимо связанной и с их «будущим». Выделение в качестве существенной именно этой ценности является специфической особенностью томичей и отличает их от барнаульцев и новосибирцев. Особо ценным для томичей в будущем представляется «иметь хорошую работу». Причину того, почему респонденты из Томска оказываются наиболее чувствительными к ценностям любви и наличию хорошей работы, следует искать в высоком уровне скрытой конкуренции, которая существует в этом городе между работниками интеллектуального труда.

Во втором факторе в группе томичей с «прошлым» оказался связанным целый ряд ценностей – «достичь успехов в профессии», «достичь успехов в карьере», «стать знаменитым» и «иметь хорошую работу».

Подобная закономерность для данной выборки является вполне объяснимой, поскольку, напомню, ее в основном составили люди, пожелавшие сменить сферу профессиональной деятельности (или расширить свою профессиональную компетенцию) и получить иное (психологическое) образование. Во многом решение о смене вида профессиональной деятельности, по-видимому, было обусловлено субъективной неудовлетворенностью прежней работой, неуспешностью в прежней профессии и неспособностью достичь чего-либо заметного и значимого для окружающих. Эту неудовлетворенность и неуспешность представители Томска, как и другие участники исследования, нацелены преодолеть в будущем, овладев новыми для них знаниями и профессиональными навыками.

В третьем факторе у томичей с понятием «вечность» оказалась значимо связанной ценность «быть справедливым». Эта выявленная связь специфична для данной группы обследуемых лиц и выгодно отличает их от барнаульцев и новосибирцев. Ее наличие означает, что представители Томска способны сопоставлять свои поступки и намерения с высшей ценностью, имеющей нравственную окраску. Однако возникает вопрос, какова природа этой связи. Почему стремление войти в вечность с чувством справедливости, характерное для группы из Томска, оказывается ценным? Ответить на этот вопрос можно было бы, указав на высокий общий культурный уровень Томска. Но что-то в душе сопротивляется такому простому ответу. Скорее всего, эта связь «вечности» и ценности «быть справедливым» может быть обусловлена двумя причинами.

В качестве первой я бы назвал возможное ощущение томичами некоторой собственной исключительности с оттенком своеобразного мессианства (заметим, что синонимом слова «справедливость» являются слова праведность и законность). Подобное ощущение может быть детерминировано историческим местом и миссией Томска в Сибири. Сложившийся образ старейшего города со старейшим в сибирском регионе университетом, образ интеллектуальной «кузницы кадров» для Сибири («могуществом которой будет прирастать Россия»), пропаганда образа «Сибирских Афин» в совокупности могли способствовать тому, что проживающие в городе интеллектуалы воспринимают себя в возвышенной роли «маленьких», но мессий. Такое рассуждение очень гипотетично, но именно оно пришло на ум.

Другое возможное объяснение может быть скрыто в истории формирования основной массы населения города Томска. В него и окру-

жающую его мало пригодную для проживания местность еще с царских времен ссылались неугодные для государства люди. Условия жизни в Томской губернии с ее многочисленными непролазными болотами и тайгой, с лютыми морозами были настолько тяжелыми, что в 30-е гг. прошлого столетия во времена массового раскулачивания сюда были сосланы крестьянские семьи даже из близлежащих мест – Кемеровской и Новосибирской областей, Алтайского края. Многие выходцы из этих семей позднее оказались связанными с Томском, а истории о случившейся страшной несправедливости до сих пор передаются от старших к младшим. Вполне можно допустить, что эти истории для некоторой доли томичей становятся личностными историями, способствуя их идентификации с несправедливо обиженными. По-видимому, стремление не допустить подобного по отношению к другим людям и может обусловливать выделение томичами ценности «быть справедливыми» в качестве особо значимой ценности, соотнесенной с вечностью. Конечно, и это предположение очень гипотетично и требует своей эмпирической верификации, но тем не менее его следует рассматривать в качестве одного из правдоподобных вариантов объяснения обнаруженному феномену.

Таблица 3

Общие ценности для участвующих в исследовании жителей Томска, полученные по результатам факторного анализа матрицы ценностей, соотнесенных с прошлым, настоящим, будущим и вечностью

Factor 1	Нагрузка	Factor 2	Нагрузка	Factor 3	Нагрузка
В настоящем:		В прошлом:		В вечности:	
Любить и быть любимым	0,70810	Достичь успехов в профессии	0,761090	Быть справедливым	0,726056
В будущем:		Достичь успехов в карьере	0,780464		
Любить и быть любимым	0,71321	Стать знаменитым	0,712417		
Иметь хорошую работу	0,720081	Иметь хорошую работу	0,708171		
Expl. Var Prp. Totl	10,70389 0,13723	Expl. Var Prp. Totl	7,817050 0,100219	Expl. Var Prp. Totl	5,503104 0,070553

Примечание. 175 валидных случаев.

Для выборки новосибирцев по результатам факторного анализа характерными оказались 4 фактора (табл. 4). В первом факторе «прошлое» со значимыми весовыми нагрузками оказались ценности «быть материально обеспеченным», «достичь успехов в профессии» и «стать известным и знаменитым». Все эти ценности новосибирцы предположительно «оставили» в своем прошлом. Вновь, как и в других анализируемых выборках, данный факт может быть связан с неудавшимся прошлым жизненным опытом для большинства участников исследования, которые в силу этого приняли решение о переобучении на факультете психологии.

Во втором факторе «будущее» в качестве значимых оказались ценности «быть уважаемыми» и «жить полной жизнью». Может быть, базовая потребность «быть уважаемым» и является одной из ключевых причин того, что люди, испытавшие негативный жизненный опыт, тем не менее стремятся найти возможности для изменения собственной жизни? Если это так, то данную ценность следует рассматривать в качестве важного личностного ресурса, который, вероятно, может обеспечивать стремление человека к достойной жизни.

Выделение участниками исследования ценности «жить полной жизнью» вполне соответствует реалиям Новосибирска как интенсивно развивающегося современного города, в котором жизнь весьма разнообразна и «бьет ключом». Проживая в таких условиях и наблюдая многочисленные примеры из жизни состоявшихся людей, новосибирцы стремятся к переживанию всей полноты имеющихся возможностей. В этом, с моей точки зрения, находит свое отражение стремление к витальности, свойственное жителям Новосибирска.

В третьем факторе в группе новосибирцев оказались связанными «настоящее» и ценность «самоутвердиться в жизни». Думается, что за этой связью скрыто стремление жителей столичного города как можно быстрее стать самостоятельными и значимыми людьми, с которыми бы считались окружающие. Этим стремлением они, очевидно, руководствуются в своей повседневной жизни, и это отличает их от других групп участников – жителей периферийных городов.

Таблица 4

Общие ценности для участвующих в исследовании жителей Новосибирска, полученные по результатам факторного анализа матрицы ценностей, соотнесенных с прошлым, настоящим, будущим и вечностью

Factor 1	Нагрузка	Factor 2	Нагрузка	Factor 3	Нагрузка	Factor 4	Нагрузка
В прошлом:		В будущем:		В настоящем:		В вечности:	
Быть материально обеспеченным	0,871427	Жить полной жизнью	0,703342	Самоутвердиться в жизни	0,708160	Достичь успехов в профессии	0,700231
Достичь успехов в профессии	0,832979	Быть уважаемым	0,728277			Достичь успехов в карьере	0,721679
Стать известным и знаменитым	0,723606						
Expl.Var	7,736809	Expl.Var	8,545212	Expl.Var	6,630075	Expl.Var	3,608884
Prp.Totl	0,131132	Prp.Totl	0,144834	Prp.Totl	0,112374	Prp.Totl	0,061168

Примечание: 69 валидных случаев.

Завершая анализ особенностей структуры ценностей, разделяемых большинством новосибирцев, обратим внимание на связи «вечности» с ценностями «достичь успехов в профессии» и «достичь успехов в карьере», которые проявились в четвертом факторе. Думается, что в данном случае новосибирцы понимают вечность просто как отдаленное будущее, ожидая, что в нем они смогут достигнуть профессиональных успехов и продвинуться по служебной лестнице.

Таким образом, подводя итог анализу структуры ценностей жителей трех разных сибирских городов, можно отметить следующее. Все три выборки оказываются схожими в отношении участников исследования к ценностям, связанным с прошлым. Для большинства из них типичным является сопоставлять с прошлым такие ценности, как «достичь успехов в профессии» и «достичь успехов в карьере». По-видимому, как уже указывалось, получив негативный опыт в прежней профессии, большая доля участников исследования оставила попытки достичь в ней чего-либо лично значимого и приняла решение о необходимости профессиональной переориентации. Вместе с тем часть обследуемых лиц с прошлым связала ценности «быть материально обеспеченным» и «стать известным и знаменитым», что может быть обусловлено исчезновением в силу различных жизненных событий некоторых иллюзий относительно собственных возможностей или быстрого и легкого достижения желаемого.

Несмотря на полученный негативный опыт и потерю иллюзий, большинство участников исследования не отчаялись и не разочаровались в себе, а предприняли попытку реализовать себя в новой профессии. На основе полученных результатов можно предположить, что такой попытке могло способствовать наличие у многих из них ценности «быть уважаемым». Стремление к уважению, являясь отражением базовой потребности человека, может предопределять поиск им новых возможностей в трудных жизненных ситуациях и способность гибко реагировать на изменение этих ситуаций.

Общие черты в структуре ценностей проявляются также в выборке новосибирцев и барнаульцев относительно временной категории «вечность». Похоже, что и в том и в другом случае участники исследования вечность воспринимают как некое отдаленное будущее, связывая с ним ценности «достичь успехов в профессии» и «достичь успехов в карьере». С моей точки зрения, эти ценности несоизмеримы (несопоставимы) с понятием «вечность», поскольку им трудно приписать хоть какой-то сакральный (или культурный) смысл. Скорее всего,

обследуемые лица из Новосибирска и Барнаула просто ожидают, что, получив новые психологические знания, они смогут себя реализовать профессионально и достичь успеха в профессиональной деятельности (и не обязательно в области практической психологии).

На этом сходства в структуре ценностей у респондентов из трех городов заканчиваются и начинаются различия. Максимально они нашли отражение в отношении к понятию «настоящее». У представителей Барнаула, как было продемонстрировано, вообще отсутствуют общие ценности в настоящей жизни. Это указывает на десинхронизацию структуры их ценностей – большинство из них «живут», ориентируясь в своих поступках либо на прошлое, либо на будущее. Подобная десинхронизация в психологии традиционно рассматривается как негативное по своим психологическим последствиям явление. Заметим, что оно свойственно жителям периферийного города, который, по сравнению с Новосибирском и Томском, оказался минимально вовлеченным в процессы изменения российского общества, а его жители, судя по результатам исследования, не видят особой для себя жизненной перспективы. Ближайшее будущее они связывают с достижением здоровья, а в отдаленном будущем в структуре их ценностей проявляется ценность материального порядка – «стать материально обеспеченным».

В этой связи важными представляются данные, согласно которым для лиц, ориентированных на материальные стремления, характерным является снижение субъективного благополучия. Причем, как указывает Р. Эммонс, высокий рейтинг по субъективной оценке значимости внешне ориентированных целей достижения финансового успеха, общественного признания и физической привлекательности негативно связан с несколькими параметрами благополучия, в том числе с витальностью и самоактуализацией, и позитивно связан с показателями тревоги, депрессии, нарциссизма и физической симптоматики.

Это вполне согласуется с результатами анализа психологических особенностей группы жителей Барнаула, в которой наблюдаются косвенные признаки депрессии и неблагополучия, а также интерес к проблемам здоровья.

В другом периферийном городе – Томске – структура ценностей синхронизирована со всеми временными категориями: с прошлым, настоящим, будущим и вечностью. При этом вечность, скорее всего, понимается томичами как высшая предельная ценность, поскольку с нею они связывают высокоабстрактную ценность «быть справедливым» (метаценность по А. Маслоу). Природа этой связи,

как уже указывалось, скорее всего, обусловлена наличием у них особого чувства некоторой исключительности и мессианства. Обращает на себя внимание то, что в структуре их ценностей специфически представлены те из них, которые отчетливо связаны с отношениями к другим людям, – «любить и быть любимым», «быть справедливым». Причиной подобной ориентации на других людей может быть феномен более выраженной «связности», взаимозависимости жителей небольших периферийных городов и переживание ими «реликтового» чувства своеобразной общности.

В отличие от группы томичей, которые ориентированы в своих ценностях на других людей, в группе новосибирцев характерным является индивидуальная ценностная ориентация. Действительно, значимыми для них ценностями оказываются «самоутвердиться в жизни» и «жить полной жизнью». Вероятно, придание им статуса значимых связано со специфическими условиями проживания людей в большом столичном городе. Эти условия таковы (разнообразие возможностей на фоне интенсивно протекающей жизни, высокая частота формальных коммуникаций, низкая степень взаимозависимости от других людей и т.п.), что столичные жители, по-видимому, рано начинают осознавать, что достижение ими собственного благополучия возможно только тогда, когда они будут максимально самостоятельными (отсюда «самоутвердиться» становится важной ценностью), а жить имеет смысл исключительно для себя. Причем особо ценным для них оказывается «жить полной жизнью».

Для новосибирцев, как и для томичей, характерна синхронизация структуры ценностей во времени, которые равномерно представлены и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Возможно, что эта синхронизация, которая отсутствуют у жителей Барнаула, является результатом высокой степени включенности Новосибирска и Томска в более масштабные процессы трансформации российского общества. Ощущая себя вовлеченными в эти процессы, новосибирцы и томичи оказываются способными соотносить свои ценности с настоящим, даже несмотря на то, что их собственная жизнь в настоящий момент испытала существенное изменение. Другими словами, можно предположить, что включенность собственной жизни человека в более масштабные общественные процессы может способствовать формированию у него более интегрированной структуры ценностей.

Подводя итог изучению особенностей структуры ценностей у представителей трех сибирских городов, следует сделать следую-

щее заключение. Каждый город, находясь в одном регионе, различается геоэкономическим положением, имеет специфику исторически сложившегося «идеального» образа города и в разной степени оказывается вовлеченным в масштабные общественные процессы, направленные на достижение будущих социально значимых результатов. Жители этих городов, перекодируя объективную реальность и идеальное представление о ней в субъективную реальность, закономерно выбирают из потенциально возможных ценностей в качестве особо важных свои специфические. Как мы видим, «столичные» новосибирцы склонны выбирать одни ценности, жители Томска – другие, барнаульцы – третьи. Эти ценности, входя важными элементами в субъективный образ мира и, на самом деле, являясь его «мерностями», задают векторную тенденцию движения жизни человека к достижению будущего благополучия и счастья. Успешность этого достижения будет зависеть от согласованности (синхронизации, связности, интеграции) структуры ценностей, на которую, как мы видим, могут опять же оказывать влияние объективные условия жизни в данном городе и «идеальный» образ о нем.

Рассуждая подобным образом, можно попытаться сделать прогноз относительно успешности достижения субъективного благополучия жителями трех сибирских городов. Если в Барнауле экономические и политические процессы не будут приведены в соответствие с развивающимися общественными изменениями и город в полной мере не включится в процессы глобализации и регионализации, то едва ли большинство барнаульцев, участвующих в исследовании, в отдаленном будущем субъективно оценит себя как благополучных.

Проблематично, по моему мнению, и достижение субъективного благополучия для жителей Томска. Подобное мнение основывается на том, что образ «Сибирских Афин», несомненно влияющий на формирование системы ценностей у большой части томичей, пока далеко не во всем соответствует реальности. Этот образ мифичен и иллюзорен. Поэтому, когда у жителей Томска возникнет потребность оценить достигнутое в собственной жизни, велика будет вероятность того, что это достигнутое окажется весьма далеким от ожидаемого (например, не удастся стать любимыми и справедливыми). Несоответствие между желаемым и достигнутым породит субъективное ощущение неблагополучия, несчастия и, возможно, депрессию и хронический стресс. Необычная ситуация для томичей может быть спрогнозирована тогда, когда они со своей специфической структурой ценностей окажутся за

пределами мифичных «Сибирских Афин». Думаю, что их идентификация с сибирскими мессиями и соответствующее этому поведение будут вызывать обоснованное раздражение и неприятие у жителей других городов. Миф об исключительности, по-видимому, может быть позитивным ресурсом для сплочения группы людей, но отдаленные последствия мифотворчества (которое, по сути, является манипуляцией сознанием) для них могут быть негативными.

Прогноз на будущее для новосибирцев мог бы быть положительным. Их типичная ориентация на самоутверждение и уважение, наличие ценности «жить полной жизнью» в сочетании со стремлением к достижению успеха в профессии и в карьере гораздо в большей степени, чем у жителей Барнаула и Томска, соответствуют реалиям и тенденциям современной жизни. Однако эти реалии и тенденции представляются все же несколько ситуативными. Они в малой степени у новосибирцев связаны с культурно обусловленной предельной ценностью вечности. Низкий уровень их абстрагирования от конкретики повседневной жизни, отсутствие ценностей высшего уровня, с которыми они могли бы соизмерять собственные намерения и поступки, а также характерная для них направленность ценностей «на себя» могут также привести к переживанию субъективной неудовлетворенности прожитой жизнью. Эта неудовлетворенность может возникнуть даже на фоне насыщенной яркими событиями личной жизни и достигнутого материального благополучия, поскольку рано или поздно необходимо будет ответить на вопрос, а ради чего была прожита жизнь, кому нужна такая жизнь? Вероятно, ответить на эти вопросы любому человеку будет легче, если он примет решение о необходимости включенности своих индивидуальных жизненных целей в нечто соизмеримое с вечностью.

Для того чтобы подкрепить некоторые свои интерпретации относительно выявленных различий между представителями сибирских городов, приведу эмпирические данные о других их психологических особенностях.

В обследовании барнаульцев, новосибирцев и томичей использовался психодиагностический тест Смысложизненных ориентаций (СЖО)[1], позволяющий оценить стремление человека к поиску смысла в жизни и количественно охарактеризовать его удовлетворенность собственной прожитой (прошлой) жизнью и настоящим, а также степень устремленности в будущее, локус-контроль и убежденность в возможности управления

[1] См.: *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 1992.

жизненными событиями. Этот тест (в силу легкости его исполнения) выполнило гораздо большее количество сибиряков (участвовало 112 новосибирцев, 146 барнаульцев и 203 томича). Результаты статистической обработки тестирования представлены в табл. 5. Следует отметить, что средние значения по всем субшкалам теста СЖО, вычисленные по всей сибирской выборке, на 1–2 балла выше, чем средние значения обследуемых лиц (мужчин), представленные Д.А. Леонтьевым[1].

Таблица 5

Средние значения (в баллах), нижний и верхний квартили субшкал теста Смысложизненных ориентаций, выполненного жителями сибирских городов (n = 461, возраст от 18 до 55 лет)

Показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение	Нижний квартиль	Верхний квартиль
Общий показатель	108	16,1	100	120
Цели в жизни	33,7	6,17	30	38
Процесс жизни	32,5	5,64	30	36
Результативность жизни	27,1	4,53	24	30
Локус контроля-Я	22	4,03	20	25
Локус контроля-жизнь	31,7	5,99	28	36

На втором этапе обработки полученные данные были подвергнуты дисперсионному анализу (использовался метод ANOVA-MANOVA), в ходе которого были выявлены достоверные различия между группами новосибирцев, томичей и барнаульцев.

Так, они различались по среднему значению «общий показатель осмысленности жизни» (Барнаул – 105,2 балла, Томск – 108,9 балла, Новосибирск – 110,1 балла; различия достоверны с p=0,029), что свидетельствует о минимально выраженном у барнаульцев стремлении к поиску смысла жизни и, соответственно, об их наименьшей жизненной активности. Напротив, для жителей столичного Новосибирска характерны максимальное стремление к поиску смысла жизни и наибольшая жизненная активность.

Кроме того, практически по всем субшкалам теста СЖО средние значения в группе барнаульцев были ниже, чем в группах томичей и новосибирцев. Однако достоверные межгрупповые различия были

[1] См.: *Леонтьев Д.А.* Указ. соч.

выявлены только по субшкалам «цели в жизни» и «локус контроля-жизнь» (рис. 1). Это означает, что у барнаульцев цели будущего, имеющие смысл, наименее сформулированы и организованы. Для них в большей степени свойственна убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

В противоположность этому у новосибирцев целеполагание более выражено и они более четко представляют свое будущее. Им в большей степени свойственна убежденность в том, что человеку дана возможность контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Томичи относительно этих особенностей занимают промежуточное положение (хотя лишь в малой степени «отстают» от новосибирцев).

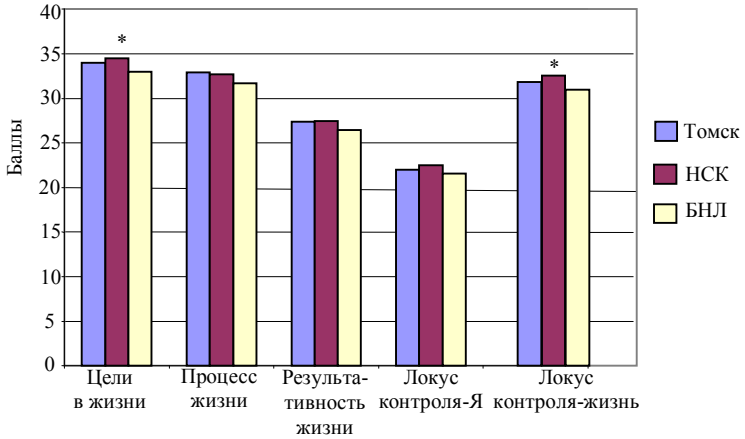


Рис. 1. Средние значения субшкал теста Смысложизненных ориентаций, вычисленные для участников исследования из Томска (n=203), Новосибирска (НСК, n=112) и Барнаула (БНЛ, n=146);
* – различия между жителями Новосибирска и Барнаула достоверны с $p<0,05$

Если ценности и смыслы отличаются друг от друга тем, что за первыми стоят напряженные потребности, а за вторыми столь же напряженные возможности[1], то полученные данные говорят о том, что жители столичного Новосибирска в большей степени воспринимают себя

[1] См. об этом: *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005.

как активных субъектов жизнедеятельности, чем жители периферийных сибирских городов. Очевидно, что перспективы интенсивно развивающегося столичного города, находящегося на перекрестке основных транспортных магистралей Сибири, могут придавать ее жителям особое ощущение витальности, свободы выбора и личностной значимости. Это позволяет им более творчески подходить к «конструированию» своей собственной жизни и к формированию собственной личностной позиции по отношению ко многим аспектам социальной действительности.

В отличие от этого, жители Барнаула, оказавшиеся на периферии Сибирского региона, вне процессов интенсивного социально-экономического и политического преобразования, по-видимому, более склонны чувствовать себя «заложниками» ситуации, способными лишь в малой степени повлиять на жизненные события и изменить их ход в свою пользу.

В Томске, который является, по сути, «железнодорожным тупиком» (т.е. «более периферийным», чем Барнаул), тем не менее существуют такие условия проживания, что его жители, создавая субъективный образ мира, оказываются по своим психологическим характеристикам близки к жителям столичного города.

Однако этот «прорыв» периферийного города в разряд современных перспективных городов оборачивается акцентуацией своеобразных черт личности у его жителей. Об этом можно судить по результатам их психологического тестирования и последующему сопоставлению с результатами представителей Новосибирска и Барнаула.

Так, некоторые участники исследования (89 новосибирцев, 84 барнаульца и 94 томича) выполнили методику «Шкала базовых убеждений» Ронни Янов-Бульман[1]. Она была разработана в рамках когнитивной концепции базовых убеждений личности, в соответствии с которой одним из базовых ощущений нормального человека является чувство безопасности. По мнению автора методики, оно основано на трех категориях базовых убеждений, составляющих ядро нашего субъективного мира: 1) вера в то, что в мире больше добра, чем зла; 2) убеждение в том, что мир полон смысла и события происходят не случайно, а контролируются и подчиняются законам справедливости; 3) убеждение в ценности собственного «Я». Здесь основное значение имеют три аспекта: «Я хороший человек» (самоценность), «Я пра-

[1] См.: *Практикум* по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М., 2003.

вильно себя веду» (контроль) и оценка собственной удачливости. Три категории базовых убеждений оцениваются с помощью восьми показателей: благосклонность мира, доброта людей, справедливость мира, контролируемость мира, случайность как принцип распределения происходящих событий, ценность собственного «Я», степень самоконтроля (контроля над происходящими событиями) и степень удачи.

Результаты статистической обработки данных, полученных с помощью Шкалы базовых убеждений, представлены в табл. 6. Считается, что в норме показатели по всем субшкалам методики должны быть выше середины, т.е. не менее 3,5 балла. Как видим, это условие для выборки сибиряков соблюдается.

Уточню, что кроме авторских показателей Шкалы, вычислялся индекс «Мир-Я» как отношение суммарного показателя «отношение к миру» к показателю «ценность собственного Я», умноженное на 100. По замыслу этот индекс характеризует баланс (гармонию) между представлением человека о себе и его представлением об окружающем мире.

Таблица 6

Средние значения (в баллах), нижний и верхний квартили показателей Шкалы базовых убеждений Р. Янов-Бульман, выполненной жителями сибирских городов (n=267, возраст от 18 до 55 лет)

Убеждения	Среднее значение	Стандартное отклонение	Нижний квартиль	Верхний квартиль
Благосклонность мира	4,47	0,92	4	5,25
Доброта людей	4,08	0,82	3,75	4,75
Отношение к миру	4,27	0,78	3,75	4,875
Справедливость мира	3,71	0,84	3,25	4,25
Контролируемость мира	3,97	0,80	3,5	4,5
Случайность мира	3,43	0,90	2,75	4
Ценность собственного «Я»	4,37	0,92	3,75	5
Степень самоконтроля	4,12	0,81	3,5	4,75
Степень удачи или везения	3,97	0,87	3,5	4,5
Убеждение в собственной ценности	4,15	0,62	3,83	4,5
Индекс Мир-Я	102,3	30,1	85	112,5

Значимые различия между жителями трех городов по этой методике были обнаружены по показателям «благосклонность мира», «справедливость мира» и «ценность собственного «Я» (рис. 2). При этом минимальное среднее значение показателя «благосклонность мира» было отмечено в группе барнаульцев (4,31 балла), а максимальное – в группе новосибирцев (4,6 балла, различия между двумя этими группами достоверны с p=0,0348). Следовательно, барнаульцам в меньшей степени, чем новосибирцам, свойственно убеждение в том, что в мире больше добра, чем зла. Томичи заняли промежуточное положение относительно базового убеждения благосклонности мира.

Та же тенденция в межгрупповых различиях отмечалась и по показателю «справедливость мира». Минимальное среднее значение по нему было свойственно группе барнаульцев (3,56 балла), максимальное – группе новосибирцев (3,89 балла) промежуточное – группе томичей (3,68 балла, различия между всеми группами достоверны с p=0,0312). Это означает, что барнаульцы отличаются минимальной убежденностью в справедливом устройстве мира, в силу чего, не чувствуя собственной безопасности, они чаще находятся в состоянии напряжения. В справедливом устройстве мира более убеждены новосибирцы, что, очевидно, обеспечивает им ощущение личностной безопасности и спокойствия, а также их открытость миру.

В поиске причин выявленных различий в базовых убеждениях вновь можно обратиться к идее того, что объективные условия города, трансформируясь в субъективную картину мира его жителей, могут детерминировать их некоторые личностные особенности.

Иная картина в различиях между жителями трех городов вырисовывается относительно показателя «ценность собственного «Я» (рис. 2). Его максимальное среднее значение наблюдалось в группе томичей (4,66 балла), близкое к этому значение отмечалось у барнаульцев (4,5 балла), а минимальное среднее значение демонстрировали новосибирцы (3,94 балла, межгрупповые различия достоверны с p=0,000). Поскольку во всех трех группах среднее значение показателя выше 3,5 балла (что является нижней границей нормы), то данный факт межгрупповых различий я склонен интерпретировать в пользу

того, что у томичей явно завышена самооценка (другими словами, им свойственна сверхценность собственного «Я»).

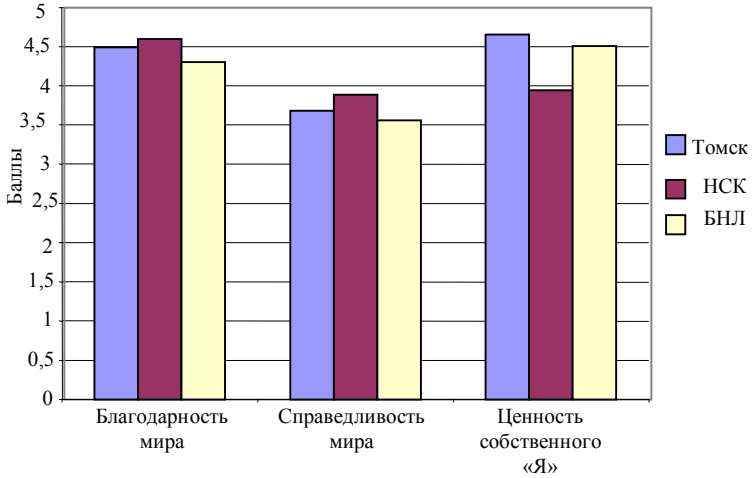


Рис. 2. Средние значения показателей Шкалы базовых убеждений Р. Янов-Бульман, вычисленные для участников исследования из Томска (n=94), Новосибирска (НСК, n=89) и Барнаула (БНЛ, n=84); * – различия между жителями Новосибирска и Барнаула достоверны с p=0,0348; ** – различия между всеми тремя группами достоверны с p=0,0312; *** – различия между всеми тремя группами достоверны с p=0,000

В этой связи интересным представляется анализ различий относительно предложенного индекса «Мир-Я». Как оказалось, его средняя величина была минимальной для группы томичей (95,6 единицы), близкое значение имели барнаульцы (97,4 единицы) и максимальным значением отличались новосибирцы (114 единиц, межгрупповые различия достоверны с p=0,000). Это можно интерпретировать следующим образом: у томичей и барнаульцев наблюдается дисбаланс (особенно в группе томичей) между представлениями о мире и о себе. Им менее свойственно считать, что окружающий мир и люди имеют позитивную природу, но при этом они более высоко оценивают себя, чем новосибирцы.

Максимальная самооценка и минимальное значение индекса, характерные для томичей, и позволили мне при анализе структуры ценностей предположить, что ведущей причиной их особенностей может быть образ собственной исключительности, который складывается у жителей Томска в силу пропаганды идеи «Сибирских Афин».

Вторым аргументом в пользу представления об исключительности, имеющегося у томичей, с моей точки зрения, являлись результаты тестирования участников исследования с помощью Шкалы авторитаризма, разработанной Т. Адорно, Э. Френкель-Брунсвик, Д. Левинсон и Р. Сэнфорд[1]. В первой половине XX в. эти немецкие психологи выдвинули гипотезу о том, что политические, экономические и общественные убеждения индивида лежат в основе своего рода всеобъемлющего и когерентного образа мышления, который является выражением скрытых черт индивидуальной структуры характера. На основе этой гипотезы они создали и апробировали Шкалу авторитаризма, представляющую собой набор особенностей индивида, которые, взаимно дополняясь, образуют единый синдром, единую более или менее устойчивую структуру авторитарной личности. Среди параметров авторитарной личности выделяются следующие: консерватизм, авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, анти-интрацепция, суеверность и стереотипия, «комплекс власти», деструктивность и цинизм, проективность, преувеличенная озабоченность сексуальной жизнью. Нормативные данные, которые приводятся в инструкции Шкалы, отображаются в следующих границах суммарного показателя: 28–70 баллов – авторитаризм выражен в низкой степени, 71–154 балла – средняя степень и более 155 баллов – высокая степень авторитаризма.

Итоговые результаты выполнения данной Шкалы участниками исследования представлены в табл. 7. Судя по среднему значению суммарного показателя, в выборке сибиряков наблюдается средневыраженная авторитарность.

---

[1] См.: Практикум по психодиагностике и исследованию…

Таблица 7

Средние значения (в баллах), нижний и верхний квартили показателей Шкалы авторитаризма, выполненной жителями сибирских городов (n=160, возраст от 18 до 55 лет)

Показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение	Нижний квартиль	Верхний квартиль
Консерватизм	15,4	3,00	13	18
Авторитарное подчинение	29,2	5,22	26	32
Авторитарная агрессия	33,7	6,33	29	38
Антиинтрацепция	14,8	2,84	13	17
Суеверность и стереотипия	23,5	4,53	21	27
«Комплекс власти»	25,0	4,56	22	28
Деструктивность и цинизм	7,66	2,17	7	9
Проективность	17,4	3, 70	15	20
Озабоченность сексуальной жизнью	12,1	3,17	10	14
Суммарный показатель	114,1	15,6	104	125

Выполненный дисперсионный анализ показал межгрупповые различия относительно средней величины суммарного показателя. Максимальным этот показатель был в группе барнаульцев (119,5 балла), минимальным – в группе новосибирцев (109,6 балла), промежуточное значение наблюдалось у томичей (114,2 балла; различия достоверны с p=0,0138). Все средние значения суммарного показателя, характеризующие группы обследованных лиц, вписываются в средненормативные границы, тем не менее можно отметить более высокую выраженность авторитаризма у жителей Барнаула и, следовательно, более высокую их подверженность антидемократической пропаганде. В минимальной степени авторитаризм и связанная с ним подверженность антидемократической пропаганде свойственны представителям Новосибирска.

Различались жители трех сибирских городов также по следующим показателям Шкалы авторитаризма (см. также рис. 3):

Показатель авторитарной агрессии был выше в группе барнаульцев (36,4 балла) и ниже – в группе новосибирцев (31,4 балла),

томичи занимали промежуточное положение (33,6 балла; различия между всеми выборками достоверны с p=0,0014). Это означает, что у представителей Барнаула в большей степени выражены склонность к осуждению, отвержению и наказанию людей, не уважающих традиционные ценности, потребность во внешнем объекте для разрядки подавленных в «мы-группе» агрессивных импульсов.

Показатель суеверности и стереотипии оказался выше в группе томичей (24,2 балла) и ниже в группе новосибирцев (22,4 балла; различия между этими группами достоверны с p=0,0362). Барнаульцы заняли промежуточное положение (23,7 балла). Судя по этим выявленным различиям, томичей от представителей других сибирских городов отличает более выраженная убежденность в мистическом предначертании судьбы.

- По показателю «комплекс власти» более высокое среднее значение получилось в группе барнаульцев (26,6 балла), минимальным этот показатель был в группе новосибирцев (23,8 балла), у томичей отмечалось промежуточное значение (24,9 балла; различия между всеми выборками достоверны с p=0,0128). Представителям Барнаула более свойственно мыслить в таких категориях, как господство – подчинение, сильный – слабый, вождь – последователи. Они в большей степени склонны идентифицировать себя с образами, воплощающими силу, преувеличивать значимость силы и твердости характера.
- Показатель проективности, как и в предыдущем случае, был выше в группе барнаульцев (18,9 балла), промежуточным – в группе томичей (17,1 балла) и минимальным – в группе новосибирцев (16,8 балла; различия между всеми выборками достоверны с p=0,0164). Для представителей Барнаула в большей степени характерны предрасположенность верить в то, что мир зол и опасен, а также проекция неосознанных, инстинктивных импульсов на внешний мир.
- Относительно показателя озабоченности сексуальной жизнью наблюдалась та же тенденция: этот показатель был выше в группе барнаульцев (13,2 балла) и минимальным в группах томичей (11,8 балла) и новосибирцев (11,7 балла; межгрупповые различия достоверны с p=0,0493). Стремление контролировать жизнь других людей, даже интимную сферу жизни, более свойственно представителям Барнаула.

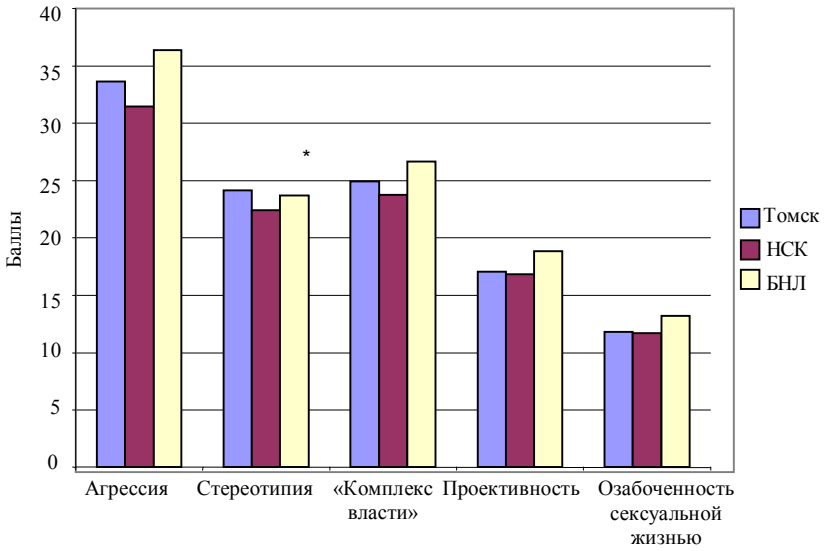


Рис. 3. Средние значения показателей Шкалы авторитаризма, вычисленные для участников исследования из Томска (n=75), Новосибирска (НСК, n=45) и Барнаула (БНЛ, n=40); * – различия между жителями Новосибирска и Томска достоверны с p=0,0362; во всех остальных случаях различия между всеми тремя группами достоверны с p<0,05

Как можно заметить, за исключением параметра «суеверность и стереотипия», все остальные показатели структуры авторитарности значимо выше у жителей Барнаула. С одной стороны, они более склонны считать, что мир зол и опасен, а с другой стороны, им свойственно мышление в категориях господство–подчинение и склонность к осуждению и контролю людей, не уважающих традиционные ценности. Напротив, все параметры структуры авторитаризма ниже у представителей Новосибирска. Еще раз подчеркну, что у томичей, судя по среднему значению показателя «суеверность и стереотипия», более выраженной оказалась вера в мистическое предначертание судьбы.

В совокупности все полученные данные свидетельствуют, по моему мнению, в пользу того, что осознанное или неосознанное ощущение человеком своей «включенности» в нечто более масштабное, совершающееся в жизни людей, может обусловливать своеобразие его субъективного многомерного образа мира. Этот образ выступает в качестве системы, связывающей воедино пред-

ставления человека об окружающем мире и представления о себе как носителе специфического набора ценностей, личностных, темпераментных и соматических особенностей и включающей идентификацию себя с кем-либо. Все перечисленные элементы этой сложной системы взаимозависимы и сообща детерминируют соответствующий стиль мышления человека, направленность его поведения в будущее и силу устремлений к нему, а также стиль поведения в типичных и экстраординарных жизненных ситуациях.

И.В. Тубалова, Ю.А. Эммер

СТУДЕНЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК В ВУЗОВСКОМ ГОРОДЕ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ*

Современное гуманитарное знание не оставляет сомнения в том, что динамические изменения в обществе на разных этапах его развития отражаются в способах существования национального мира. На это обращают внимание представители самых разных научных областей (см. работы М. Бахтина, Н. Бердяева, Э. Кассирера, А. Лосева, Ю. Лотмана и др.).

Современный русский национальный мир отражает одну из ипостасей переходности в культурном развитии общества, где традиционные ценности получают новое оформление, продиктованное условиями современной цивилизации, представляющей мир в совокупности функционально значимых компонентов, когда онтологическая цельность традиционного человека уступает место осознанной деятельности по определению своей роли в социокультурном пространстве. Это приводит к мозаичности современного культурного пространства, к коллажированности картины мира.

Одним из факторов, определяющих специфику картины мира, является среда проживания индивидуума, его принадлежность к городской или деревенской культуре, провинциальное/столичное положение его места жительства, специфика экономико-культурной ориентации региона.

Доминанта региональной культуры Томска определяется вузовской компонентой. На протяжении последних полутора столетий

* Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 07-04-64404 а/Т.

Томск и позиционирует себя, и воспринимается на общероссийской и мировой арене как город университетский, студенческий, крупнейший за Уралом центр научно-образовательной среды. Указанная компонента играет большую роль не только в официальном, но и в бытовом сознании горожан. Абсолютное большинство жителей Томска в прошлом или настоящем имеет непосредственное отношение к его научно-образовательному комплексу: к его традициям, истории, культурным проявлениям. Так, собственно вузовские – корпоративные по своим установкам – праздники становятся в Томске общегородскими (дни рождения вузов, День радио, посвящение в студенты, губернаторский бал отличников и т.д.).

Праздник как форма концентрированного проявления культурно значимых смыслов в их массовом воплощении позволяет зафиксировать специфику культурной среды.

В данном разделе рассмотрим миромоделирующие возможности праздничного текста «Посвящение в студенты» как отражение взаимодействия общенационального и субкультурно обусловленного в сознании томичей. Материалом явились видеозаписи указанного праздника на различных факультетах ТГУ и в одном из техникумов г. Томска.

Мир праздника как одного из значимых компонентов культуры, отражающего специфику каждой конкретной эпохи развития человечества, не раз становился объектом исследования гуманитарных наук (см. работы С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, К. Жигульского, К. Леви-Стросса, Д.С. Лихачева, А.И. Мазаева, В.Я. Проппа, В.Н. Топорова, В. Тэрнера, О.М. Фрейденберг, Э. Фромма, М. Фуко, Й. Хейзинги, М. Элиаде и др.).

На протяжении всего своего развития человек отчетливо сохранял в сознании противопоставленность праздников и будней, что выражалось в особых полисемиотических установках – поведенческих, психоэмоциональных, эстетических и др. Универсальность праздничной модели (в противовес будничной) определяется в первую очередь тем, что «праздник возникает и существует в культуре как форма эмоционально-символического выражения и моделирования человеком своего отношения к миру»[1].

Этнокультурная направленность современного гуманитарного знания вводит праздничный дискурс в сферу значимых объектов

---

[1] *Гужова И.В.* Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода: Автореф. дис. …канд. филос. наук. Томск, 2006. С. 7.

своего описания, представляя его в качестве лингвоэстетической составляющей русской национальной картины мира (см., например, работы В.И. Карасика). В рамках лингвистических изысканий в центре внимания оказывается специфика текстовой составляющей праздника – праздничного текста, каковым является любой текст, функционирующий в рамках праздничного дискурса и определяемый его коммуникативными и прагматическими установками.

Праздничный текст находится в отчетливой зависимости от социокультурной ситуации. Например, выделение в системе школьного образования «элитных» учебных заведений – лицеев и гимназий – привело к переакцентуации когнитивных установок праздничного текста школьных праздников для старшеклассников: так, мотив первой учительницы перестает быть ведущим, уступая место мотивам, ориентирующимся на вузовское обучение (куратор, преподаватель/будущие студенты). Отметим, что во многом структура и содержание праздничного текста определяются уровнем развития информационной среды, что в первую очередь выражается в активном привлечении интернет-технологий к формированию праздничного текстового континуума.

Вариативность праздничной модели обусловлена неоднородностью современной культуры в целом, реализуемой в ряде конкретных субкультур (см. работы П.С. Гуревича, С.Я. Матвеевой, С.Ю. Неклюдова, Н.И. Толстого, Т.Б. Щепанской[1] и др.), вследствие чего общая праздничная модель реализуется в различных субкультурных вариантах (ср., например, празднование Нового года в контексте разных современных субкультур).

Палитра субкультур современного общества многообразна. Это и те, которые формируются системой общественных институтов (школа, вуз, семья и др.) и в которые на определенном жизненном этапе включается каждый из нас, и те, которые имеют «закрытый» характер и не обладают жесткой зависимостью от социальных ин-

---

[1] См.: *Гуревич П.С.* Проблемы субкультуры в современной западной социологии // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 16–28; *Матвеева С.Я.* Субкультура в динамике культуры // Субкультурные объединения молодежи. М., 1987; *Неклюдов С.Ю.* Несколько слов о «постфольклоре» // www.ruthenia.ru/folklor; *Толстой Н.И.* Язык и культура // Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1999; *Щепанская Т.Б.* Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 27–33.

ститутов (туризм, байкеры, эму и др.). Субкультуры первого типа – «открытые» – характеризуются как стабильные, имеющие длительную историю и регулируемые системой общественных стереотипов. Вторые часто, напротив, создаются в противовес общественным стереотипам («контркультура»), но также находятся от них в определенной зависимости, реализуя направленность на их принципиальное разрушение.

На первый взгляд «закрытые» субкультуры ярче отражают общественные изменения (именно этим обусловлен постоянный исследовательский интерес к ним), но институциональные субкультуры также интересны (особенно с их лингводискурсивной стороны) отражением динамики общественного развития на фоне жесткого традиционного контекста.

Субкультура студенчества сочетает в себе признаки субкультур первого и второго типов, чем, в частности, и объясняется неспадающий интерес исследователей к ее проявлению (см. работы К.Н. Дубровина, Д. Бушнелла, К.Э. Шумова и др.[1]). Ее носители одновременно могут выступать представителями других – альтернативных – молодежных субкультур, привнося в описываемую субкультуру проявления иной культурной среды.

Специфику данной субкультуры во многом определяют и имеющие место в современном обществе социокультурные процессы, суть которых заключается в возрастании количества людей, имеющих высшее образование или стремящихся получить его. В связи с этим доля членов общества, так или иначе имеющих отношение к студенческой субкультуре, также возросла.

Доминантная структура содержательной стороны субкультуры студенчества также обладает выраженной исторической обусловленностью. История формирования этой субкультуры уходит своими корнями в Средневековье и на протяжении всего своего развития связана с тематикой «отношений между студентами и профессорами, между студентами и властью, между студентами

---

[1] *Дубровина К.Н.* Студенческий жаргон // Научная деятельность высшей школы: Филологические науки. 1982. № 1; *Шумов К.Э.* «Эротические» студенческие граффити // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996; *Бушнелл Д.* Грамматика настенных надписей // Психологические особенности самодеятельных подростково-юношеских групп. М., 1990; *Шумов К.Э.* Студенческие традиции // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 165–179.

разных учебных заведений. Для студенческих традиций всех времен характерны прославление пьянства и свободы нравов, опровержение канонов, религиозный и политический нигилизм»[1]. Указанные доминанты сохраняются и в современной студенческой субкультуре. При этом культура студенчества отличается чутким реагированием на исторически конкретную реальность.

Особо следует подчеркнуть возрастную приуроченность данной субкультуры. Возрастные границы студенчества определяются пятью-шестью годами ученичества. Даже если время студенчества приходится у человека на зрелый биологический возраст, то, вступая в ряды представителей данной субкультуры, он неизбежно принимает правила поведения в ней и ее ценностные установки. Последние диктуются молодежной составляющей этой субкультуры, для которой характерны в первую очередь особая раскованность, свобода взглядов и установок, мобильность, установка на независимость от материальных благ. Возраст студенчества способствует формированию некоторого романтического компонента в содержательной структуре соответствующей субкультуры, что проявляется, в частности, в активном функционировании студенческих примет, поверий, баек и т.п. Отчетливо проявлен гендерный аспект (праздничные тексты, объектом которых является филологическая субкультура, направлены в первую очередь на актуализацию женского начала, в отличие от, например, субкультуры технических факультетов и т.п.).

От других молодежных субкультур студенческая среда отличается ярко выраженной профессиональной ориентированностью (студенты-филологи, студенты-»технари», студенты-юристы), что приводит к тому, что доминантные признаки реализуются сквозь призму профессиональных категорий (как ограничение свободы студентов-филологов воспринимается необходимость «много сидеть в библиотеке» и «читать книжки»; стереотипной установкой в восприятии студентов-медиков является отсутствие у них чувства брезгливости, так как они «много сидят в анатомке» и т.д.).

Каждая субкультура формирует свой праздничный календарь, в который включаются как официальные праздники (выборочно), так и собственные, порожденные в рамках данной субкультуры. Официальные праздники, сохраняя общенациональную доминанту,

---

[1] *Шумов К.Э.* Студенческие традиции // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 165.

встраиваются в конкретную социокультурную среду. Так, официальный советский праздник День международной солидарности трудящихся был «переработан» студентами историко-филологического факультета Томского госуниверситета (в дальнейшем традиция сохранилась на историческом факультете) в неофициальную студенческую «Маёвку».

Субкультура студенчества не отличается большим разнообразием специфических праздничных мероприятий – Посвящение в студенты, День рождения группы, Медиана, Последний звонок. Остальные студенческие праздники имеют либо календарную основу, либо корпоративно-профессиональную (День математика, День рождения ТГУ, День радио и др.). Это соответствует более «раскованному», по сравнению, например, со школьным или корпоративным, самовосприятию студента, который считает себя «уже вошедшим во взрослую жизнь», но «еще не знает, как в ней жить».

Посвящение в студенты – праздник сугубо внутренний для данной субкультуры, где мифолого-ритуальное начало оказывается отчетливо выраженным. Ритуальная составляющая данного праздника связана с реализацией обряда инициации, модальность которого выражается в прохождении испытания с целью быть принятыми в студенческое сообщество. Студенческая «инициация» достаточно узко аспектирована: это начало нового жизненного этапа, проверка готовности соответствовать требованиям студенческой профессиональной среды. Посвящение в студенты – это праздник, направленный в будущее: с него начинается очередной жизненный этап, закладываются основы существования в субкультуре (ср.: общество чаще склонно праздновать окончание какого-либо этапа деятельности – Прощание с букварем, Последний звонок, празднование защиты диплома/диссертации, конец сезона в санатории и т.п.).

В рамках каждой субкультуры формируются особые модели мира, в структуре которых ведущую роль играют образы человека, окружающего его пространства, времени, в котором он живет. В праздничном дискурсе субкультурно обусловленные модели мира получают особое преломление. При этом значимым оказывается не только праздничное состояние субкультуры как таковое, но и непосредственно тип праздника, фокусирующий внимание на конкретной содержательной доминанте указанной модели (ср. разную акцентуацию профессионального содержательного компонента в

праздничной модели Посвящения в студенты – «вы будете профессионалами» – и студенческого Последнего звонка – «вы стали профессионалами»).

Праздничная культура, как и каждая культура, предстает через разнообразные кодовые системы: цветовой код, предметный, музыкальный и др. Текстовая составляющая праздника существует в системе регулярных связей наряду с прочими видами кодовой реализации культуры. Так, красный цвет, звуки горна в оформлении пионерских праздников отчетливо символически пересекаются с вербальными знаками – речевками, лозунгами, песнями и т.п.

Праздник «Посвящение в студенты» также организован в виде поликодовой системы. Профессиональная составляющая, играющая определяющую роль в доминантной структуре данного праздника, находит выражение в оформлении зала (баннеры с логотипами вузов, эмблемами факультетов, символикой будущей профессии и др.) и праздничных открыток и значков, в обыгрывании предметов, связанных с будущей профессиональной деятельностью (шприц, мел и доска, радиоприемник и др.) и т.д. Описания элементов разных кодов часто находят реализацию и в вербальной структуре праздника (из текста выступления старшекурсников: *Филологическому факультету кризисы не страшны, поскольку в материальной базе факультета во все времена – только мел и доска*).

В структуре поликодовой системы атрибутика вуза и факультета (включая ее вербальное выражение, проявленное в виде названий вуза и факультета и их слоганов) играет роль значительного компонента визуальной структуры праздничного пространства, апелляция к которому (участники праздничного действия периодически указывают на него, воспроизводят или обыгрывают слоган и т п.) позволяет проявить аксиологическую нагруженность других компонентов структуры, актуализировать органически присущее данному типу праздника позитивное отношение к учебному заведению и будущей профессии. При этом наиболее частотно реализуются следующие смыслы: осознание места вуза в российской системе образования (*И здесь, в одном из ведущих вузов России… / Это первый классический университет Сибири! и т.д.*), указание на востребованность выбранной профессии (*Врач нужен был человеку всегда и будет нужен еще много-много лет! / Windows – отличная стиральная машинка! Стирает всё! А восстановить может только программист!*), указание на сложный, но интересный

процесс обучения (*И только когда ты прочитаешь 24 356 721 лист печатного текста из книжек, ты сможешь назваться настоящим филологом! Каким ты тогда станешь?.. Но зато каким умным! / Сдал начерталку – можно жениться, сдал сопромат – можно детей рожать!*).

Праздничное проявление студенческой субкультуры, как показывают вышеприведенные примеры, демонстрирует обилие речевых штампов, в основе которых – стереотипы сознания, сформированные в недрах исследуемой культурной среды. Их появление и актуализация в рамках праздничного дискурса обусловлены сопряжением двух тенденций. С одной стороны, внутренним свойством студенчества является потребность в коллективном осуществлении, в формализации коллективного знания, в реализации групповых установок, усиленная в том числе и возрастными детерминантами. С другой стороны, наличие внешнего по отношению к студенческой среде влияния массовой культуры (реклама, пропагандистские тексты, буклетные тексты и др.) формирует новые механизмы текстопорождения, которые во многом определяют содержание студенческого капустника. Отсюда ориентированность создаваемых текстов на модель рекламного слогана, содержательным свойством которого является проявление общественного стереотипа (ср.: *Шок – это по-нашему! – Читать – это по-нашему!*).

Специфика праздничного дискурса, свойства студенческой субкультуры, а также особенности конкретного типа праздника определяют набор текстовых стратегий, играющих ведущую роль в вербальном оформлении исследуемого текста.

При этом определенный набор стратегий связан с каждой ролевой группой участников данного праздника – старшекурсники, первокурсники, администрация вуза (факультета).

Специфика ритуальной составляющей исследуемого праздника, в основе которой – обряд инициации, обусловливает выбор основных коммуникативных стратегий праздничного поведения: приобщение к будущей профессии, к студенческому сообществу, к вузовской среде (основная стратегия, проявляемая в выступлениях старшекурсников, а также администрации вуза/факультета), обещание (ведущая стратегия первокурсников).

Стратегия приобщения к будущей профессии, определяющая суть речевого поведения старшекурсников, реализуется в ряде праздничных тактик.

Любое речевое произведение, произнесенное в рамках праздничного дискурса на сцене, имеет внутреннюю устремленность к концентрации внимания публики. Рассматриваемая тактика может быть сформирована как на основе карнавального переосмысления студенческих стереотипов в восприятии будущей профессии – и в этом случае привлечение внимания публики основано на достижении иронического, комического эффекта (С*тудент ФПМК Сидоренко, прослушав курс лекций профессора N, пришел к выводу о том, что разных женщин лучше хранить в разных директориях! / И здесь наконец-то вы узнаете, что у человека только одна печень, а не две – правая и левая*), так и на актуализации лирической компоненты – тогда привлечение внимания публики основано на актуализации положительного эмоционального отношения к будущей профессии (*Через час ты будешь посвящен в студенты и станешь равным среди равных в стенах международного факультета управления Томского государственного университета! Запомни этот день на всю жизнь, в которой, как и на сегодняшнем празднике, занимай первые ряды!*).

Интересно отметить, что смысловые акценты в реализации тактики профессионального «приобщения» первокурсников студенты прикладных и фундаментальных профессий расставляют несколько по-разному. Так, филологи, математики, физики-теоретики в большей степени сосредоточиваются на особенностях профессионально ориентированного учебного процесса (*Если ты прочитаешь много-много книжек, малыш, выучишь генеалогическую классификацию языков, научишься отличать аблаут от умлаута, тогда ты сможешь называться настоящим филологом. / Матфак... Формулы, цифры, конспекты… Бессонница по ночам и беспробудица по утрам!*). Студенты факультетов, в большей степени ориентированных на прикладное знание, в праздничном дискурсе посвящения в студенты активнее актуализируют возможности будущей профессиональной реализации (*Старшекурсник-1: Жень, ну, ты все-таки психолог. Прояви толерантность. – Старшекурсник-2: Щас я пойду и как проявлю… – Старшекурсник-1(укоризненно): И потом некоторым психологам будет стыдно. / А докажи, что в этом виновата лень! – Легко! Я же будущий прокурор и готовлюсь выступать в суде! – А лени не нужен адвокат?)*.

Наиболее значительный объем праздничного текста определяет тактика ознакомления с будущей профессией и тактика уничиже-

ния первокурсников (как «не-своих» до настоящего момента, не прошедших необходимые испытания). Указанные тактики выражаются в праздничном тексте в различных жанровых формах: поздравление, воспоминание, презентация, объяснение, сценки, конкурсы, частушки, песни и т.д.

В качестве примера рассмотрим один из ведущих в рамках данного дискурса речевой жанр – напутствие.

Напутствие как жанр в принципе строится на метафорическом воплощении идеи предстоящего пути, дороги, судьбы, поэтому и его содержание, и структура организованы по модели «инструкции, как себя вести в дороге». В отличие от других праздников (Последний звонок, Свадьба, День окончания вуза и другие праздники, в основе которых – обрядовая компонента инициации), пресуппозиция жанра напутствия, реализуемого в праздничном тексте Посвящения в студенты, может быть охарактеризована как нулевая (реально – студентом можно стать только после окончания среднего учебного заведения, в исследуемом праздничном тексте – данное условие не находит актуализации).

Посвящение в студенты предполагает формирование особой модели ролевой структуры вуза, в основе которой – оппозиция первокурсников и старшекурсников, «неприобщенных» и «приобщенных», обладающих сакральным знанием. Именно напутствие (и ответ на него) становится одним из основных каналов взаимодействия между членами указанной оппозиции.

В содержательной структуре данного жанра наиболее последовательно актуализируются стереотипные аксиологически значимые категории «знание» и «быт». Категория знания связана, с одной стороны, с трудностями на пути к ее реализации, и здесь категория быта выступает как совокупность препятствий, которые необходимо преодолеть (ср. необходимые испытания фольклорного героя на пути к достижению искомого результата) (из выступления старшекурсников: *И чего только в общаге не бывает. –* ***1*** *– Света не бывает, отопления не бывает, горячую воду уже забыли... –* ***2*** *– Трудные условия в быту закаляют студентов для нелёгкого учебного процесса.*), с другой стороны, знания трактуются как залог будущего благополучия, сакральный компонент студенческой модели мира. Отметим, что в большинстве случаев сакральное отношение к знаниям карнавально переосмысливается, актуализируя формальные моменты, их маркирующие (из выступления

старшекурсников: *Сократом можешь ты не быть, но получить диплом обязан!*).

Ритуальная составляющая праздника Посвящение в студенты обусловливает реализацию не только тактики ознакомления с будущей профессией, но и тактику уничижения первокурсников (*Мы еще раз поздравляем вас с вступлением в ряды математиков, но напоминаем, что первокурсник считается настоящим студентом только после первой сессии*), их приобщения к «своему» миру (*Старшекурсник-1: Вот уже два года, как на нашем факультете существует добрая кулинарная традиция – это приготовлении коктейля выпускника. – Старшекурсник-2: И сегодня мы решили завести новую традицию и создать прямо на ваших глазах коктейль первака! Настоящий молочный шедевр! Ловкость чистых рук и никакого мошенничества! (Появляются Лицедеи) Подождите, мы так не договаривались! Я думал, что коктейль будут делать проверенные, надежные люди из студсовета!*).

Модель студенческой жизни, презентуемая первокурсникам, отчетливо структурирована. Ее пространственно-временная организация определяется мифопоэтической парадигмой студенческого фольклора, основанной на стереотипах студенческой субкультуры.

Переосмысленное жизненное пространство студента предполагает наличие связанных между собой компонентов – Учеба и Быт.

Пространственную структуру моделируемой действительности определяют профессионально ориентированные ценностные установки. Эстетически переосмысленное пространство может быть представлено в виде центрической модели, ядром которой являются учебные аудитории и деканат, а на периферии – общежитие, роща и другие локусы. Сценическое действие, посвященное учебному процессу, актуализируется наиболее частотно. Дисциплинарная сфера предстает как совокупность специальных дисциплин, «трудность» каждой из которых определяется либо ее новизной для первокурсников, либо особенностью личности преподавателя. Формально это воплощается в основном в сценках, анекдотах или частушках (*Экзамен – это беседа двух умных людей. – А если один из них не очень? – Тогда другой останется без стипендии / На филфак пришли учиться. Книжки думали читать. Вместо этого нам нужно Языки чужие знать*).

В карнавальных установках праздника заложены основы субкультурно обусловленной интерпретации студенческого в его вещ-

ном выражении. Предметный код маркирует как общестуденческие символы: *конспект, зачетка, экзаменационные билеты, первая и последняя парты, стол преподавателя и др.*, так и специфические – профессиональные: *мышь, клава, мама* – у студентов-программистов, *кость, скелет, халат* – у медиков, *книга* – у филологов (*А сейчас я покажу вам то, что замещает все новые технологии в нашем профессиональном образовании, что заменит личную жизнь и всегда будет сопровождать вас в нелегком пути –* ***книгу****! / Легким движением руки любая одежда белеет и превращается в* ***медицинский халат****…*).

Вышеназванные мотивационные установки лежат в основе другого способа эстетической организации пространства, определяемой задачами сценария праздника. Так, рассматриваемый праздник на филологическом факультете ТГУ был построен в форме путешествия главного героя по миру, что также удобно в плане организации пространственной модели, позволяющей задать ассоциативное поле любой предметной сферы (*остров Каллипсо* – Античность – Античная литература как учебная дисциплина; *средневековый трактир* – Литература Средних веков и Возрождения; *избушка Бабы Яги* – Устное народное творчество и т.п.).

Временная организация праздничной модели студенческой жизни представляется в основном в ее циклическом воплощении. Линейная модель времени проявлена слабо и неотчетливо дифференцирована от циклической (*Университетское время! Для вас оно уже пошло. И только от вас зависит, какими будут ваши* ***студенческие годы****!*).

Студенческая жизнь представляется как цикл регулярных, сменяющих друг друга и обязательных для данной субкультуры событий: годовой цикл – занятия, сессия, производственная практика, каникулы (*Лекция, практика, очередь в столовую, снова лекция, а там, глядишь, и сессия. А если посмотреть с другой стороны: преферанс на задней парте, ночной клуб в гостинке, репетиции, тусовки, а там не за горами и День математика!*); дневной цикл – лекции, семинары, библиотека, общежитие, 5-летний цикл – набор значимых для данной учебно-профессиональной среды событий (*На первом курсе: «Ой, отчислят?!» – На втором: «А что если отчислят?» – На третьем: «Ну, теперь, кажется, не отчислят!» – На четвертом: «Все! Уже точно не отчислят!» – На пятом: «Пусть только попробуют!»)*.

Подведем итоги.

Праздничный текст занимает особое место в структуре культурного существования человека. Его организация соответствует архаической ритуально-мифологической модели пространства и времени. При этом содержательное наполнение модели определяется типом праздника и средой, его формирующей.

Специфика праздничного текста Посвящения в студенты обусловлена его задачами – моделирование обряда инициации. Специфика такого моделирования связана с карнавальным переосмыслением действительности, определяемой установками любого современного праздника как такового (Посвящение в студенты как начало нового этапа жизни).

В содержательном наполнении праздничной модели Посвящения в студенты отчетливо проявляется специфика студенческой субкультуры. Студенческое пространство – творческое, его границы нежесткие. В этой сфере, главным образом, постигаются профессиональные знания, а также общечеловеческие и собственно молодежные модели поведения.

Таким образом, разработка данной проблематики способствует решению методологической задачи выявления специфики эстетического и прагматического языкового осуществления. Обращение к материалу праздничного дискурса позволяет поставить проблему выявления национально-специфических особенностей русской национальной картины мира XXI в. как результата динамического взаимодействия социально обусловленного и духовно-личностного начал.

IV. СИБИРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЁ ЧИТАТЕЛИ

В.А. Есипова

РЕКОНСТРУКЦИЯ БЫТОВАНИЯ СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЕЙ СВЕТСКОГО ХАРАКТЕРА XVIII в. ИЗ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ И КНИЖНЫХ ПАМЯТНИКОВ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО МАТЕРИАЛАМ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ*

Проблема продолжения существования рукописной книги в течение долгого времени после введения книгопечатания в России была осознана как научная проблема сравнительно недавно. Сохранение рукописной традиции в XVIII–XX вв. первоначально считалось своеобразным архаизмом, носителями которого выступали определенные социальные группы (например, старообрядцы), либо следствием общего «отставания» России от европейских стран.

Однако поздняя рукописная книга – богатое, многогранное и пока еще не до конца изученное явление, имевшее место не только в нашей стране. Поэтому вполне естественно обращение к нему целого ряда исследователей, как теоретиков, так и практиков книговедения[1]. При этом изучению подвергались самые разные стороны обозначенного явления. Ниже будут рассмотрены два из возможных аспектов: география и социальная среда бытования светских по содержанию рукописей XVIII в. на примере коллекции рукописей из отдела рукописей и книжных памятников Научной биб-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 06-01-64108 а/Т.

[1] См.: *Сперанский Н.М.* Рукописные сборники XVIII в. М., 1963; *Мыльников А.С.* Вопросы изучения поздней рукописной книги (проблематика и задачи) // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 19–36; *Кожин Н.А.* Искусство русской рукописной книги XVIII–XIX вв. // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 185–203; *Розов Н.Н.* Светская рукописная книга XVIII–XIX вв. в собрании А.А. Титова // Сборник Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вып. 2. Л., 1954. С. 127–146.

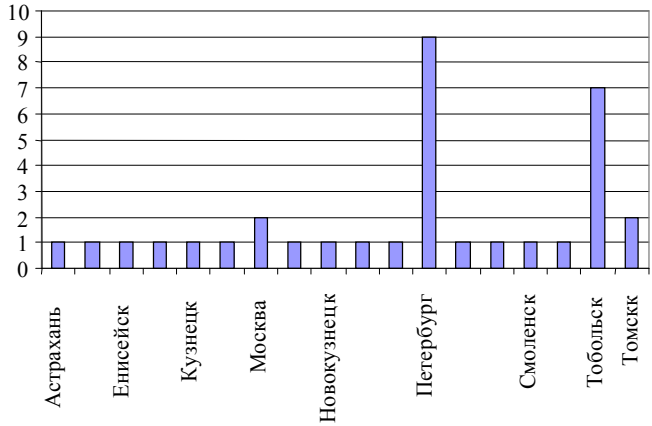
лиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). Особое внимание при этом уделяется рукописям, созданным или бытовавшим на территории Сибири.

Общее количество славяно-русских рукописей XVIII в. в составе собрания ОРКП НБ ТГУ – 108 ед., из них светского содержания – 34 ед. При рассмотрении не учитывались сборники, в которых имеются единичные статьи светского характера.

Возможность установить происхождение в принципе отсутствует для трех рукописей из 34 ед. (В-768, В-5502, В-3924). Еще на 3 ед. имеются ярлыки и владельческие записи, но их характер не позволяет установить географию бытования и социальную принадлежность владельца (В-5622, В-801, В-5879). Таким образом, для рассмотрения остается 28 книжных памятников.

Возможность установить географию мест создания и бытования – по данным владельческих записей, ярлыков, другим данным – имеется для 26 ед. (см. диагр. 1). При ее составлении учитывались все данные о географии бытования в XVIII–XX вв., до момента поступления рукописи в ТГУ. Анализируя диаграмму, следует учитывать, что рукопись могла переходить из рук в руки, иногда неоднократно, при этом география ее бытования менялась. Поэтому сумма в правом столбце таблицы превышает оговоренное количество рукописей.

Диаграмма 1. География бытования светских рукописей XVIII в. из собрания ОРКП НБ ТГУ по материалам владельческих записей



Астрахань	1
Верхотурье	1
Енисейск	1
Железенская крепость (с 1781 г. – г. Красноуфимск Пермского наместничества)	1
Кузнецк	1
Луцк (Волынское наместничество)	1
Москва	2
Новая Еловка, дер. (Красноярский округ)	1
Новокузнецк	1
Новопавловский завод (Алтай)	1
Острогожск	1
Петербург (Голицыны, В.А. Жуковский, А.В. Никитенко, Строгановы)	9
Рыхловский Николаевский монастырь Черниговской епархии	1
Семипалатинск	1
Смоленск	1
Тавдинская слобода (Тюменский уезд)	1
Тобольск	7
Томск	2

Как видно из диаграммы, среди рассматриваемых рукописей выделяются две основные категории: а) рукописи, бытовавшие в Сибири у частных лиц или в составе книжных собраний организаций; б) рукописи, попавшие в собрание ТГУ в конце XIX в. в составе библиотек Строгановых, Голицыных, В.А. Жуковского, А.В. Никитенко. Что касается первой категории, здесь можно перечислить следующие населенные пункты, где на протяжении XVIII–XX вв. бытовали рассматриваемые рукописи: Верхотурье, Енисейск, Железенская крепость, Кузнецк, Новая Еловка, Новопавловский завод, Семипалатинск, Тавдинская слобода, Тобольск и Томск. География достаточно широка, но тяготеет к югу Западной Сибири. Особенно много книг (7 ед.) так или иначе связано с Тобольском: 5 из рассматриваемых рукописей поступили в НБ ТГУ с коллекцией книг из Тобольского церковного древлехранилища. Также обращает на себя внимание наличие рукописей, бытовавших, перед тем как попасть в Сибирь, в среднерусских и южнорусских губерниях и на территории современной Украины (Астрахань, Луцк, Острогожск, Смоленск). Все эти рукописи принадлежали военным: «Луцкаго дра-

гунскаго полку роты шестой драгуна Матвея Яблонъскова, подписал своеручно»[1], «Смоленскаго / гарнизона Даргобурскаго полку прапо/рщика Сергея Тимофеева сына / Нароватова»[2] и др. Исключением является список «Путника странствия моего» Сильвестра Диканского (В-878), выполненный в 1728 г. в Рыхловском Николаевском монастыре Черниговской епархии: он поступил в наше собрание из Тобольского церковного древлехранилища.

Рукописи второй категории служат, во-первых, еще одной наглядной иллюстрацией того, что отечественные представители образованной верхушки общества не удовлетворялись при коллекционировании книг исключительно печатными изданиями, но включали в свои собрания рукописную книгу, в том числе и светского содержания. Во-вторых, как представляется, они помогают предположительно восстановить мотивы, по которым рукописи попали в то или иное личное собрание. Следует также учитывать, что, прежде чем попасть в какую-либо из перечисленных ниже личных библиотек, рукопись бытовала в других местах. В случаях, когда это возможно было установить, соответствующая информация внесена в таблицу под диагр. 1.

Наибольшее количество рукописей (6 ед.) поступило в НБ ТГУ в составе библиотеки В.А. Жуковского. Это список «Записок» Х.Г. Манштейна (В-550), Сборник исторических материалов, относящихся к периоду царствования Петра I (В-325), «Описание о постоновлении городов и острогов в Сибири» (В-324), «Книга чиновная» (В-323) и «Весма нечаянное и незапное пришедствие Корола второго надесять, бывшаго швецкаго короля, в государство умерших» (В-693). Под сомнением находится происхождение из библиотеки Жуковского еще одной рукописи, включающей в себя «Житие Петра Великого» А. Катифоро и «О смерти Петра Великаго краткая повесть» Ф. Прокоповича (В-769). Как видно, здесь представлены в первую очередь сочинения исторического и сатирического характера.

Три рукописи XVIII в. поступили в НБ ТГУ с библиотекой А.В. Никитенко: «Книга для описания всяких предметов, бывших достопамятных, также и последующих достойных же внимания дел или произшествий. Города Острогожска гражданина прапорщика Дмитрия Архипова» (В-334), «Тайного советника барона Анания Христиана фон Лубераса проекты об учреждении в России разных коллегий» (В-435) и «Реестр гражданским законам» (В-827). Две из трех рукописей связаны

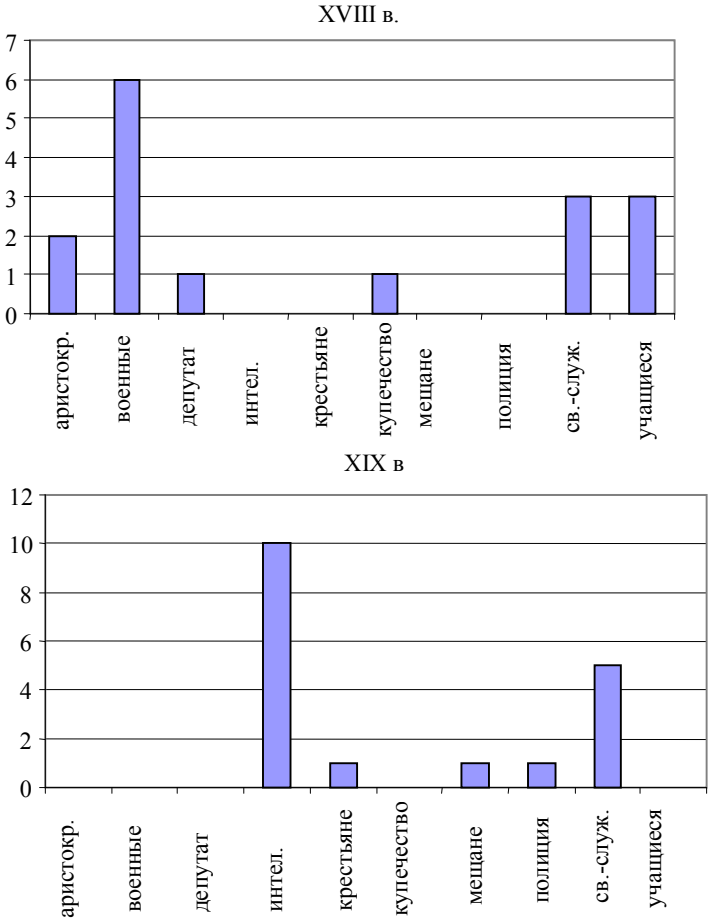
[1] ОРКП НБ ТГУ. В-820. Л. 243.

[2] Там же. В-75718 (запись на форзаце).

с юридической тематикой, третья же написана в своеобразном жанре, сочетающем в себе элементы городской летописи и личного дневника.

Что касается социального положения владельцев рукописей, его возможно установить для 24 ед. (см. диагр. 2). Так же, как и в случае с диагр. 1, здесь необходимо учитывать, что рукопись на протяжении своей истории могла неоднократно менять владельцев, поэтому сумма цифр в среднем и правом столбцах больше указанного количества рукописей.

Диаграмма 2. Социальное положение
владельцев рукописей светского содержания XVIII–XIX вв.
из собрания ОРКП НБ ТГУ по материалам владельческих записей



Социальные группы	XVIII в.	XIX в.
аристократия	2	
военные	6	
депутаты	1	
интеллигенция		10
крестьяне		1
купечество	1	
мещане		1
полицейские		1
священнослужители	3	5
учащиеся	3	

Социальная принадлежность владельцев рукописей позволяет заметить следующее. В XVIII в. 6 из рассматриваемых рукописей принадлежали военным, по 3 – священнослужителям и учащимся, 2 – представителям аристократии и по 1 ед. – купцу и депутату (установить его социальное происхождение по данным владельческой записи невозможно). В XIX в. основным владельцем рукописей становится интеллигенция: в этой среде бытовало 10 из рассматриваемых книг; 5 ед. принадлежали священнослужителям и по 1 ед. – крестьянину, полицейскому и мещанину.

Судя по рассматриваемым рукописям, интересы военных были весьма прагматичны: им принадлежали два списка «Арифметики» Леонтия Магницкого (В-869 и В-762), а также списки Соборного уложения 1649 г. (В-75718) и Генерального регламента (В-5892). Владельческая запись на л. 1 последнего особенно примечательна; это фактически краткая автобиография: «Сия книга именуем регламент / генералный крепости Железенской / казачьего сотника Федора Ивано/ва сына Анцыферова. / В службу взят 750 году генваря 1 дня, / в капралы пожалован 753 году июня / 23 числа. / В сотники произведен 754 году декабря / 24 дня. / Сочетался браком 757 году июля 28 дня, / венчан в крепости Семиполатной / при церкви святого Антония и Феодо / сия Печерских чюдотворцов священником / Мироном Кузнецовым. / Сын родился 758 году сентября 21 числа / в понеделник поутру… [нрзб.] наречен Яргин[?] / Атаманом пожалован / 1760 году марта 25 числа».

Однако не чужды были представителям военного сословия и интересы более широкие. Так, в семье военных Редриковых быто-

вала рукопись «Российская история» (В-801 – к сожалению, географически локализовать ее не удается), а драгуну шестой роты Луцкого драгунского полка Матвею Яблонскому принадлежал «Сборник смешанного содержания» (В-820). Состав последнего еще не был предметом специального рассмотрения, но он явно этого заслуживает. Здесь, среди прочего, представлены выписки из «Хождения Трифона Коробейникова» (Л. 1–34), выписки о предсказаниях Мартына Задеки (Л. 95–100) и из третьего издания «Синопсиса» (Л. 106–234 об.).

На примере одного из рассматриваемых экземпляров видно, что представители военного сословия не только держали у себя рукописные книги, но и сами составляли их. Яркое тому свидетельство – уже упоминавшаяся выше рукопись из библиотеки А.В. Никитенко «Книга для описания всяких предметов, бывших достопамятных, также и последующих достойных же внимания дел или произшествий. Города Острогожска гражданина прапорщика Дмитрия Архипова» (В-334).

Особого комментария заслуживает одна из рассматриваемых рукописей, бытовавшая в старообрядческой среде. На первый взгляд отнесение «Сборника старообрядческого смешанного содержания» (В-777) к категории светских рукописей вызывает недоумение. Однако при ближайшем рассмотрении содержания данной рукописи вопросы отпадают: сборник представляет собой своеобразную мини-библиотеку, в состав которой входит значительное число статей светского характера. Оригинальный состав этого сборника уже привлекал внимание исследователей[1]; в числе прочего здесь представлен список текста «Повести о некоей купеческой дочери…» (Л. 239–264 об.), аналогов которому не обнаружено[2].

---

[1] См.: *Климова М.Н.* «Повесть о некоей купеческой дочери» – неизвестный памятник поздней рукописной традиции // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1995. С. 33–37; *Она же*. Малоизученный памятник русской беллетристики переходного периода «История о некой купеческой дочери…» и его жанровое своеобразие // Проблемы литературных жанров: Материалы междунар. науч. конф. Ч. 1. Томск, 1999. С. 69–73.

[2] Публикация текста: *Климова М.Н.* «История о некоей купеческой дочери и ее злострадании, како много претерпе от зависти любовной» // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» литературы в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 287–308.

Кроме того, в этом же сборнике читаются «Описание святаго града Иеросалима и в нем святых мест поклонных. Грамота государя царя и великаго князя Ивана Васильевича к патриарху Александрийскому с орхидиаконом Софейским и с купцем Иваном Познаковым» [Хождение Ивана Позднякова] (Л. 193–214 об.), «Книга глаголемая Измография, переведена с сирийскаго языка, в ней описание государства, и земли, и знаменитые острова, в которой части и к котором какие люди живут, веры их и нравы, и что в которой земле родитца, о том значит в сочинении сем» (Л. 223–238), а также текст малоизученного памятника «Разговор и совет птиц, когда они собиралися воедино, и какие между собою разговоры и рассуждения произносили» (Л. 285–290 об.).

Хотя светские тексты занимают по объему около четверти сборника, само их наличие и тем более их характер позволяют делать весьма интересные выводы. Так, очевиден интерес старообрядцев к светской нравоучительной повести. Возможно, тут сыграла роль сословная принадлежность персонажей: одна из частей сборника, как свидетельствует писцовая запись (Л. 140 об.), была переписана в доме купца Прокопия Дмитриевича, и рассуждения о купеческой дочери были тут весьма к месту.

В целом можно сказать, что светские рукописи XVIII в. из собрания ОРКП НБ ТГУ показывают весьма широкий разброс географии бытования: от Петербурга до Кузнецка. Имеется также возможность установить, в каких социальных слоях бытовала рукописная книга светского содержания, что характерно, социальный состав владельцев меняется в зависимости от времени.

Судя по рассмотренным здесь рукописям, в XVIII в. большая их часть была призвана удовлетворять насущные нужды их владельцев. Рукописная книга заполняла лакуны в репертуаре книги печатной и являлась естественной составной частью обихода грамотного человека. Если же говорить о мотивах, которыми руководствовались владельцы рукописей в XIX в., то здесь на первый план в большей степени выходит научный и коллекционерский интерес. Очевидно, что В.А. Жуковский и А.В. Никитенко руководствовались при приобретении рукописей соображениями в первую очередь профессиональными, наличие же рукописи XVIII в. в составе библиотеки Строгановых связано, скорее всего, с собирательскими или генеалогическими проблемами. Здесь на частном примере одного собрания рукописей мы наблюдаем коренное из-

менение в отношении к рукописной книге, в том числе и светской, которое произошло в начале XIX в., когда из обычного предмета повседневного обихода она превратилась в предмет коллекционирования и изучения – это известный факт, отмеченный многими исследователями[1].

Таким образом, изменения в социальном составе владельцев и целях приобретения рукописей в целом отражают общероссийскую ситуацию. Данные же по географии бытования имеют локальную специфику, связанную в первую очередь с историей конкретного хранилища (НБ ТГУ), с тем, какие книги, из каких источников и когда в него поступали.

[1] См. об этом: *Черепнин Л.В.* Русская палеография М., 1956. С. 42–47; *Жуковская Л.П.* Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). М., 1963; *Андрюшайтите Ю.В.* И.П. Лаптев: у истоков отечественного филиграноведения. М., 2001 и др.

В.М. Рынков

РЕПЕТИЦИЯ КЛАССОВОЙ НЕНАВИСТИ: СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ В ОПИСАНИЯХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ КООПЕРАТИВНЫХ ЖУРНАЛОВ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННУЮ И РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ*

Советская история первых двух десятилетий кажется нам временем классового противостояния в деревне. В современной историографии доминируют представления о том, что большевикам, благодаря мощной и хорошо поставленной пропагандистской машине, политической мифологии, удачно встроенной в российскую ментальность, удалось внести глубокий классовый разлом в деревне, сформировать образ врага – гонимых большинством сельской массы «кулаков», «подкулачников», «буржуев». Вопрос о подготовленности советской деревни к этой борьбе с внутренним врагом интерпретируется по-разному и нуждается в дальнейшей проработке. Для понимания данной проблемы целесообразно обратиться к документам, не затронутым влиянием советской власти и рисующим жизнь деревни в предшествующую эпоху. Такие документы существуют, и они очень красноречивы. Речь идет о многочисленных сообщениях добровольных корреспондентов, повествующих о проблемах деревни. Этот жанр получил распространение в предреволюционные годы и бытовал главным образом в кооперативных журналах.

В период Первой мировой войны в Сибири не существовало кооперативной прессы. Но было несколько журналов, посвященных сельскохозяйственной тематике, которые публиковали материалы о жизни местных кооперативных организаций. Уже тогда сельская кооперация вступила в полосу бурного развития, пик ко-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 07-01-00435а.

торого пришелся на 1918 г. По мере роста численности кооперативных организаций появилась, а затем стала быстро увеличиваться сеть журналов, принадлежавших кооперативным союзам. В лучшие времена кооперативная пресса Сибири насчитывала около пятидесяти наименований. Уникальной особенностью кооперативной периодики являлось освещение в ней ситуации в отдельных деревнях и сельских кооперативах. Под рубриками «В деревне», «Вести с мест», «В сельских кооперативах» и т.п. публиковались либо репортажи инструкторов, делавших объезды потребительских обществ своего союза, либо корреспонденция с мест. Часто такие добровольные репортажи с мест публиковались под псевдонимами «Проезжий», «Пайщик», «Местный». Можно говорить о том, что это был своеобразный стихийный генезис селькоровского движения. В отличие от советских времен, им никто не руководил, а информация, доходившая до читателей со страниц сибирских журналов, не была тщательно отредактирована и отрежиссирована. Сводки с мест не несли пропагандистскую функцию, а почти ограничивались информационной. Некоторые авторы пытались оказывать воспитательное влияние своими текстами, но это был «порыв души», а не социальный заказ.

Именно эти добровольные корреспонденции и привлекут наше внимание. Оговоримся, что данная разновидность источника слишком субъективна, чтобы принимать все сообщенные в печати сведения за кладезь фактического материала. Она имеет все недостатки и достоинства повествовательных источников. Но мы можем судить об эмоциональном настрое авторов, идеях, которые их волновали. Корреспонденция с мест отражает картину мира, образ мысли сельских активистов, достаточно полно показывает видение ими социальных отношений в деревне, проблем и недостатков кооперативного движения и путей их разрешения и преодоления. В этом смысле мы имеем перед собой источник достаточно достоверный и не искаженный ни редакторскими купюрами, ни политическим заказом.

Сообщения сельских корреспондентов настолько обильно встречались в кооперативной и иной прессе, что в настоящем тексте будет использована только их небольшая часть. Но знакомство с почти полными комплектами большинства журналов, издававшихся в Сибири в 1914–1919 гг., свидетельствует, что данная разновидность источников несет в себе достаточно типичную информацию. Обращение к периодической печати смежных регионов

говорит в пользу стандартности проблем, волновавших сельских корреспондентов российской прессы.

Кто мог посылать сообщения из деревни в редакции кооперативных и иных журналов? Конечно, в нашем распоряжении не найдется анкетных данных, позволяющих составить точный социальный портрет людей, бравшихся за перо. Но его можно реконструировать приблизительно, зная состав активистов сельских кооперативов и анализируя сами тексты присылаемых корреспонденций. Среди активных сторонников организации кооперативов в сельской местности были учителя, священники, врачи, писари, в общем, все те, кого можно отнести к деревенской интеллигенции. Часто за автором угадывается выходец из города, волею судеб заброшенный в деревню. Достаточным интеллектуальным уровнем обладали и представители деревенской торговли. Более того, если верить прессе, они нередко стояли у основания кооперативов. Но среди авторов журнальных обзоров они не встречались. Напротив, корреспонденты обычно резко дистанцировались от сельской торговли и всего, что с нею было связано.

Большинство сведений, присылаемых добровольными информаторами для публикации в периодической печати, концентрировалось на проблемах внутренней жизни сельских потребительских обществ. Хотя порой предлагался и общий обзор положения дел в своей деревне, местности. Можно выделить несколько наиболее волнующих корреспондентов тем. Прежде всего, обращает на себя внимание освещение конфликтов по поводу объединения и разделения кооперативов. Это была не чисто кооперативная проблема. В революционные 1917–1918 гг. происходило неуёмное и столь же чреватое конфликтами перекраивание административного деления, чаще всего сводившееся к дроблению волостей. Члены быстро разраставшихся кооперативных обществ и товариществ, особенно когда они включали несколько селений, конфликтовали из-за неравномерного распределения товаров между лавками. Такие конфликты после бурного выяснения отношений также часто оканчивались «разводом».

Вторая тема – разбор недостатков в организации работы кооперативов. Повсеместно встречались упоминания о плохом ведении счетоводства, но сама по себе эта проблема не вызывала особого раздражения. Обычно она была связана с другой распространенной бедой сельских обществ – хищениями. Вот о них спешили поведать добровольные информаторы своим читателям и поделиться своими соображениями об истоках этого явления.

Третья тема, проходившая рефреном через значительное количество сообщений, – борьба с частным капиталом. Ведь большинство сельских кооперативов создавалось именно для того, чтобы миновать частного посредника. Эта последняя проблема понималась авторами настолько широко, что они не только посвящали ей специальные письма и очерки, но и возвращались к ней постоянно, о каких бы сюжетах не повествовали своими читателям.

Вот довольно типичный тон, встречающийся в описаниях истории возникновения потребительского общества: 11 февраля 1916 г. образована Зыряновская контора Мариинского союза кооперативов, и «загудело тогда кулачье, как расшевеленное гнездо ос с яростью набросилось на кооперацию»[1]. Другой пример: «Несознательные крестьяне верят этим обещаниям, раздающимся из уст исконных врагов крестьянства»[2], – сетовал один из поборников чистоты кооперативной идеи. Его огорчал тот факт, что прагматичные сельские жители считали выгоднее обращаться в частную лавку, а не в потребительскую, так как в этом случае они экономили на уплате пая. Автор умолчал подробности, но, судя по всему, цены были одинаковые в обеих лавках. Не имея других аргументов, автор вспоминал, как в начале Первой мировой войны деревенские торговцы взвинтили цены. Именно в те месяцы стала популярна идея открытия потребительских обществ, предохранявших мужиков от капризной рыночной конъюнктуры. Быстрый отлив неофитов из кооперативов он объяснил предательской работой буржуазии, но не внутренними проблемами в самой кооперации, на которые непредвзятый читатель обратит внимание вопреки желанию автора.

Излюбленный сюжет многих корреспонденций – детали того, как в борьбе с торговцами и спекулянтами рождалось их потребительское общество. Даже неангажированные рассказчики упоминали о социальном противостоянии в своем населенном пункте. Так выглядит, например, предположение, что артельщик кооператива, у которого дела идут из ряда вон плохо, наверняка находится в сговоре с местным торговцем, дело которого процветает[3].

Подчас отчаявшиеся авторы обращались к вышестоящим инстанциям с призывом навести наконец порядок в местных потребительских обществах, заменив своекорыстное руководство истин-

---

[1] Народные мысли. Мариинск. 1918. № 37. С. 14.

[2] Там же. 1918. № 49–52. С. 29.

[3] Кооперативное дело. Иркутск. 1919. № 7. С. 38.

ными работниками кооперации, заботящимися в равной степени обо всех жителях и о культурно-просветительских нуждах деревни, а не о прибыли кооператива[1].

Нечасто авторы ограничивались простой констатацией факта: при смене казначея обнаружили недостачу, приказчик сбежал, похитив кооперативные деньги, и т.д. Обычно они склонны были предлагать читателю свое видение причин случившегося. Многие исходили из того, что все недостатки в работе местного кооператива есть результат происков местных торговцев. Причем когда деятельность общества или товарищества критиковалась, то тем, кому приписывалась вина за недочеты в работе, обычно наделялись чертами местных буржуа. Этот исходный тезис не требовал излишних доказательств, если у руководства кооперативной организацией стоял местный торговец. Например, неизвестный автор сообщал, что в с. Михайловское Алчедатской волости Мариинского уезда потребительское общество существовало с 1911 г. Но пока дела возглавлял местный торговец Фадеев, кооператив работал неудовлетворительно. Паи несли плохо, и Фадеев часто вел работу на собственные средства. И только когда в феврале 1917 г. избрали правление, дела, по утверждению корреспондента, пошли в гору[2]. А в селе Красноярское Златогорской волости все беды случились от того, что местное потребительское общество возглавил священник. По версии корреспондента, он установил себе высокую зарплату и стал распределять продовольствие не беднейшему населению, как постановило общество, а богачам[3].

Кстати, судя по сообщениям корреспондентов, значительная часть кредитных товариществ и потребительских обществ начиналась с приглашения к работе людей, связанных с местной торговлей. Их звали как знающих торговое дело и имеющих коммерческие связи. Но, едва начав свою деятельность, такой новоявленный кооператор попадал под «оптический прицел» классовой критики. Он находился под подозрением у односельчан (возможно, не всех, а только части), которые добивались со временем смены приказчика (артрельщика/председателя правления). Чтобы избежать односторонности, отметим, что корреспонденты нередко отмечали и обратный вариант – шквальную критику деятельности кооператива со стороны людей, причастных к торговле. О ней читатели, правда, узнавали не из первых уст. Как уже отмечалось, предста-

---

[1] Народное дело. 1918. № 49–52. С. 29.
[2] Народные мысли. 1918. № 8–9. С. 9–10.
[3] Там же. 1917. № 6. С. 9–10.

вители деревенской коммерции не писали сообщения в журналы. Но сами авторы статей, описывая собрания потребительских обществ или сельских сходов, нередко отмечали жестко критическую позицию людей, связанных в прошлом или настоящим с торговлей. Даже повествуя о них с явным предубеждением, корреспонденты признавали за ними авторитет в сельской среде. Нередко в своей критике кооперативной жизни они были настольно убедительны, что масса сельчан прислушивалась именно к их советам и устраняла от руководства кооперативом тех, кого авторы корреспонденций относили к «истинным кооператорам» и «радетелям за народ».

Иногда борьба шла даже за очень конкретные организационные формы. В частности, принципиальным подчас становился вопрос о том, выбирать ли правление кооператива либо решать все вопросы на общем сходе. Однако предпочтения, видимо, зависели от ситуации. Как правило, члены кооперативов не доверяли правлению, кого бы они в него не выбрали. На правление смотрели как на неизбежное зло, стремились дать ему как можно меньше полномочий и возложить побольше ответственности. При этом оппоненты обычно обвиняли друг друга в сознательном развале кооператива на пользу частным торговцам. Поэтому одни корреспонденты писали, что руководство кооператива находилось как в осаде под шквалом критики «местных буржуев», стремящихся развалить кооперативную организацию, другие, наоборот, сетовали на то, что руководство в кооперативе захватили торговцы, противостоящие демократическим чаяниям кооперативных масс.

Печальная правда заключалась в том, что любой руководящий состав оказывался под подозрением в растратах и хищениях. И в большинстве случаев подозрения были далеко не беспочвенными. Не только кооперативные журналы, но и газеты пестрили сообщениями о подобных скандалах внутри отдельных кооперативных организаций. Например, по сообщению с Урала, весь 1918 г. правление Долматовского кредитного товарищества большую часть получаемых товаров не приходовало, а распределяло между собой[1]. Сходные истории – явление массовое, принимавшее характер социального бедствия. Поэтому часто встречаются сообщения о том, как в потребительском обществе меняли лидеров одного за другим, и каждое новое руководство характеризовалось не лучше предыдущего. Авторы сообщений писали о том, что в некоторых общест-

[1] Отечественные ведомости. Екатеринбург. 1919. 15 июня.

вах чехарда приказчиков, казначеев, членов правления, артельщиков ведет только к одному – все они уличаются в воровстве. Но даже если у руля кооперативной власти вдруг оказывались честные люди, это не защищало их от подозрений и мелочной критики[1]. Недоверие охватывало отношения рядовых участников кооперативных организаций не только с руководством низовых структур. Представитель одного из Приангарских потребительских обществ справедливо подметил, что если союз хотя бы однажды не смог удовлетворить запросы конкретного сельского кооператива, то сразу местные сельчане начинали обвинять союзное руководство в воровстве и укрывательстве товаров.

Очень часто корреспонденты негативно оценивали случаи увеличения оплаты руководителям кооперативов, говоря о том, что они ведут себя как буржуи и рвачи. Но есть среди авторов и те, кто рассуждал иначе. Они писали, что до тех пор, пока сельчане не установят достойную оплату своим кооперативным работникам, те будут вынуждены искать заработки на стороне. Это неизбежно приведет либо к плохому ведению дел, либо к коррупции[2].

Имея возможность самостоятельно и демократично формировать управленческий аппарат кооперативных организаций, крестьяне в подавляющем большинстве создавали слабую, неавторитетную власть, терзали её подозрениями. Вместе с тем в сельской среде не находилось и людей, способных эффективно управлять и внушить доверие односельчанам. Демократично сформированная власть сама на каждом шагу себя дискредитировала.

Казалось бы, было над чем задуматься и из чего извлечь уроки. Но причины проблем большинство авторов находили достаточно легко и отнюдь не в самой природе устройства сельской власти и сельских кооперативов. Корреспонденты оказывались не чужды «классовой диалектике». Проворовавшиеся приказчики, кладовщики, члены правления наделялись чертами буржуазного сознания. Ангарский корреспондент сообщал, что все сельские общества находятся под пятой спекулянтов, оттого и прозябают[3]. Попытка анализировать подталкивала большинство авторов к призывам

---

[1] Кооперативное дело. 1918. № 7. С. 48; Народные мысли. 1918. № 6–7. С. 9–10; Обский кооператор. Ново-Николаевск. 1919. № 5–6. С. 32; Томский кооператор. Томск. 1919. № 4. С. 22; № 14–15. С. 10. № 19. С. 12 и др.

[2] Народное дело. 1918. № 49–52. С. 14.

[3] Кооперативное дело. 1918. № 5. С. 37.

искать внешних по отношению к сельскому миру врагов, борьба с которыми и станет залогом успешной работы кооперативных организаций.

Подобная социальная нетерпимость характерна в равной степени для корреспондентов в и период Первой мировой войны, и в революционные годы. Хотя, конечно, тон сообщений со временем менялся. Некоторым авторам оказалась близка идея об обострении социальных противоречий под влиянием революции. Житель села Большая Елань Иркутского уезда сообщал, что к 1917 г. произошла полная остановка частной торговли. После этого «в кооперацию, главным образом деревенскую, стали лезть прежние торговцы, кулачки; после революции полезли урядники, стражники»[1]. Причем, признавая, что среди рядовой массы эти люди настолько популярны, что при всеобщей поддержке получают в местном кооперативе руководящие должности и все считают их благодетелями, автор уверен, что они внедрились в кооперативные ряды с целью развалить кооперацию изнутри и обогатиться за её счет. Есть и еще одна причина укрепления «классового чутья» среди кооператоров. После революции устами приезжавших из союза инструкторов, строками союзных циркуляров деревенским кооперативным организациям постоянно напоминали об угрозе, исходившей от представителей частного капитала. Это являлось достаточно эффективным способом организационного укрепления сельских кооперативов: именно после бесед с инструктором нередко принимались решения об увеличении паев, переизбиралось руководство. Но, пожалуй, важнее не сиюминутные решения, ради которых обычно и предпринимались подобные демарши кооперативного руководства, а долговременные последствия такой агитации. Они осуществляли функцию социальной мобилизации сельского общества вокруг идеи борьбы с общим врагом, в собирательный образ которого попадала широкая группа, связанная с предпринимательством и материальным успехом, группа, всегда пользовавшаяся у сельчан авторитетом, который причудливо переплетался с недоверием и ненавистью.

Обращает на себя внимание тот факт, что помимо информационных целей в некоторых сообщениях примешивается еще и мотив «легитимации» действий кооперативного руководства. Так, нередко сообщения с мест заканчивались историей о том, что натерпев-

[1] Кооперативное дело. 1919. № 7. С. 38.

шиеся сельские обыватели, обычно вдохновляемые «истинными сторонниками» кооперативной идеи, решились заменить «опостылевшее» руководство на новое, которое стало наконец работать во имя общественного блага. При этом, как правило, назывались фамилии тех сельских активистов, которые выступили избавителями односельчан от засилья торговцев. Если присутствует подпись автора, она, как правило, свидетельствует о том, что он был в числе организаторов «кооперативного переворота». Но даже если подпись отсутствует, по тону сообщения становится понятно, что автор из одного лагеря с той сельской группой, действия которой одобряет. Были обратные примеры: корреспонденты сообщали, что процветавшее вначале, когда у руля стояли самоотверженные энтузиасты, дело вдруг зачахло. Объяснение находилось – в руководство потребительского общество коварно проник недоброжелатель – друг или родственник местного купца[1]. Очевидно, что автор в данном случае находился в числе противников нынешнего кооперативного руководства и готовил почву для очередной смены власти. Подобными сообщениями авторы как бы поясняли мотивы действий своих и своих сторонников. Отношение к печатному слову в деревне было весьма трепетным. Сам факт публикации в печати сведений о местных событиях жители окрестных деревень воспринимали как подтверждение истинности излагавшейся в печати точки зрения. Публикация таких сообщений в местном журнале лишь для постороннего читателя носила информационный характер, а для «инсайдера», включенного в описываемую борьбу, являлась своеобразным подкреплением определенной точки зрения авторитетом редакции и руководства союза, издававшего журнал.

Отдельная тема – взаимодействие кооперации и общинной организации. В сообщениях корреспондентов прослеживается, что население не всегда четко отделяло кооперативные организации от деревенского общества в целом. Довольно типична ситуация, когда приехавший из кооперативного союза инструктор пытался созвать собрание членов местного кооператива, а его руководители ему доказывали, что все насущные вопросы следует решать на сельском сходе (поселковом собрании)[2]. И это не удивительно. Судя по сообщениям корреспондентов и кооперативной статистике, большинство сельских потребительских обществ включало в свой со-

[1] Народное дело. 1918. № 49–52. С. 31.

[2] Амурская кооперация. Благовещенск. 1919. № 13–14. С. 16–17.

став основную массу жителей. С 1917 г. важнейшие предметы дефицита распределялись между сельскими жителями через кооперативные лавки. При этом кооператив получал товары на все население и обязан был распределить его между всеми сельчанами. Часто не существовало и четкого разделения имущества, капиталов между общиной и кооперацией. В Жиляковской волости Ишимского уезда потребительское общество организовали на основе капитала, оставшегося от земской лавки. А в Магдогачинском поселковом потребительном обществе «Союз» члены кооператива ввели самообложение для оплаты услуг местного причта[1]. Таких примеров достаточно много и все они свидетельствуют в пользу того, что внутренняя жизнь сельских кооперативов вполне достоверно отражала внутреннюю жизнь деревни в целом. Особенно справедливо это, если учесть, что нас интересует не хроника политической борьбы, а настроения, ориентации и ценности сельского населения. В этом смысле проанализированные источники следует признать вполне репрезентативными.

До тщательно продуманной большевистской пропаганды классовой ненависти было еще далеко. Когда в конце 1919 г. в Сибири восстановится советская власть, развернется мощный аппарат формирования образа врага. Но его черты угадываются задолго до окончания Гражданской войны и даже задолго до революции. Хоть и справедливо отмечают исследователи, что большевики на протяжении длительного времени, вплоть до самой коллективизации, чувствовали себя в деревне неуютно, оставались чужими основной массе сельского населения[2], все же близость социальной картины мира будущих победителей в гражданской войне и активистов кооперативного движения очевидна. Сквозь изученные источники угадывается противопоставление авторов журнальных корреспонденций основной «темной» массе деревенских жителей, которые не разделяют и не понимают многие идеи и ценности, очевидные для сторонников кооперативной идеологии. Но ведь именно те, кто стоял во времена Первой мировой и Гражданской войн у истоков

---

[1] Амурская кооперация. 1919. № 16. С. 17; Ишимский край. Ишим. 1918. 4 сент.

[2] См.: *Шуранова Е. Н.* Сибирское крестьянство глазами представителей власти (1920–1927 гг.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Ч. 1. Омск, 2002. С. 164–166.

кооперативного движения в деревне, – пронизанная насквозь социалистическими идеалами сельская интеллигенция, – в последующие годы станут проводниками мероприятий советской власти по социально-экономическому развитию деревни и её политическому воспитанию. Идею классового противостояния большевики не привнесли в деревню извне. Они только укрепили и развили, четко сформулировали и оформили то, что присутствовало уже в определенном слое сельских жителей. Сами лидеры советской власти являлись носителями того антибуржуазного сознания, которое было широко распространено в разночинской массе дореволюционного населения, в том числе и среди сельских разночинцев.

С.Г. Сизов

БОРИС ЛЕОНОВ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАКАТЕ (РАССКАЗЫ, ЭССЕ, СТАТЬИ 1966−1976 гг.)

14 марта 2007 г. минуло три десятка лет, как ушёл из жизни один из малоизвестных омских литераторов и мыслителей − *Борис Фёдорович Леонов* (1900−1977). Между тем убеждён, что подобное забвение (в прошлом для этого были политические причины) несправедливо: жизнь этого человека и его творческое наследие, без сомнения, представляют немалый интерес для историков, литературоведов, театральных деятелей.

Жизнь Леонова поначалу складывалась достаточно типично для той эпохи. Детство в семье деревенского священника, непростые отношения с родителями. Затем – духовное училище и семинария в Орле, мечты о литературном поприще, первые стихи. Революционный вихрь 1917 г. захватил юного поэта: Борис вступает в Красную армию и партию большевиков. К 1921 г. Леонов успел повоевать на фронте (дослужился до заместителя начальника политотдела бригады), принял участие в подавлении крестьянских восстаний в Тамбовской губернии. После Гражданской войны Борис Леонов возвращается в Орёл. Здесь он оканчивает два курса Орловского пролетарского университета, участвует в деятельности местного Тургеневского общества, пишет стихи и пьесы. Некоторые его произведения: стихотворение «Эскиз», поэма «Русь», пьеса «Угольки» отразили всю сложность и противоречивость его положения и мировоззрения.

С середины 1920-х гг. Леонов занимал различные должности в учреждениях культуры, профсоюзных организациях, партийных органах в Москве, Можайске, Коломне, Новосибирске, Ленинске-

Кузнецком. В 1932 г. он приезжает в Омск и вскоре становится сотрудником, а позднее и заведующим литературным отделом «Омской правды». Все эти годы Леонов не оставляет занятие литературой: помимо художественных произведений (повести «Когда затихают грозы», «Остатки прежней роскоши», пьеса «Собор»), пишет работу о творчестве Б. Пастернака, исследование о советской драматургии, обращается к творчеству Э. Хемингуэя.

В «Омской правде» в 1935–1936 гг. регулярно появляются его литературно-критические статьи и театральные рецензии. Леонов был одним из активных борцов с «формализмом» в искусстве и, как мне кажется, участвовал в этой кампании искренне. Осуждая разрыв с классической традицией, он негативно высказывался по поводу экспериментов омского «синтетического театра» Торского, пытавшегося объединить на омской сцене оперу, оперетту, драму. Такие спектакли в условиях недостаточной подготовки артистов нередко оказывались провальными.

В 1937 г. Леонова исключают из ВКП(б) за «антипартийные разговоры». Литературная карьера теперь уже навсегда заказана, и ему ещё повезло, что удалось устроиться заведующим литературной частью драмтеатра. Но в 1944 г. Б.Ф. Леонов был арестован и осуждён по статье 58-10 («контрреволюционная пропаганда и агитация») на 10 лет лишения свободы с поражением в гражданских правах на 5 лет. Кроме признаний обвиняемого (полученных под давлением) и показаний свидетелей, следствие в качестве доказательства вины Леонова использовало рукописи его работ разных лет, которые были истолкованы как «антисоветские».

Свой срок Борис Фёдорович отбывал в Омске, на Урале и на Колыме. По возвращении в Омск в 1956 г. он нигде не мог устроиться: в учреждения культуры и образования его не брали, а заниматься физическим трудом не давало возможности здоровье, подорванное в лагерях. Вынужденную безработицу недавний политзэк использовал для литературного творчества, что обернулось для него новой бедой.

«Послевенгерское похолодание» конца 1950-х гг. привело к новому витку политических репрессий. Леонова вновь арестовали, конфисковали его архив и снова нашли в его высказываниях и рукописях «антисоветскую пропаганду». В октябре 1958 г. он был приговорен к 10 годам лишения свободы по той же статье. Тяжелая работа в Озёрлаге (под Тайшетом) и мордовских лагерях, пережи-

вания вскоре привели к инвалидности: он был парализован. Его жена и товарищи по мордовскому лагерю обращались в высшие инстанции с просьбой помиловать инвалида. Лишь в январе 1965 г. дело Леонова пересмотрели: он был не только освобождён, но и полностью реабилитирован по обеим своим судимостям.

Вернувшись в Омск, он продолжал внимательно следить за литературным процессом и не оставлял занятия литературоведением и искусствоведением. Большая часть его статей не могла увидеть свет, потому что в них ставились очень острые вопросы, свободное обсуждение которых было возможно лишь на неофициальном уровне. И он обсуждал это со своими немногими друзьями – М.М. Молостовым, Л.В. Шевчуком, которые также за своё свободомыслие подвергались преследованиям.

Даже будучи тяжелобольным человеком, Леонов продолжал писать. Впрочем, писать в прямом смысле этого слова он давно уже не мог. Всё что написано им в последние годы, имеет форму машинописи. И не потому, что он не хотел писать ручкой. Просто не мог: правая рука не работала. Левой рукой полупарализованный человек терпеливо выстукивал на пишущей машинке свои рассказы, статьи, эссе, заметки, письма. (Адреса на конвертах, если что-то отсылалось, подписывала жена). Б.Ф. Леонов хотел поделиться своими мыслями. Вряд ли омский вольтерьянец думал о том, что всё им написанное немедленно будет напечатано, но настоящий литератор пишет потому, что это для него жизненно необходимо. А Леонов действительно имел потребность писать, и при этом, конечно, не был графоманом: ему действительно было что сказать людям.

И всё-таки одна его работа увидела свет. Статья, посвящённая автобиографии Чарли Чаплина[1], была опубликована в сентябре 1967 г. журналом «Сибирские огни»[2]. К сожалению, публикация о Чаплине – это скорее исключение из правила. Многое из того, что писал омский вольнодумец, так никогда и не было издано. Мне кажется, для автора это было огорчительным, но не являлось главным. Главным было другое − высказаться. Есть надежда, что рукописи Леонова ещё будут изданы.

---

[1] *Чаплин Ч.* Моя биография. М., 1966.

[2] *Леонов Б.* Читая автобиографию Чаплина // Сибирские огни. 1967. № 9. С. 157–166.

Наследие его 1966–1976 гг. действительно велико. 25 рукописей самого разного объёма. В основном это публицистические произведения, но есть и работы литературоведческого характера, мемуарные зарисовки и очерки, эссе. С некоторыми произведениями стоит познакомиться подробнее.

В этом списке лишь один рассказ (о нём речь дальше) и одна… сказка ***«Мечта»*** (1966)[1]. Собственно, сказка больше похожа на притчу. Есть Иван, есть его невеста Мечта, а ещё есть Ватерпасов и иные товарищи. Впрочем, по порядку. Невеста Ивана, его Мечта, ставит условием их совместной жизни постройку невиданного в мире красивого дворца. И жить со своим воздыхателем будет не раньше, чем закончится строительство последнего этажа. Трудолюбивый Иван из любви своей к Мечте соглашается с её условием и начинает строительство. Но однажды на первом этаже его дворца объявляется неизвестный толстяк и заявляет Ивану: *«Меня прислали заведовать твоей Мечтой»*.

Строитель Иван по своему неразумению принял это как должное, а толстяк (Ватерпасов) начинает обрастать секретарями, помощниками, бухгалтерами, и каждый занимает комнату в строящемся дворце. Последним приходит сюда пьянчуга-поэт, который заявляет Ивану, что будет слагать гимны о его замечательной Мечте. Ну, а дальше происходит трагедия. Невесту свою, любимую Мечту, Иван застаёт вместе с Ватерпасовым в чулане. Но сделать обманутый жених ничего уже не может. Ни наказать, ни уйти: на него наставлены револьверы. И Иван продолжает строительство, напиваясь каждый выходной, чтобы заглушить своё горе. Грустная сказка, что и говорить. Но ассоциации Леонова очень понятны. Иван символизирует народ, Мечта – это действительно мечта о царстве свободы, равенства и братства, а Ватерпасов – это бюрократия, которая губит светлую мечту.

В 1966 г. Леонов заканчивает небольшой рассказ ***«Цветы, луна и любовь»***, задуманный ещё в лагере (об этом свидетельствует дата написания: 1 мая 1960 г. – 1 ноября 1966 г.). Рассказ слабоват, но одна теория, высказанная персонажем из данного произведения, любопытна. Пожилой садовник уверен, что цветы всё чувствуют и понимают. Поэтому они успешно цвели в старом саду, а теперь,

---

[1] *Леонов Б.* Мечта. (10 сентября 1966 г.) // Архив научно-исследователь-ского центра «Мемориал», г. Санкт-Петербург (далее – АНИЦМ). Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 16.

когда кругом грубость и хамство, цветут очень плохо. Намёк автора достаточно ясен: невоспитанность современного поколения убивает красоту.

Б.Ф. Леонов продолжал откликаться и на важнейшие общественные события 1960-х гг. Он не может и не хочет молчать. Ему есть что сказать, и он хочет быть услышанным. В 1966 г. он пишет большое и очень продуманное ***«Письмо в редакцию»,*** направленное в газету «Известия»[1]. Автор привлёк внимание редакции к публикации Владимира Лакшина «Писатель. Читатель. Критик». Эта статья Лакшина, появившаяся в тогдашнем лидере официальной либеральной мысли – журнале «Новый мир», имела значительный резонанс. Неудивительно, что её не оставил своим вниманием и Леонов, который чутко следил за литературными новинками.

Леонов поддерживал курс «Нового мира», возглавляемого А.Т. Твардовским, на обновление советской литературы. В.Я. Лакшин, заведовавший отделом критики в журнале, по сути, добивался расширения рамок «разрешённого, приближения литературы к реальным проблемам общества. Те же позиции в своей статье отстаивал и Леонов. Он пишет об опасности для общества всевластия бюрократии, которая подчиняет себе все общественные процессы, подавляет всякую критику.

В ответном письме заместитель редактора по пропаганде газеты «Известия» Ю. Шарапов возражает Леонову: *«В Вашем письме есть и верные мысли, и верные наблюдения, но тональность его, думается, предвзятая. Вы считаете, что в процессе борьбы нового со старым нам приходится отстаивать очевидные истины. Но ведь то, что очевидно для Вас, не всегда очевидно для всех. Не кажется ли вам, что вы немного забегаете вперёд? В той большой, кропотливой воспитательной работе, которую проводит наша партия, нужно терпение, выдержка, последовательность, в том числе и отстаивании очевидных истин»*[2].

В ответе редакции, как видим, содержится позиция, против которой фактически Леонов и выступал в своём письме. Считая многие мысли Леонова «верными», Ю. Шарапов тем не менее полагает, что двигаться нужно крайне осторожно, нельзя «забегать впе-

---

[1] Архив семьи Б.Ф. Леонова (далее − АС). *Леонов Б.Ф.* Письмо в редакцию [газеты «Известия»], 1966.

[2] АС. Письмо замредактора по пропаганде газеты «Известия» Ю. Шарапова Б.Ф. Леонову, № 2825-01 от 10 ноября 1966 г.

рёд». Общество, по его мнению, не готово к расширению рамок «разрешённого». Проще всего сегодня, с высоты прошедших лет, обвинять замредактора газеты в стремлении избежать каких-либо перемен, сохранить лицемерие «застоя». Точно так же, как легко представить Леонова буревестником «перестройки» со всеми её перекосами. Мне кажется, всё здесь не совсем просто. Можно сказать, что здесь сталкивались две позиции: Леонов и его союзники считали, что преодолеть проблемы общества возможно через реформы «ленинского масштаба». Шарапов, в свою очередь, представляет официальную позицию, точку зрения тех сил, которые боялись радикальных перемен. Да, они действительно их боялись, памятуя о Венгрии 1956 г. И хотел бы заметить, что здоровое зерно, конечно, есть и в позиции Шарапова. И всё же складывается впечатление, что за стремлением сохранить стабильность скрывалось нежелание что-либо менять. Да и не так уж и радикален был Борис Леонов…

Развивает свои мысли бывший политзек и в других своих работах. Надо сказать, что наследие Леонова вполне достаточно для того, чтобы понять общественно-политические взгляды автора. Большой интерес представляют его работы (по жанру это, скорее, эссе) и заметки, дошедшие до нас.

Большую творческую активность Леонова совсем не случайно вызвал 1967 г. Ведь это год 50-летнего юбилея Октября. Год, когда действительно стоило задуматься о том, что дала советская власть народу, в чём преимущества и недостатки современного социалистического общества. Естественно, в юбилейном году советская официальная пропаганда массированно проводит идеологические мероприятия, в которых даётся весьма приглаженная характеристика существующих проблем и подчеркиваются достижения (порой впечатляющие). Б.Ф. Леонов противопоставляет этой пропагандистской кампании собственные размышления о целом ряде общественных проблем. Тем более что страна вступила в новый политический этап: брежневское руководство стремится законсервировать существующие общественные порядки.

Первой работой цикла стало эссе ***«Мой современник»*** (21 января 1967 г.). Леонов пытается посмотреть на современника объективно, без, как он пишет, *«поповской елейности»*. Он отмечает немало положительных черт у современника. Отсутствие *«рабского трепета при виде денег»*, стремление к знанию. Но чего же не хва-

тает современнику? Ответ для Леонова однозначен: смелости, настоящей гражданской смелости.

«Мой современник смел «с дозволения начальства». Он может громить почём зря американский империализм и расовую дискриминацию, но у него по-прежнему прилипает язык к гортани, когда кто-либо вдруг начнёт критиковать Святая Святых наших судеб ЦК КПСС. В былые годы мой современник только восхищался своим правительством. Иногда он делал это чисто механически, рефлекторно, порою – по соображениям профилактики. Похлопав в ладоши, рук не отобьёшь, зато спокойнее будет на душе. Всё, что ему полагается, кесарь получит полностью. Комар носу не подточит.

Сейчас времена другие. Казённо восхищаются одни лишь бюрократы да партийные чиновники. Но это в порядке вещей. Восхищаться и славословить они обязаны по должности.

Мой же современник, если он только не состоит членом партии, а если и состоит, то не занимает в ней видного места, предпочитает помалкивать. Во всяком случае, думает он совсем не то, что подчас ему приходится говорить.

Но трусит он по-прежнему. И по-прежнему никому не верит.

Русский народ напуган на сто лет вперёд.

О, это нелегкая задача вернуть моему современнику былую смелость!»[1]

И тем не менее Леонов надеется, что рано или поздно люди могут задуматься о чём-то более важном, чем удовлетворение материальных потребностей. Русский человек не станет мещанином и обывателем. Власть должна быть готова к удовлетворению растущих духовных потребностей людей.

Эссе ***«Инквизиторы»*** (14 апреля 1967 г.)[2] написано под впечатлением от перечитанных «Братьев Карамазовых», а точнее, знаменитой легенды о Великом инквизиторе, помещённой в этом романе Достоевского. И вновь Леонов рассуждает о свободе и её цене, о том, действительно ли люди этой свободы жаждут или готовы легко её отдать очередному инквизитору. В его рассуждениях немало горечи и разочарования.

Поминает Леонов и известное дело А. Синявского и Ю. Даниэля, которые в 1966 г. за публикацию своих произведений на Запа-

---

[1] АС. *Леонов Б.* Мой современник. Л. 6–7.

[2] АС. *Леонов Б.* Инквизиторы.

де получили соответственно 7 и 5 лет лишения свободы. Многие люди, которые не читали произведений этих писателей, яростно их осуждали. В конце своей работы Леонов весьма пессимистически говорит о том, что Инквизитор оказался прав: люди ищут того, кому отдать свободу, поскольку нередко тяготятся ею. О себе же он горько замечает: *«...во мне всё ещё сидит Декарт: мыслю, следовательно, существую. А новые люди ни в каком Декарте не нуждаются. Они просто существуют».*

Статья ***«Интеллигенция и мещанство»*** (14 апреля 1967 г.)[1] одна из самых больших работ этого периода − 26 машинописных страниц. Главная тема данной работы − роль интеллигенции в стране и мире. У Леонова, хорошо знавшего разные поколения отечественной интеллигенции, было понимание её как культурного и нравственного камертона общества[2]. *«Интеллигент – это прежде всего человек широкой, многосторонней культуры,* – полагает он.– *Если ветеринарный врач и слыхом не слыхал о Рембрандте, если он не знает, в каком веке жил Иван Грозный, как можно назвать его интеллигентом! В лучшем случае он неплохой специалист по коровам и лошадям.*

Если инженер, войдя в автобус, оттолкнул женщину, чтобы скорей занять свободное место, будь он хоть семи пядей во лбу, он все-таки не интеллигент. Он – дурно воспитанный человек, а проще говоря – хамовитая личность»[3].

Кого же Леонов считал *«идеальным представителем интеллигенции социалистического общества»*? Ответ сегодня кому-то может показаться неожиданным: В.И. Ленина! В этом ещё раз проявилась верность старого марксиста идеалам (быть может, и иллюзиям) своей революционной юности. Имея в виду вождя Октябрьской революции, Леонов пишет: *«В нём было всё: богатейшая культура, исключительная по широте и гибкости ассоциативность мышления, динамическая целеустремлённость его, высокая*

---

[1] АС. *Леонов Б.* Интеллигенция и мещанство.

[2] Здесь мы сталкиваемся с пониманием интеллигенции не как социального слоя, выполняющего определённые функции («социологическая теория»), а как духовной элиты. Эта точка зрения («нравственная») также имеет место в науке, но критерии отнесения людей к интеллигенции в этом случае более размыты.

[3] АС. *Леонов Б.* Интеллигенция и мещанство. Л. 4.

человечность и мужество духа. О Ленине можно сказать словами Гамлета:

Он человек был, человек во всём,
Ему подобных мне уже не встретить.

Человек с большой буквы.

Как истинный, неповторимый вождь трудящихся всего мира, Ленин, при всей многогранности своей натуры, никогда не разбрасывался. Всегда и везде»[1].

В.И. Ленину, его человеческим качествам, его диалектическому мышлению и стилю работы Леонов противопоставлял Сталина, который, по мысли автора статьи, не только не умел так диалектически писать работы, но и нанёс большой вред советской интеллигенции. Помимо всех прочих причин, установлению культа личности способствовало мещанство. И именно поэтому с ним надо вести борьбу.

Статья ***«Перед тем как поднять чашу»*** (предположительно июнь – июль 1967 г.)[2] не имеет даты написания, но это отклик на письмо А.И. Солженицына, направленное IV Всесоюзному съезду Союза писателей 16 мая 1967 г. Это письмо, разосланное редакциям литературных газет и журналов, писателям-делегатам съезда, было необычным. Впервые гонимый властью писатель открыто обратился к своим коллегам, предлагая обсудить *«то нетерпимое дальше угнетение»*, которому подвергается литература. В письме автор требовал отмены политической цензуры художественных произведений, возвращения читателю произведений репрессированных литераторов и деятелей русского зарубежья. Кроме того, Солженицын потребовал возврата конфискованных у него органами КГБ рукописей[3]. Леонов в своей работе поддержал опального писателя.

В конце 1960-х гг. Леонов продолжает и литературоведческие исследования. Имея письма из ряда редакций, можно установить, что не позднее мая 1967 г. им написана статья «Художник и время», посвящённая Т. Манну и его роману «Доктор Фаустус». В том же году написана статья о романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», который был с большими изъятьями опубликован в журнале

---

[1] АС. *Леонов Б.* Интеллигенция и мещанство. Л. 6–7.

[2] АС. *Леонов Б.* Перед тем как поднять чашу.

[3] *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 597–600.

«Москва». Обе статьи не сохранились. Но, к счастью, дошла до наших дней другая литературоведческая работа того же 1967 г. – ***«Бессмертие»***. Это отклик Леонова на публикацию повести В. Катаева «Кладбище в Скулянах»[1]. Повесть эта привлекла внимание Леонова, поскольку в ней затрагиваются важнейшие вопросы сохранения исторической памяти народа.

Последняя известная литературоведческая работа главного героя книги – статья ***«На бемолях»*** (1976 г.), представляющая собой рецензию на повесть Ю.В. Трифонова «Дом на набережной». Повесть эта была напечатана в журнале «Дружба народов» и стала одним из самых заметных произведений 1970-х гг. Ю.В. Трифонов смог донести до читателя своё понимание того, что происходило с людьми в годы сталинского террора. И вполне понятно, что Леонов не смог не откликнуться на эту публикацию.

Борис Леонов, как и многие диссиденты, крайне отрицательно воспринял вторжение советских войск (вместе с войсками других стран Варшавского договора) в Чехословакию в августе 1968 г. Для него это означало не только гибель «Пражской весны» и окончание попытки «строительства социализма с человеческим лицом» в соседней стране. Он был уверен, что такая политика означает неизбежное закручивание гаек и в СССР. Ведь именно в период «послевенгерского похолодания» он потерял свободу во второй раз. Может быть, поэтому в конце 1968–1969 г. им написано так мало (хотя возможно, что некоторые работы до нас не дошли). Но вскоре Леонов вновь берётся за свою старую пишущую машинку. Тем более что в начале 1970-х гг. проходит множество важных юбилеев (100 лет Ленину –1970, 50 лет СССР – 1972).

Вот эссе ***«Век нынешний и век минувший»*** (4 июня 1970 г.)[2], где Леонов в свободной манере размышляет об общественных проблемах. И порой весьма остро. Вот, например, поднимается вопрос об ответственности партии за происходящее в стране.

«Если спросить любого советского труженика:

− Какой, по-вашему, самый большой недостаток у нас в стране?

Ответ, кажется, будет один.

− Бюрократизм.

А некоторые скажут еще решительней:

---

[1] *Леонов Б.* Бессмертие [О повести В. Катаева «Кладбище в Скулянах»]. (Не позднее ноября 1967 г.) // АНИЦМ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 22.

[2] А.С. *Леонов Б.* Век нынешний и век минувший.

− Бюрократическая каста.

Когда в стране хорошо или даже сносно, принято говорить с умилением:

− Спасибо нашей любимой партии! Спасибо дорогому правительству!

Ну а когда скверно, к кому тогда обращаться? С кого тогда спрашивать?

Ответ даётся немедленно. Он выскакивает, как билетик из автомата:

«Не волнуйтесь. Партия тут ни при чем. Это всё отдельные случаи. Партия с ними борется».

И всё как будто в порядке.

Сколько уже лет щёлкает успокоительный автомат! Сколько выброшено билетиков! Сколько прикрыто общественного сраму и всё фиговым листком отдельного случая!

− Ну и Хрущёв! Вот наломал дров!

− Как, один только Хрущёв! А партия? Разве не партия объявила его лучшим ленинцем? Или это тоже отдельный случай? Случай, растянувшийся на целых десять лет?

Жена Цезаря выше подозрений. Так говорили в Риме.

Партия напоминает римскую матрону. Её репутация всегда чиста, как первый снег.

При Сталине был уничтожен цвет советской интеллигенции. Оставшиеся в живых вернулись из лагерей больные, опустошённые, с травмой до гробовой доски.

И всё же им говорили с укором:

− Ты что же, обиделся на партию?

В конце концов, как же следует воспринимать партию? Что это? Нерукотворный образ? Одна из платоновских идей?

Сколько вокруг лжи, лицемерия! Сколько показного!

Смелость, уже прошедшая цензуру!

Пафос, апробированный свыше!

Гнев с дозволения начальства!»[1]

Что же предлагал Леонов? Предложения его, надо сказать, вполне конкретны. Он подаёт их в виде вопросов, давая возможность читателю задуматься и ответить самому. А не лучше ли сделать то-то и то-то? И предлагает, в частности, провести массовую чистку партии, выгнав из неё *«по крайней мере миллиончика два*

---

[1] А.С. *Леонов Б.* Век нынешний и век минувший. Л. 7−8.

бюрократов, шкурников, проходимцев и прочих мусорных лиц», лишить чиновную верхушку *«хотя бы половины»* материально-бытовых льгот и преимуществ.

Имелись рекомендации и по правовой части. Он предлагал разрешить участие защитника с самого начала следствия (а не после окончания, как было тогда принято), увеличить число народных заседателей, повысив их права, Ну и, конечно, в этом эссе он вновь говорит о выборах. Пора перестать проводить пародию на выборы, когда в избирательных бюллетенях значится только один кандидат.

«Мысли после съезда» (предположительно апрель 1971 г.)[1] – это свободное по форме эссе, написанное после XXIV съезда КПСС. Автор неоднократно ссылается на вопросы, поднимаемые на съезде, и комментирует их, предлагает свою точку зрения. Основное внимание Б.Ф. Леонов уделяет современной советской литературе. Почему же в ней нет крупных достижений, сравнимых с «Тихим Доном» М. Шолохова или «Хождением по мукам» А. Толстого? Леонов пытается беспристрастно ответить на этот вопрос. *«Не потому ли, что все мы, люди нового мира, всё ещё находимся в становлении? А всякое становление, тем более такое, как наше, процесс нелёгкий. Мы идём к коммунизму не по Невскому проспекту. О, если бы на нашем пути лежал лишь один горючий белый камень! Их оказалось столько − глазом не окинуть! Одни были неотвратимы, другие необязательны. Без культа Сталина, без трагедии 1937-го года можно было бы обойтись. Но ведь и культ появился не на голой земле, этот пышный с виду мухомор вылез на свет божий из трудностей строительства социализма в одной стране, в одиночку.*

А людям пришлось расплачиваться за всё: за логику и бессмыслицу, за непреложность и произвол. Расплачивались не только нервами и желудком, но и собственной душой. Разве один только Маяковский становился на горло собственной песне? Песня есть у каждого. Но кому петь её, если тебе говорят: не верь даже другу? Петь для себя? А если кто-нибудь за дверью подслушивает? Лучше молчать. Молчать, стиснув зубы»[2].

Но автор эссе на этом не останавливается. Он подвергает резкой критике и современных писателей, для которых литература стала не призванием, а удобной кормушкой. Тех писателей, которые не обладают достаточными знаниями и талантом, но зато пишут «как положено»:

---

[1] АС. *Леонов Б.* Мысли после съезда.

[2] Там же. С. 4.

стандартные серые произведения, но зато политически выверенные. Он упрекает власть за то, что она развела, говоря словами М. Шолохова, «жирных котов» от литературы. Одновременно пишет и о том, что талант в существующей системе литературы нередко становится объектом преследования со стороны не в меру бдительных чиновников, и в этой связи говорит о необходимости более строгой литературной критики, которая может дать объективную оценку произведению.

Интересны размышления о церкви в эссе ***«Чаша»*** **(**7 апреля 1971 г.). Леонов рассказывает о жизни сельских священников, их хозяйственных заботах, социальном положении в предреволюционной деревне на примере своего отца и соседских попов. Свидетельства Леонова любопытны и для современных историков.

Рассказывая на склоне лет и о негативных сторонах этого быта: пьянство, азартные игры на деньги, увлечения слабым полом, – Леонов уже не столь категоричен в своём антицерковном максимализме, имевшем место когда-то. Да, всё это иногда было, но попы верили в Бога, атеизм в их среде был крайне редким явлением. Бездуховность, которую он нередко наблюдал в советские времена, заставила его иначе взглянуть и на роль церкви. *«Из русской истории церковь не вычеркнешь, мимо неё не пройдёшь! Как можно забыть Троице-Сергиеву лавру, Киевский Софийский собор, Ипатьевский монастырь. И не об одних только древних стенах, не об одних только золотых куполах я веду сейчас речь, я помню те великие дела, что свершались под сенью куполов. Не всегда православная церковь давала родине иеромонаха Илиодора и Гермогена Саратовского, когда-то был и великий радетель о земле русской Сергий Радонежский. Может быть, и тогда не очень-то искусно был изображён Нерукотворный Спас на стягах воинства русского, но под ним не на жизнь, а на смерть бились наши предки с татарвой, а в их полках монахи-богатыри Пересвет и Ослябя, там же, на Куликовом поле, они и смерть приняли. Нет, не одна только поповская кровь течёт в моих старых склерозных жилах, там ещё тихонько, замирающими ручейками переливается древнерусская родная быль – в шлеме, кольчуге, с тяжёлым мечом, осеняющая себя широким крестным знамением.*

Пусть символы, как и всё в мире, преходящи, духовная суть их нетленна»[1]. Фактически Леонов здесь подходит к очень важным выводам о необходимости бережного отношения ко всему ком-

[1] *Леонов Б.* Чаша // АНИЦМ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 13.

плексу духовного наследия России, несмотря на то, что это наследие включает нередко очень противоречивые направления.

В эссе ***«В часы раздумий»*** (17–20 июля 1972 г.)[1] Леонов касается такого вопроса, как цензура, которая в те годы душила свободную мысль. Большое внимание он уделяет роли интеллигенции в неизбежных процессах дебюрократизации и демократизации. Именно интеллигенция может провести мирный переход к более демократическому обществу. Своего рода глубокую реформу. Но Леонов имеет в виду отнюдь не сахаровскую конвергенцию капитализма и социализма, когда будет создано общество, сочетающее в себе черты обеих формаций. Он уверен в неизбежности коммунизма «как наиболее рационального и гуманного общества». Поэтому и рассматривает демократизацию именно как шаг в правильном направлении.

«Правительству нужно создать широко образованную интеллигенцию, – пишет Леонов. – *Без неё прогресс немыслим. Это голос эпохи, безоговорочное требование времени. Но такая интеллигенция наверняка будет сметь свое суждение иметь. Она не станет думать только «только и досюда». И не только в области техники, что, несомненно, будет только поощряться, но и в других, чисто духовных сферах общественного производства. И правительство, может быть, даже стиснув зубы, должно будет пойти не некоторую демократизацию мысли. А это, в свою очередь, может притупить наиболее острые формы оппозиционного вольтерьянства. И в результате получится нечто вроде внутренней конвергенции. Очень спокойный, мирный вариант».*

Не удовлетворяясь отдельными эссе, Борис Фёдорович в 1971–1973 гг. почти непрерывно ведёт свой ***«Дневник»,*** в котором размышляет об актуальных вопросах литературы, искусства, общественной жизни, записывает всё, что его волнует. Ныне эти записи хранятся в архиве петербургского «Мемориала». Это довольно большой массив: 190 тетрадных листов с оборотом, т.е. 380 страниц машинописного текста! Поражает круг интересов Леонова, его собственный обоснованный критический взгляд на то, что происходит в стране. Не меньше удивляет и осведомлённость парализованного затворника о событиях, происходящих не только в официальных, но и неофициальных кругах. Он выписывал многие газеты и журналы, вёл переписку, возможно, слушал и зарубежное радио. Но высказанные мысли Леонова продуманы и выстраданы им. В дневнике немало внимания уделено и диссидентам. И

[1] АС. *Леонов Б.* В часы раздумий.

здесь у Леонова свой взгляд. Он выразил его в нескольких словах, которые набрал в тексте с прописной буквы: *«ВСЯКАЯ РЕФОРМИСТСКАЯ КРИТИКА НЕПОДСУДНА»*[1].

14 мая 1974 г. Леонов пишет очерк ***«Чапай»***[2], посвящённый памяти Лины Семёновны Самборской (таково было её прозвище в артистических кругах). Этого человека и режиссёра Омского драматического театра Леонов хорошо знал и оценивал очень высоко. Портрет замечательного деятеля культуры написан им удивительно ярко, но без излишней сусальности.

Очень интересна для историка небольшая леоновская статья ***«Бурдино. В помощь изучающим историю КПСС»*** (11 октября 1974 г.)[3]. Поводом для статьи стала публикация сейчас уже никому не известного романа В. Астрова «Круча», в котором автор искажает реальные события внутрипартийной борьбы 1920–1930-х гг. Леонов, который знал о тех событиях не понаслышке, рассказывает, как было. Подробности, приводимые им, и сегодня весьма любопытны, а для того времени были бы откровением для тех, кто смог бы прочесть эти заметки. Но кто это мог сделать, кроме, быть может, нескольких друзей?

Стоит заметить, что Леонов не был зашоренным литературным «либералом». Он высоко ценил произведения писателей-»деревенщиков». В финале жизни (1976 г.) он вновь обращается к этим произведениям. *«Перечитывал трилогию Абрамова «Пряслины»,* – пишет Б.Ф. Леонов Молостовову. – *Вот эти романы надо проходить в школе, а не «Поднятую целину». Честные вдумчивые книги.*

В десятом номере «Наш современник» напечатал первую половину повести Распутина «Прощание с Матёрой». Стоит прочесть. Вообще, если рассудить здраво, «деревенщики» ставят не только проблемы сельского быта, это проблемы всей нашей эпохи. И по этой части у них что-то получается»[4].

---

[1] *Леонов Б.Ф.* Дневник [Общество, литература, искусство]. (1971–1973 гг.) // АНИЦМ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 124 об.

[2] *Леонов Б.* Чапай: (Памяти Л.С. Самборской). (14 мая 1974 г.) // АНИЦМ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 14.

[3] *Леонов Б.* Бурдино: В помощь изучающим историю КПСС // АНИЦМ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 15.

[4] Личный архив автора. Письмо Б.Ф. Леонова М.М. Молоствову (15 ноября 1976 г.). Копия письма подарена М.М. Муждаба.

Публицистические статьи, эссе, дневник, письма – своего рода завещание провинциального диссидента. Из этих материалов видно, что по масштабам своих размышлений он был вполне на уровне отечественной общественной мысли того времени. Прежде всего, либерально-социалистической или социал-демократической мысли. В мировоззрении Б.Ф. Леонова сочетались демократические убеждения с идеей социальной справедливости. Он, как явствует из его произведений, продолжал в целом позитивно относиться к социалистической идее, к произведениям К. Маркса и В.И. Ленина. И это несмотря на долгие годы заключения и ссылки! Объясняется это просто: он был сильным человеком и не позволял своей личной трагедии перечеркнуть значение идей, которые он разделял.

У Бориса Леонова не было иллюзий ни относительно социализма, ни относительно капитализма. Леонов не забыл свою нелёгкую дореволюционную юность, он ненавидел всесилие денег, безудержное потребительство, мещанскую ограниченность. Вполне понятно, что, прожив такую судьбу, он вряд ли имел иллюзии по поводу социализма. Романтические иллюзии были изжиты за годы Гражданской войны, «чисток», лагерей. Не сомневаюсь, что в ходе долгих размышлений, общения с другими инакомыслящими в лагерях он переосмысливал свои представления о социализме. Сталинизм он не принимал, считал ленинский путь совершенно иным. Особенно это ярко проявилось в его статье «В часы раздумий» и некоторых других работах.

И всё-таки, несмотря на перенесённые страдания, Борис Леонов сохранил многие из прежних своих идеалов, в том числе и стремление к социальной справедливости. Он верил в человеческий разум, человеческое достоинство. Некоторые его оценки резки, но в целом в поздних произведениях он сохраняет спокойствие и объективность. Его суждения намного более взвешенны, чем в годы юности. Он нашёл свою «точку над i», ту самую точку, которую мучительно пытался найти герой его повести «Остатки прежней роскоши» 1920-х гг. пропагандист Данский. Кажется, эта точка не что иное, как философия гражданина, в которой сочетаются и надмирность, и активная жизненная позиция. Более того, мне кажется, что некоторые леоновские наблюдения сохраняют свою актуальность и сегодня. Как современны до сих пор суждения и мыслителей других эпох, когда речь идёт о важнейших вопросах человеческого жизнеустройства.

В.М. Кулемзин

ВЛАДИМИР КЛАВДИЕВИЧ АРСЕНЬЕВ В МОЕМ ТВОРЧЕСТВЕ*

В конце зимы 1951 г., как-то вечером, на коньках, прикрепленных к валенкам, подошел я к школе. Жили мы рядом с ней. Здесь рабочие вносили в библиотеку увязанные в пачки книги. Женщина-библиотекарь развязывала шпагат и группировала полученное. В одной пачке я увидел на переплете книги лес и название «Встречи в тайге». Автором значился В.К. Арсеньев. Я сразу же взял эту книгу. Прочитал, но более не возвращался, запомнив фамилии и имена, которые были не менее экзотические, чем далекий Уссурийский край: Чжан-Бао, Дерсу Узала, Чан-Лин.

Прошло несколько лет. Однажды в сельской библиотеке с. Чумай краем уха я уловил разговор старшеклассников. Говорил Николай Копылов: «Самая хорошая книга – «В дебрях Уссурийского края» Арсеньева».

Не знаю почему, но я даже не спросил, есть ли эта книга здесь и можно ли ее взять. Прошло еще несколько лет. Однажды осенью 1955 г. в местной библиотеке с. Усть-Серта попала мне в руки «Сквозь тайгу» того же самого В.К. Арсеньева. Придя домой, я почти до конца прочитал ее, сидя на бревнах у себя во дворе. Мне обидно стало за автора той книги, потому что ее оценивал М. Горький. Мне показалось, что, наоборот, В.К. Арсеньев должен был дать оценку творчеству Горького.

Когда я стал этнографом-профессионалом, мне удалось прочитать всего В.К. Арсеньева. Книгу «Дерсу Узала. Сквозь Тайгу» мне

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01398а.

подарили в день рождения в 1973 г. К этому времени я имел уже немалый экспедиционный опыт, публикации, вскоре была защищена диссертация. У меня были проводники и переводчики, но чем богаче становился мой практический опыт, тем сильнее была тяга к этой книге. Без преувеличения на сей момент, читал я ее несколько сотен раз, сопоставляя «своих» проводников с героями В.К. Арсеньева. Основную часть публикаций, посвященную исследованию творчества В.К. Арсеньева, я также прочитал. Лучшим из этих исследований я считаю монографию А.И. Тарасовой «Владимир Клавдиевич Арсеньев» (М., 1985) и публикацию Бориса Сумашедова в газете «Советская культура» за 18 марта 1989 г. «Тропою Арсеньева». Оказался я в личном знакомстве с А. Сем, работавшим с архивом В.К. Арсеньева, и с А.Н. Липским – «этнографом с дулом пистолета», как его называли в 1920-е гг., противодействовавшим путешественнику.

Не скрою, уже давно, но не сразу, для себя я стал отмечать уязвимые места Арсеньева как стилиста. Их нельзя обойти, чтобы приступить к главному – к достоинствам.

Недостатки, о которых пойдет речь, относятся и к другим произведениям и публикациям писателя, поэтому я буду вести речь об одной книге «Дерсу Узала. Сквозь тайгу» (М.: Мысль, 1972). Здесь явно недостает редакторской и корректорской правки. Она была крайне необходима, потому что сам автор не определился с характером стиля. Что это: художественное произведение, репортаж с места, научный отчет или путевые заметки?

Более всего стиль соответствует требованиям научного отчета, так как художественное творчество не терпит специальной терминологии: «Терраса реки Такунчи слагается из глинистых сланцев… с обнажениями весьма древних конгломератов. Далее с левой стороны идет акмуровидный гранит с плитняковой отдельностью…» (С. 85). «Сопки состоят из базальтов с резко выраженной флюидальной структурой и листоватою сфероидальною отдельностью» (С. 66); «…андезит… дацит тридимитом и кремнистые сланцы. Близ устья реки горы состоят из кварцевого порфирита и плотной грейзеноподобной породы» (С. 111).

Описывая флору окрестностей залива Рында (С. 13), Владимир Клавдиевич ставит под номерами названия растений.

На всем протяжении книги часто встречаются такие нехудожественные фразы, как путь преградила упавшая «береза Эрмана»,

«вейник Лангсдорфа», поваленный бурей «тополь Максимовича» и т.д. Описывая реки, автор книги приводит данные, которые представляют интерес для специалистов, но затрудняют чтение текста, если его воспринимать как художественный.

Если столь детальное описание воспринимать как научный отчет или, во всяком случае, как краткую геологическую, топографическую, географическую характеристику, то этому не находят соответствия удачные художественные сравнения и образы. Таких мест не очень много, но они заметно оживляют и украшают повести и рассказы В.К. Арсеньева. Взять хотя бы описание случайной встречи с китайцем-отшельником, который из-за семейной ссоры покинул в молодости отчий дом и несколько десятилетий прожил на реке Такеме: «…на краю полянки я заметил маленькую кумирню, сложенную из накатника и крытую кедровым корьем. Около нее стоял на коленях старик и молился. Старик снял с левой руки деревянный браслет и, подавая мне, сказал: «Возьми, капитан, он принесет тебе счастье». После этого старик сделал земные поклоны на все четыре стороны и стал прощаться с сопками, фанзой, ручьем, который утолял его жажду. Ли Цун-бин обратился с трогательной речью к лиственницам. Он сказал, что посадил их собственными руками, и на его глазах они стали большими деревьями. Старик стал увязывать котомку и собираться в дальнюю дорогу на свою родину, чтобы примириться со своим братом, если он жив, и там окончить свои дни».

К удачным местам книги можно отнести описание переправы на плоту через Такему, своеобразное свидание Дерсу со своими родными, которые были на «том» свете, передачу им через огонь самого необходимого.

Много в книге лишнего, не имеющего отношения к общему содержанию (например, то, что, в отличие от прошлой экспедиции, на сей раз был взят бурав диаметром 8 мм; порядок построения пяти миноносцев (С. 10); в самом начале экспедиции упоминались какие-то безликие, не представленные читателю П.Г. Тигерстедт и А.Н. Пель. Странно и то, что сбор в экспедицию начался в середине мая (С. 6), а в апреле все было закончено (С. 8).

Много имеется стилистических и грамматических ошибок: фонограф назван фотографом (С. 222); кедровое корье названо кольем; вместо «смочил пальцы водкой» написано «помочил» (С. 31). Таких ошибок очень много, и даже неясно, кому они принадлежат –

автору или наборщику текста. На некоторых страницах повторяется одно и то же слово. «Он» и «они» на с. 31 встречается 19 раз. Отдельные места вовсе неинформативны: «Я хотел спуститься по реке Кулумбе до того места, где в прошлом году нашел удэхейцев» (С. 48); или «Я занялся обследованием окрестностей, где в прошлом году произошла встреча Дерсу с хунхузами» (С. 17).

Не принято в художественном изложении ставить под номерами явление, события, вещи, а также давать в метрах, сантиметрах, килограммах и вообще количественную характеристику описываемым предметам. Как раз это допустимо в научном отчете. Например, рассказывается, что Н.А. Десулави обратил внимание на следующие растения: «1) аструу… 2) особый вид астрагала… 3) живокость…» (С. 13, 14). Всего приведено семь номеров.

Во многих случаях писатель начинает предложение с союзов «И», «А», «Но», «Да», «Или», «Поэтому». Имеются и другие нарушения общепринятых правил изложения текста. Короче говоря, стиль – не стезя В.К. Арсеньева, поэтому я перехожу к тому, чем же он привлекателен, и не только привлекателен, но и бесценен, оригинален, неповторим.

Любой исследователь-этнограф знает, что с течением времени одни теории теряют свое значение, предаются забвению, а другие появляются, формируются, приходят на смену забытым. Однако факты, на которых строятся эти теории, остаются непреходящими, потому что сам факт – неопровержимое доказательство. Именно по этой причине, если нет общей теории, доказательством выступают сами факты. Этнография пока является эмпирической наукой, поскольку не базируется на выработанных ею законах, в отличие, например, от физики или лингвистики. В.К. Арсеньев смог с фотографической точностью передать детали культуры аборигенов Уссурийского края, привести примеры, характеризующие их мировоззрение. Я имею в виду мировоззрение в широком смысле слова, как суммарное представление о мире, а не только как фетишистское, анимистическое, православно-христианское или научно-материалистическое. Во многих дискуссионных случаях, когда сталкиваются взаимоисключающие точки зрения, пример, приведенный В.К. Арсеньевым, является ключом к правильному пониманию этнографических реалий.

Столь убедительных примеров не приводят даже такие этнографы-профессионалы, как Л.Я Штернберг, В.Г. Богораз, В.В. Радлов.

Для себя я объясняю большую удачу тем обстоятельством, что у В.К. Арсеньева с Дерсу были приятельские отношения. Два качества – наблюдательность В.К. Арсеньева и симпатии к Дерсу обеспечили успех. Я пришел к твердому убеждению, что только положительное отношение к народу-носителю культуры дает возможность правильно описывать и направлять по верному пути исследование. Я возьму лишь несколько показательных эпизодов. В.К. Арсеньев много раз акцентирует внимание на том, по его словам, первобытном коммунизме, который красной нитью проходит во всех действиях Дерсу. Остановившись на ночлег в семье старовера, Дерсу и В.К. Арсеньев обратили внимание на бедность и большое количество детей. Утром Дерсу пошел на охоту и, добыв оленя, попросил у Владимира Клавдиевича лошадь для доставки мяса, которое он поделил поровну между старовером-хозяином и его такими же бедными соседями.

В.К. Арсеньев не ставил своей задачей совершенствование методики этнографической науки, однако эта задача им была решена.

Этнографы высказывают разные предположения относительно того, как и каким образом душа человека в древнем мировоззрении превращается в животное, насекомое, птицу и каким образом она себя проявляет после этого превращения.

В.К. Арсеньев приводит следующий пример. Дерсу видел накануне во сне свою жену и детей, которые были голодны и зябли от холода. Они просили передать им еды и теплой одежды. Дерсу недалеко от лагеря развел небольшой костер, в который бросил кусок ткани, мясо, рыбу, спички. Так он послал в потусторонний мир все необходимое. После этого он стал внимательно прислушиваться к ночным звукам и, услышав крик птицы, отозвался сам: «Это ханяла [т.е. душа. – *В. К.*], – сказал Дерсу. – Моя думай, это жена. Теперь она все получила».

В другом месте В.К. Арсеньев описывает, как усердно ловил и наконец поймал пролетевшего мимо бивака жука бронзовку проводник Мулинка. По верованиям удэхейцев, этот жук не что иное, как душа лося. Спутники Арсеньева объяснили появление лося близ бивака именно тем обстоятельством, что зверь бродил в поисках своей души (С. 263).

Много примеров автор приводит тому, что, с точки зрения Дерсу, все окружающее, т.е. вода, земля, лес, принадлежит всем, но никому в отдельности. Если стоят в определенных местах удэ-

хейские ловушки, то это означает, что сейчас она – удэхейца-соболевщика. Когда промысловый сезон закончится и ловушки будут сняты, «исчезает» и «хозяин» территории. Об этнопоказательном (этноразличительном) характере вещей, в частности ловушек, говорят следующие факты. Звероловные ловушки различаются как по конструкции, так и по способу настораживания. Дерсу знал, что удэхейцы ставят по-своему, корейцы – по-своему, китайцы – по-своему, гольды – по-своему. По ловушкам видно, кто и как охотится и какая территория не занята никем. В.К. Арсеньев обратил внимание на то, что приезжие русские старообрядцы не имеют традиций изготовления ловушек и, пользуясь отсутствием частной собственности на землю, настораживают ловушки без всякого разбора: корейские, удэхейские, китайские – в любом удобном для них месте.

В.К. Арсеньев акцентирует внимание на взаимопроникновении культур, культурных традиций. Так, описывая обитателей фанз на реке Такеме, исследователь отмечает, что коренное население живет в фанзах китайского типа, зимой занимается соболеванием, а летом земледелием, многие умеют делать лодки и лыжи, говорят по-китайски, но счет ведут на своем языке. Кстати, из своей полевой практики я сделал заключение, что ханты, говорящие по-русски, счет ведут на своем языке, чтобы скрыть от скупщиков и сырьевщика-заготовителя количество имеющейся пушнины. При утрате языка система счета исчезает последней.

Редко кому из исследователей удавалось наблюдать шаманский сеанс полностью, от начала до конца и со всеми атрибутами. В.К. Арсеньев сделал подробное описание камлания сразу четырех шаманов – двух орочей и двух удэхейцев, камлавших последовательно – от самого слабого до самого сильного. Для науки представляет это большую ценность, особенно семантика одежды и бубна. Столь детальное описание в свое время было сделано и М.Б. Шатиловым у хантов. Теперь их сравнительный анализ помогает вскрыть генезис и пути эволюции религии и культуры, истории расселения народов.

В.К. Арсеньев приводит очень много бесспорных сведений о том, что общее благополучие человека, по мнению аборигенов, зависит от отношения к нему животных, деревьев, реки, водопада, духов и божеств, но это отношение строится на паритетных началах, где человек не возвышается над природой: он уравнен с окру-

жающим миром. По верованиям удэге, существующий невидимый дух «какзаму» есть хозяин всех муравьев, муравейников. В одном месте В.К. Арсеньев увидел, что муравейник с одной стороны был разрыт, хотя никаких следов животных не было. Владимир Клавдиевич слегка коснулся муравейника, и последующее недомогание спутника исследователя – Гобули – аборигены объяснили именно этим обстоятельством.

Интересные примеры приводит В.К. Арсеньев об эмоциональных проявлениях и реакциях у аборигенов. Описывая чувство страха у Дерсу, он приводит такой случай. Дерсу совершенно случайно встретился с тигром и обратился к нему с речью, чтобы тот уходил. Однако тигр не двигался с места, а продолжал рычать и бить себя хвостом. Дерсу решил испугать его выстрелом, после чего зверь бросился в кусты. Дерсу спокойно продолжал свой путь, не испытывая никакого чувства страха. Через несколько дней Дерсу возвращался своим же путем и наткнулся на убитого им тигра. Дерсу охватил страх, потому что душа тигра, которого Дерсу вовсе не хотел убивать, могла отомстить.

Точно так же аборигены, по словам В.К. Арсеньева, испытывали чувство страха перед пустотелыми березовыми стволами. По их мнению, эти «футляры» есть одежда лесного духа «какзаму».

В.К. Арсеньев приводит множество и других примеров, которые наглядно демонстрируют, что в основе поведения лежит мировоззренческий фактор.

В литературе, часто даже специальной, распространено мнение, согласно которому носители традиционной культуры слишком похожи друг на друга благодаря так называемому коллективному сознанию. В.К. Арсеньев, вероятно, не был знаком с работами Э. Дюркгейма и его сторонников, однако он дал полную характеристику своим спутникам орочам, подчеркнув существенные особенности характера каждого, порой взаимоисключающие черты (С. 237). Это имеет значение не только для этнографии, но и для религиоведения, культурологии.

Когда писатель дает подробную характеристику тому или иному герою, рассеивается впечатление о том, что Дерсу Узала – это единственный уникальный человек среди нанайцев, умеющий по едва заметным следам восстановить картину прошедших событий. Так, В.К. Арсеньев пишет: «Вернувшись из разведки, Намука сообщил, что нашел бивак двух русских, которые приходили сюда

позапрошлой зимой. С ними была собака, которая пропала в тайге. Потом один человек заболел, а другой ходил на белкование, но охота была неудачной. Когда кончились запасы продовольствия, они сделали грубые нарты и ушли на реку Хади. Часть имущества они сложили в лабаз и хотели следующей зимой сюда вернуться, но этого не получилось» (С. 250). Здесь же В.К. Арсеньев описывает путешествия еще троих своих спутников, ушедших на целый день на разведку. Все они вернулись к биваку в назначенное время уже в глубоких сумерках. Писатель акцентирует внимание на способности к пространственной ориентации обитателей лесов.

В научной литературе распространено мнение, что человек традиционной культуры столь консервативен, что не способен на действия, выходящие за рамки традиции. В.К. Арсеньев приводит очень большое количество примеров изобретательности Дерсу, которая помогала ему в самых сложных ситуациях. Так, например, было осенью на озере Ханка, когда во время сильного снегопада Дерсу поставил треногу от теодолита и, накрыв ее нарезанной осокой, соорудил своеобразное жилище. В другой раз он сделал из бересты зонтик, который во время дождя держал над планшетом Владимира Клавдиевича.

Однажды, чтобы в плотной небольшой палатке не было душно, он под вход в нее подсунул дуплистое бревно. Нанайцы-охотники довольно быстро нашли смазку для ружей: ею оказался растопленный жир из берцовой кости оленя. Я могу привести множество примеров из своей практики. Это опыт хантов, манси, селькупов, ненцев, шорцев.

В.К. Арсеньев внес очень большой вклад не только в отечественную, но и в мировую этнографию, обогатив ее бесценными материалами.

НАШИ АВТОРЫ

Бардина Прасковья Елизвовна – старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Музея г. Северска

Богомаз Сергей Александрович – доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Томского государственного университета

Большаков Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории Томского государственного университета

Видмер Анна – доктор филологии, ассистент Института финно-угроведения/уралистики, Германия, г. Гамбург.

Есипова Валерия Анатольевна – доктор исторических наук, зав. сектором отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета

Иванцова Екатерина Вадимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета

Кулемзин Владислав Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Лукина Надежда Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета

Нам Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета

Наумова Наталия Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и документоведения Томского государственного университета

Рынков Вадим Маркович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета

Мамсик Тамара Семеновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН

Сизов Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии (СибАДИ)

Сизова Екатерина Викторовна – ведущий библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета

Тубалова Инна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета

Щитова Ольга Григорьевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры русского языка Томского государственного университета

Эмер Юлия Антоновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета

Научное издание

ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – ЭПОХА

Выпуск 3

Социокультурные аспекты
освоения Сибири

Редактор *Т.В. Зелева*
Оригинал-макет *Д.М. Кижнер*

Подписано в печать 15.12.2008.
Формат 60х 84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 16,8; усл. печ. л. 15,6; уч.-изд. 16,1. Тираж 300. Заказ №

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ОАО «Издательство Иван Федоров», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1